

Рэй Дуглас Брэдбери

Человек в картинках

1. Prologue: The Illustrated Man / Пролог. Человек в картинках
2. The Veldt / Вельд
- 3. Kaleidoscope / Калейдоскоп**
4. The Other Foot / Другие времена
5. The Highway / На большой дороге
6. The Man / Человек
7. The Long Rain / Нескончаемый дождь
8. The Rocket Man / Космонавт
9. The Fire Balloons / Огненные шары
- 10. The Last Night of the World / Завтра конец света**
11. The Exiles / Изгнанники
12. No Particular Night or Morning / То ли ночь, то ли утро
13. The Fox and the Forest / Кошки-мышки
14. The Visitor / Пришелец
15. The Concrete Mixer / Бетономешалка
16. Marionettes, Inc. / Корпорация «Марионетки»
17. The City / Город
18. Zero Hour / Урочный час
19. The Rocket / Ракета
20. Epilogue / Эпилог

Пролог: Человек в картинках

Prologue: The Illustrated Man, 1951 год

Переводчик: Н. Галь

С человеком в картинках я повстречался ранним тёплым вечером в начале сентября. Я шагал по асфальту шоссе, это был последний переход в моем двухнедельном странствии по штату Висконсин. Под вечер я сделал привал, подкрепился свининой с бобами, пирожком и уже собирался растянуться на земле и почтить — и тут-то на вершину холма поднялся Человек в картинках и постоял минуту, словно вычерченный на светлом небе.

Тогда я еще не знал, что он — в картинках. Разглядел только, что он высокий и прежде, видно, был поджарый и мускулистый, а теперь почему-то располнел. Помню, руки у него были длинные, кулачищи — как гири, сам большой, грузный, а лицо совсем детское.

Должно быть, он как-то почувал мое присутствие, потому что заговорил, еще и не посмотрев на меня:

— Не скажете, где бы мне найти работу?

— Право, не знаю, — сказал я.

— Вот уже сорок лет не могу найти постоянной работы, — пожаловался он.

В такую жару на нём была наглухо застегнутая шерстяная рубашка. Рукава — и те застегнуты, манжеты туго сжимают толстые запястья. Пот градом катится по лицу, а он хоть бы ворот распахнул.

— Что ж, — сказал он, помолчав, — можно и тут переночевать, чем плохое место. Составлю вам компанию, вы не против?

— Милости просим, могу поделиться кое-какой едой, — сказал я.

Он тяжело, с кряхтеньем опустился наземь.

— Вы ещё пожалеете, что предложили мне остаться, — сказал он. — Все жалеют. Потому я и брожу. Вот, пожалуйста, начало сентября. День труда — самое распрекрасное время. В каждом городишке гулянье, народ развлекается, тут бы мне загребать деньги лопатой, а я вон сижу и ничего хорошего не жду.

Он стащил с ноги огромный башмак и, прищурясь, начал его разглядывать.

— На работе, если повезет, продержусь дней десять. А потом уж непременно так получается — катись на все четыре стороны! Теперь во всей Америке меня ни в один балаган не наймут, лучше и не соваться.

— Что ж так?

Вместо ответа он медленно расстегнул тугой воротник. Крепко зажмурясь, мешкотно и неуклюже расстегнул рубашку сверху донизу. Сунул руку за пазуху, осторожно ощупал себя.

— Чудно, — сказал он, всё ещё не открывая глаз. — На ощупь ничего не заметно, но они тут. Я все надеюсь — вдруг в один прекрасный день погляжу, а они пропали! В самое пекло ходишь целый день по солнцу, весь изжаришься, думаешь: может, их потом смоет или кожа облупится и всё сойдёт, а вечером глядишь — они тут как тут. — Он чуть повернул ко мне голову и распахнул рубаху на груди. — Тут они?

Не сразу мне удалось перевести дух.

— Да, — сказал я, — они тут.

Картинки.

— И ещё я почему застегиваю ворот — из-за ребятни, — сказал он, открывая глаза. — Детишки гоняются за мной по пятам. Всем охота поглядеть, как я разрисован, а ведь всем неприятно.

Он снял рубашку и свернул ее в комок. Он был весь в картинках, от синего кольца, вытатуированного вокруг шеи, и до самого пояса.

— И дальше то же самое, — сказал он, угадав мою мысль. — Я весь как есть в картинках. Вот поглядите.

Он разжал кулак. На ладони у него лежала роза — только что срезанная, с хрустальными каплями росы меж нежных розовых лепестков. Я протянул руку и коснулся её, но это была

только картинка.

Да что ладонь! Я сидел и пялил на него глаза: на нём живого места не было, всюду кишели ракеты, фонтаны, человечки — целые толпы, да так все хитро сплетено и перепутано, так ярко и живо, до самых малых мелочей, что казалось — даже слышны тихие, приглушенные голоса этих бесчисленных человечков. Чуть он шевельнётся, вздохнёт — и вздрагивают крохотные рты, подмигивают крохотные зелёные с золотыми искорками глаза, взмахивают крохотные розовые руки. На его широкой груди золотились луга, синели реки, вставали горы, тут же протянулся Млечный Путь — звёзды, солнца, планеты. А человечки теснились кучками в двадцати разных местах, если не больше, — на руках, от плеча и до кисти, на боках, на спине и на животе. Они прятались в лесу волос, рыскали среди созвездий веснушек, выглядывали из пещер подмышек, глаза их так и сверкали. Каждый хлопотал о чём-то своём, каждый был сам по себе, точно портрет в картинной галерее.

— Да какие красивые картинки! — вырвалось у меня.

Как мне их описать? Если бы Эль Греко в расцвете сил и таланта писал миниатюры величиной в ладонь, с мельчайшими подробностями, в обычных своих жёлто-зелёных тонах, со странно удлинёнными телами и лицами, можно было бы подумать, что это он расписал своей кистью моего нового знакомого. Краски пылали в трёх измерениях. Они были точно окна, распахнутые в живой, зримый и осязаемый мир, ошеломляющий своей реальностью. Здесь, собранное на одной и той же сцене, сверкало все великолепие вселенной; этот человек был живой галереей шедевров. Его расписал не какой-нибудь ярмарочный пьяница татуировщик, всё малюющий в три краски. Нет, это было создание истинного гения, трепетная, совершенная красота.

— Ещё бы! — сказал Человек в картинках. — Я до того горжусь своими картинками, что рад бы выжечь их огнём. Я уж пробовал и наждачной бумагой, и кислотой, и ножом...

Солнце садилось. На востоке уже взошла луна.

— Понимаете ли, — сказал Человек в картинках, — они предсказывают будущее.

Я молчал.

— Днём, при свете, еще ничего, — продолжал он. — Я могу показываться в балагане. А вот ночью... все картинки двигаются. Они меняются.

Должно быть, я невольно улыбнулся.

— И давно вы так разрисованы?

— В тысяча девятисотом, когда мне было двадцать лет, я работал в бродячем цирке и сломал ногу. Ну и вышел из строя, а надо ж было что-то делать, я и решил — пускай меня татуируют.

— Кто же вас татуировал? Куда девался этот мастер?

— Она вернулась в будущее, — был ответ. — Я не шучу. Это была старуха, она жила в штате Висконсин, где-то тут неподалеку был ее домишко. Этакая колдунья, то дашь ей тысячу лет, а через минуту поглядишь — лет двадцать, не больше, но она мне сказала, что умеет путешествовать во времени. Я тогда захохотал. Теперь-то мне не до смеха.

— Как же вы с ней познакомились?

И он рассказал мне, как это было. Он увидел у дороги раскрашенную вывеску: РОСПИСЬ НА КОЖЕ! Не татуировка, а роспись! Настоящее искусство! И всю ночь напролёт он сидел и чувствовал, как ее волшебные иглы колют и жалят его, точно осы и осторожные пчелы. А наутро он стал весь такой цветистый и узорчатый, словно его пропустили через типографский пресс, печатающий рисунки в двадцать красок.

— Вот уже полвека я каждое лето её ищу, — сказал он и потряс кулаком. — А как отыщу — убью.

Солнце зашло. Сияли первые звезды, светились под луной травы и пшеница в полях. А картинки на странном человеке все еще горели в сумраке, точно раскаленные уголья, точно разбросанные пригоршни рубинов и изумрудов, и там были краски Руо, и краски Пикассо, и удлинённые плоские тела Эль Греко.

— Ну вот, и когда мои картинки начинают шевелиться, люди меня выгоняют. Им не по вкусу, когда на картинках творятся всякие страсти. Каждая картинка — повесть. Посмотрите несколько минут — и она вам что-то расскажет. А если три часа будете смотреть, увидите штук

двадцать разных историй, они прямо на мне разыгрываются, вы и голоса услышите, и разные думы передумаете. Вот оно всё тут, только и ждёт, чтоб вы смотрели. А главное, есть на мне одно такое место. — Он повернулся спиной. — Видите? Там у меня на правой лопатке ничего определенного не нарисовано, просто каша какая-то.

— Вижу.

— Стоит мне побыть рядом с человеком немножко подольше, и это место вроде как затуманивается и на нем появляется картинка. Если рядом женщина, через час у меня на спине появляется ее изображение и видна вся ее жизнь — как она будет жить дальше, как помрет, какая она будет в шестьдесят лет. А если это мужчина, за час у меня на спине появится его изображение: как он свалится с обрыва или поездом его переедет. И опять меня гонят в три шеи.

Так он говорил и все поглаживал ладонями свои картинки, будто поправлял рамки или пыль стирал, точь-в-точь какой-нибудь коллекционер, знаток и любитель живописи. Потом лёг, откинувшись на спину, очень большой и грузный в лунном свете. Ночь настала теплая. Душно, ни ветерка. Мы оба лежали без рубашек.

— И вы так и не отыскивали ту старуху?

— Нет.

— И по-вашему, она явилась из будущего?

— А иначе откуда бы ей знать все эти истории, что она на мне зарисовала?

Он устало закрыл глаза. Заговорил тише:

— Бывает, по ночам я их чувствую, картинки. Вроде как муравьи по мне ползают. Тут уж я знаю, они делают свое дело. Я на них больше и не гляжу никогда. Стараюсь хоть немного отдохнуть. Я ведь почти не сплю. И вы тоже лучше не глядите, вот что я вам скажу. Коли хотите уснуть, отвернитесь от меня.

Я лежал шагах в трёх от него. Он был как будто не буйный и уж очень занятно зарисован. Не то я, пожалуй, предпочел бы убраться подальше от его нелепой болтовни. Но эти картинки... Я всё не мог наглядеться. Всякий бы свихнулся, если б его так изукрасили.

Ночь была тихая, лунная. Я слышал, как он дышит. Где-то поодаль, в овражках, не смолкали сверчки. Я лежал на боку так, чтоб видеть картинки. Прошло, пожалуй, с полчаса. Непонятно было, уснул ли Человек в картинках, но вдруг я услышал его шепот:

— Шевелятся, а?

Я понаблюдал с минуту. Потом сказал:

— Да.

Картинки шевелились, каждая в свой черёд, каждая — всего минуту-другую. При свете луны, казалось, одна за другой разыгрывались маленькие трагедии, тоненько звенели мысли и, словно далекий прибой, тихо роптали. Не сумею сказать, час ли, три ли часа все это длилось. Знаю только, что я лежал как зачарованный и не двигался, пока звёзды свершали свой путь по небосводу...¹

Восемнадцать картинок, теснящиеся истории. Я пересчитал их одну за другой.

Сначала мой взгляд сфокусировался на большом доме, где находилось двое людей. Я увидел, как по ослепительному небу пролетели стервятники, увидел желтых львов и услышал голоса.

Первая картинка задрожала и стала увеличиваться...

---

¹ Конец пролога предваряет начало следующего рассказа. В издании, для которого делала перевод Нора Галь, это рассказ «Калейдоскоп», поэтому она сочинила следующее окончание.

Человек в картинках шевельнулся. Потом заворочался во сне, и при каждом движении на глаза мне попадала новая картинка — на спине, на плече, на запястье. Он откинул руку, теперь она лежала в сухой траве, на которую ещё не пала утренняя роса, ладонью вверх. Пальцы разжались, и на ладони ожила еще одна картинка. Он поежился, и на груди его я увидел чёрную пустыню, глубокую, бездонную пропасть — там мерцали звёзды, и среди звёзд что-то шевелилось, что-то падало в чёрную бездну; я смотрел, а оно всё падало...

В первоисточнике был следующий текст, мой собственный перевод которого приведен в данном издании.

Eighteen Illustrations, tighten tales. I counted them one by one. Primarily my eyes focused upon a scene, a large house with two people in it. I saw a flight of vultures on a blazing flesh sky, I saw yellow lions, and I heard voices. The first Illustration quivered and came to lift....

Вельд

The Veldt, 1950 год

Переводчик: Л. Жданов

— Джорджи, пожалуйста, посмотри детскую комнату.

— А что с ней?

— Не знаю.

— Так в чем же дело?

— Ни в чем, просто мне хочется, чтобы ты ее посмотрел или пригласи психиатра, пусть он посмотрит.

— При чем здесь психиатр?

— Ты отлично знаешь при чем. — Стоя по среди кухни, она глядела на плиту, которая, деловито жужжа, сама готовила ужин на четверых. — Понимаешь, детская изменилась, она совсем не такая, как прежде.

— Ладно, давай посмотрим.

Они пошли по коридору своего звуконепроницаемого дома типа: «Все для счастья», который стал им в тридцать тысяч долларов (с полной обстановкой), — дома, который их одевал, кормил, холил, укачивал, пел и играл им. Когда до детской оставалось пять шагов, что-то щелкнуло, и в ней зажегся свет. И в коридоре, пока они шли, один за другим плавно, автоматически загорались и гасли светильники.

— Ну, — сказал Джордж Хедли.

Они стояли на крытом камышовой циновкой полу детской комнаты. Сто сорок четыре квадратных метра, высота — десять метров; она стояла пятнадцать тысяч. «Дети должны получать все самое лучшее», — заявил тогда Джордж.

Тишина. Пусто, как на лесной прогалине в знойный полдень. Гладкие двумерные стены. На глазах у Джорджа и Лидии Хедли они, мягко жужжа, стали таять, словно уходя в прозрачную даль, и появился африканский вельд — трехмерный, в красках, как настоящий, вплоть до мельчайшего камешка и травинки. Потолок над ними превратился в далекое небо с жарким желтым солнцем.

Джордж Хедли ощутил, как на лбу у него проступает пот.

— Лучше уйдем от солнца, — предложил он, — уж больно естественное. И вообще, я ничего такого не вижу, все как будто в порядке.

— Подожди минуточку, сейчас увидишь, — сказала жена.

В этот миг скрытые одорофоны, вступив в действие, направили волну запахов на двоих людей, стоящих среди опаленного солнцем вельда. Густой, сушащий ноздри запах жухлой травы, запах близкого водоема, едкий, резкий запах животных, запах пыли, которая клубилась в раскаленном воздухе облачком красного перца. А вот и звуки: далекий топот антилопных копыт по упругому дерну, шуршащая поступь крадущихся хищников.

В небе проплыл силуэт, по обращенному вверх потному лицу Джорджа Хедли скользнула тень.

— Мерзкие твари, — услышал он голос жены.

— Стервятники...

— Смотри-ка, львы, вон там, вдаль, вон, вон! Пошли на водопой. Видишь, они там что-то ели.

— Какое-нибудь животное. — Джордж Хедли защитил воспаленные глаза ладонью от слепящего солнца. — Зебру... или жирафенка...

— Ты уверен? — Ее голос прозвучал как-то странно.

— Теперь-то уверенным быть нельзя, поздно, — шутливо ответил он. — Я вижу только обглоданные кости да стервятников, которые подбирают ошметки.

— Ты не слышал крика? — спросила она.

— Нет.

— Так с минуту назад?

— Ничего не слышал.

Львы медленно приближались. И Джордж Хедли — в который раз — восхитился гением конструктора, создавшего эту комнату. Чудо совершенства — за абсурдно низкую цену. Всем бы домовладельцам такие! Конечно, иногда они отталкивают своей клинической продуманностью, даже пугают, вызывают неприятное чувство, но чаще всего служат источником забавы не только для вашего сына или дочери, но и для вас самих, когда вы захотите развлечься короткой прогулкой в другую страну, сменить обстановку. Как сейчас, например!

Вот они, львы, в пятнадцати футах, такие правдоподобные — да-да, такие, до ужаса, до безумия правдоподобные, что ты чувствуешь, как твою кожу щекочет жесткий синтетический мех, а от запаха разгоряченных шкур у тебя во рту вкус пыльной обивки, их желтизна отсвечивает в твоих глазах желтизной французского гобелена... Желтый цвет львиной шкуры, жухлой травы, шумное львиное дыхание в тихий полуденный час, запах мяса из открытой, влажной от слюны пасти.

Львы остановились, глядя жуткими желто-зелеными глазами на Джорджа и Лидию Хедли.

— Берегись! — вскрикнула Лидия.

Львы ринулись на них.

Лидия стремглав бросилась к двери, Джордж непроизвольно побежал следом. И вот они в коридоре, дверь захлопнута, он смеется, она плачет, и каждый озадачен реакцией другого.

— Джордж!

— Лидия! Моя бедная, дорогая, милая Лидия!

— Они чуть не схватили нас!

— Стены, Лидия, светящиеся стены, только и всего. Не забывай. Конечно, я не спорю, они выглядят очень правдоподобно — Африка в вашей гостиной! — но это лишь повышенного воздействия цветной объемный фильм и психозапись, проектируемые на стеклянный экран, одорофоны и стереозвук. Вот возьми мой платок.

— Мне страшно. — Она подошла и всем телом прильнула к нему, тихо плача. — Ты видел? Ты почувствовал? Это чересчур правдоподобно.

— Послушай, Лидия...

— Скажи Венди и Питеру, чтобы они больше не читали про Африку.

— Конечно... Конечно. — Он погладил ее волосы.

— Обещаешь?

— Разумеется.

— И запири детскую комнату на несколько дней, пока я не справлюсь с нервами.

— Ты ведь знаешь, как трудно с Питером. Месяц назад я наказал его, запер детскую комнату на несколько часов — что было! Да и Венди тоже... Детская для них — все.

— Ее нужно запереть, и никаких поблажек.

— Ладно. — Он неохотно запер тяжелую дверь. — Ты переутомилась, тебе нужно отдохнуть.

— Не знаю... Не знаю. — Она высморкалась и села в кресло, которое тотчас тихо закачалось. Возможно, у меня слишком мало дела. Возможно, осталось слишком много времени для размышлений. Почему бы нам на несколько дней не запереть весь дом, не уехать куда-нибудь.

— Ты хочешь сказать, что готова жарить мне яичницу?

— Да. — Она кивнула.

— И штопать мои носки?

— Да. — Порывистый кивок, глаза полны слез.

— И заниматься уборкой?

— Да, да... Конечно!

— А я-то думал, мы для того и купили этот дом, чтобы ничего не делать самим?

— Вот именно. Я здесь вроде ни к чему. Дом — и жена, и мама, и горничная. Разве я могу состязаться с африканским вельдом, разве могу искупать и отмыть детей так быстро и чисто, как это делает автоматическая ванна? Не могу. И не во мне одной дело, а и в тебе тоже. Последнее время ты стал ужасно нервным.

— Наверно, слишком много курю.

— У тебя такой вид, словно и ты не знаешь, куда себя деть в этом доме. Куришь немного больше обычного каждое утро, выпиваешь немного больше обычного по вечерам, и принимаешь на ночь снотворного больше обычного. Ты тоже начинаешь чувствовать себя ненужным.

— Я?... — Он помолчал, пытаясь заглянуть в собственную душу и понять, что там происходит.

— О, Джорджи! — Она поглядела мимо него на дверь детской комнаты. — Эти львы... Они ведь не могут выйти оттуда?

Он тоже посмотрел на дверь — она вздрогнула, словно от удара изнутри.

— Разумеется, нет, — ответил он.

Они ужинали одни. Венди и Питер отправились на специальный стереокарнавал на другом конце города и сообщили домой по видеофону, что вернуться поздно, не надо их ждать. Озабоченный Джордж Хедли смотрел, как стол-автомат исторгает из своих механических недр горячие блюда.

— Мы забыли кетчуп, — сказал он.

— Простите, — произнес тонкий голосок изнутри стола и появился кетчуп.

«Детская... — подумал Джордж Хедли. — Что ж, детям и впрямь невредно некоторое время пожить без нее. Во всем нужна мера. А они, это совершенно ясно, слишком уж увлекаются Африкой». Это солнце... Он до сих пор чувствовал на шее его лучи — словно прикосновение горячей лапы. А эти львы. И запах крови. Удивительно, как точно детская улавливает тепепатическую эманацию психики детей и воплощает любое их пожелание. Стоит им подумать о львах — пожалуйста, вот они. Представят себе зебр — вот зебры. И солнце. И жирафы. И смерть.

Вот именно. Он механически жевал пищу, которую ему приготовил стол. Мысли о смерти. Венди и Питер слишком молоды для таких мыслей. А впрочем, разве дело в возрасте. Задолго то того, как ты понял, что такое смерть, ты уже желаешь смерти кому-нибудь. В два года ты стреляешь в людей из пугача...

Но это... Жаркий безбрежный африканский вельд... ужасная смерть в когтях льва. Снова и снова смерть.

— Ты куда?

Он не ответил ей. Поглощенный своими мыслями, он шел, провожаемый волной света, к детской. Он приложил ухо к двери. Оттуда донесся львиный рык.

Он отпер дверь и распахнул ее. В тот же миг его слуха коснулся далекий крик. Снова рычанье львов... Тишина.

Он вошел в Африку. Сколько раз за последний год он, открыв дверь, встречал Алису в Стране Чудес или Фальшивую Черепаху, или Алладина с его волшебной лампой, или Джека-Тыквенную-Голову из Страны Оз, или доктора Дулитла, или корову, которая прыгала через луну, очень похожую на настоящую, — всех этих чудесных обитателей воображаемого мира. Сколько раз видел он летящего в небе пегаса, или розовые фонтаны фейерверка, или слышал ангельское пение. А теперь перед ним — желтая, раскаленная Африка, огромная печь, которая пышет убийством. Может быть, Лидия права. Может, надо и впрямь на время расстаться с фантазией, которая стала чересчур реальной для десятилетних детей. Разумеется, очень полезно упражнять воображение человека. Но если пылкая детская фантазия увлекается каким-то одним мотивом?... Кажется, весь последний месяц он слышал львиный рык. Чувствовал даже у себя в кабинете резкий запах хищников, да по занятости не обращал внимания...

Джордж Хедли стоял один в степях Африки. Львы, оторвавшись от своей трапезы, смотрели на него. Полная иллюзия настоящих зверей — если бы не открытая дверь, через которую он видел в дальнем конце темного коридора, будто портрет в рамке, рассеянно ужиनावшую жену.

— Уходите, — сказал он львам.

Они не послушались.

Он отлично знал устройство комнаты. Достаточно послать мысленный приказ, и он будет исполнен.

— Пусть появится Аладдин с его лампой, — рявкнул он. По-прежнему вельд, и все те же львы...

— Ну, комната, действуй! Мне нужен Аладдин.
Никакого впечатления. Львы что-то грызли, трясая косматыми гривами.

— Аладдин!
Он вернулся в столовую.
— Проклятая комната, — сказал он, — поломалась, не слушается.
— Или...
— Или что?
— Или НЕ МОЖЕТ послушаться, — ответила Лидия. — Потому что дети уже столько дней думают про Африку, львов и убийства, что комната застряла на одной комбинации.
— Возможно.
— Или же Питер заставил ее застрять.
— ЗАСТАВИЛ?
— Открыл механизм и что-нибудь подстроил.
— Питер не разбирается в механизме.
— Для десятилетнего парня он совсем не глуп. Коэффициент его интеллекта...
— И все-таки...
— Хелло, мам! Хелло, пап!
Супруги Хедли обернулись. Венди и Питер вошли в прихожую: щеки — мятный леденец, глаза — ярко-голубые шарики, от джемперов так и веет озоном, в котором они купались, летя на вертолете.

— Вы как раз успели к ужину, — сказали родители вместе.
— Мы наелись земляничного мороженого и сосисок, — ответили дети, отмахиваясь руками. — Но мы посидим с вами за столом.
— Вот-вот, подойдите-ка сюда, расскажите про детскую, — позвал их Джордж Хедли. Брат и сестра удивленно посмотрели на него, потом друг на друга.
— Детскую?
— Про Африку и все прочее, — продолжал отец с наигранным добродушием.
— Не понимаю, — сказал Питер.
— Ваша мать и я только что совершили путешествие по Африке: Том Свифт и его Электрический Лев, — усмехнулся Джордж Хедли.
— Никакой Африки в детской нет, — невинным голосом возразил Питер.
— Брось, Питер, мы-то знаем.
— Я не помню никакой Африки. — Питер повернулся к Венди. — А ты?
— Нет.
— А ну, сбегай, проверь и скажи нам.
Она повиновалась брату.
— Венди, вернись! — позвал Джордж Хедли, но она уже ушла. Свет провожал ее, словно рой светлячков. Он слишком поздно сообразил, что забыл запереть детскую.
— Венди посмотрит и расскажет нам, — сказал Питер.
— Что мне рассказывать, когда я сам видел.
— Я уверен, отец, ты ошибся.
— Я не ошибся, пойдём-ка.
Но Венди уже вернулась.
— Никакой Африки нет, — доложила она, запыхавшись.
— Сейчас проверим, — ответил Джордж Хедли.
Они вместе пошли по коридору и открыли дверь в детскую.
Чудесный зеленый лес, чудесная река, пурпурная гора, ласкающее слух пение, а в листве — очаровательная таинственная Рима, на длинных распущенных волосах которой, словно ожившие цветы, трепетали многоцветные бабочки. Ни африканского вельды, ни львов. Только Рима, поющая так восхитительно, что невольно на глазах выступают слезы.
Джордж Хедли внимательно осмотрел новую картину.
— Ступайте спать, — велел он детям.

Они открыли рты.

— Вы слышали?

Они отправились в пневматический отсек и взлетели, словно сухие листья, вверх по шахте в свои спальни.

Джордж Хедли пересек звенящую птичьими голосами полянку и что-то подобрал в углу, поблизости от того места, где стояли львы. Потом медленно возвратился к жене.

— Что это у тебя в руке?

— Мой старый бумажник, — ответил он и протянул его ей.

От бумажника пахло жухлой травой и львами. На нем были капли слюны, и следы зубов, и с обеих сторон пятна крови.

Он затворил дверь детской и надежно ее запер.

В полночь Джордж все еще не спал, и он знал, что жена тоже не спит.

— Так ты думаешь, Венди ее переключила? — спросила она наконец в темноте.

— Конечно.

— Превратила вельд в лес и на место львов вызвала Риму?

— Да.

— Но зачем?

— Не знаю. Но пока я не выясню, комната будет заперта.

— Как туда попал твой бумажник?

— Не знаю, — ответил он, — ничего не знаю, только одно: я уже жалею, что мы купили детям эту комнату. И без того они нервные, а тут еще такая комната...

— Ее назначение в том и состоит, чтобы помочь им избавиться от своих неврозов.

— Ой, так ли это... — он посмотрел на потолок.

— Мы давали детям все, что они просили. А в награду что получаем — непослушание, секреты от родителей...

— Кто это сказал: «Дети — ковер, иногда на них надо наступать»... Мы ни разу не поднимали на них руку. Скажем честно — они стали несносны. Уходят и приходят, когда им вздумается, с нами обращаются так, словно мы — их отпрыски. Мы их портим, они нас.

— Они переменились с тех самых пор — помнишь, месяца два-три назад, — когда ты запретил им лететь на ракете в Нью-Йорк.

— Я им объяснил, что они еще малы для такого путешествия.

— Объяснил, а я вижу, как они с того дня стали хуже к нам относиться.

— Я вот что сделаю: завтра приглашу Дэвида Макклина и попрошу взглянуть на эту Африку.

— Но ведь Африки нет, теперь там сказочная страна и Рима.

— Сдается мне, к тому времени снова будет Африка.

Мгновением позже он услышал крики.

Один... другой... Двое кричали внизу. Затем — рычание львов.

— Венди и Питер не спят, — сказала ему жена.

Он слушал с колотящимся сердцем.

— Да, — отозвался он. — Они проникли в детскую комнату.

— Эти крики... они мне что-то напоминают.

— В самом деле?

— Да, мне страшно.

И как ни трудились кровати, они еще целый час не могли укачать супругов Хедли. В ночном воздухе пахло кошками.

— Отец, — сказал Питер.

— Да?

Питер разглядывал носки своих ботинок. Он давно избегал смотреть на отца, да и на мать тоже.

— Ты что же, навсегда запер детскую?

— Это зависит...

— От чего? — резко спросил Питер.

— От тебя и твоей сестры. Если вы не будете чересчур увлекаться этой Африкой, станете ее чередовать... скажем, со Швецией, или Данией, или Китаем.

— Я думал, мы можем играть во что хотим.

— Безусловно, в пределах разумного.

— А чем плоха Африка, отец?

— Так ты все-таки признаешь, что вызывал Африку!

— Я не хочу, чтобы запирали детскую, — холодно произнес Питер. — Никогда.

— Так позволь сообщить тебе, что мы вообще собираемся на месяц оставить этот дом.

Попробуем жить по золотому принципу: «Каждый делает все сам».

— Ужасно! Значит, я должен сам шнуровать ботинки, без автоматического шнуровальщика?

Сам чистить зубы, причесываться, мыться?

— Тебе не кажется, что это будет даже приятно для разнообразия?

— Это будет отвратительно. Мне было совсем не приятно, когда ты убрал автоматического художника.

— Мне хотелось, чтобы ты научился рисовать, сынок.

— Зачем? Достаточно смотреть, слушать и обонять! Других стоящих занятий нет.

— Хорошо, ступай, играй в Африке.

— Так вы решили скоро выключить наш дом?

— Мы об этом подумывали.

— Советую тебе подумать еще раз, отец.

— Но-но, сынок, без угроз!

— Отлично. — И Питер отправился в детскую.

— Я не опоздал? — спросил Девид Макклин.

— Завтрак? — предложил Джордж Хедли.

— Спасибо, я уже. Ну, так в чем дело?

— Девид, ты разбираешься в психике?

— Как будто.

— Так вот, проверь, пожалуйста, нашу детскую. Год назад ты в нее заходил — тогда заметил что-нибудь особенное?

— Вроде нет. Обычные проявления агрессии, тут и там налет паранойи, присущей детям, которые считают, что родители их постоянно преследуют. Но ничего, абсолютно ничего серьезного.

Они вышли в коридор.

— Я запер детскую, — объяснил отец семейства, — а ночью дети все равно проникли в нее.

Я не стал вмешиваться, чтобы ты мог посмотреть на их затеи.

Из детской доносились ужасные крики.

— Вот-вот, — сказал Джордж Хедли. — Интересно, что ты скажешь?

Они вошли без стука.

Крики смолкли, львы что-то пожирали.

— Ну-ка, дети, ступайте в сад, — распорядился Джордж Хедли. — Нет-нет, не меняйте ничего, оставьте стены, как есть. Марш!

Оставшись вдвоем, мужчины внимательно посмотрели на львов, которые сгрудились поодаль, жадно уничтожая свою добычу.

— Хотел бы я знать, что это, — сказал Джордж Хедли. — Иногда мне кажется, что я вижу... Как думаешь, если принести сильный бинокль...

Девид Макклин сухо усмехнулся.

— Вряд ли...

Он повернулся, разглядывая одну за другой все четыре стены.

— Давно это продолжается?

— Чуть больше месяца.

— Да, ощущение неприятное.

— Мне нужны факты, а не чувства.

— Дружище Джордж, найди мне психиатра, который наблюдал бы хоть один факт. Он

слышит то, что ему сообщают об ощущениях, то есть нечто весьма неопределенное. Итак, я повторяю: это производит гнетущее впечатление. Положись на мой инстинкт и мое предчувствие. Я всегда чувствую, когда назревает беда. Тут кроется что-то очень скверное. Советую вам совсем выключить эту проклятую комнату и минимум год ежедневно приводить ко мне ваших детей на процедуры.

— Неужели до этого дошло?

— Боюсь, да. Первоначально эти детские были задуманы, в частности, для того, чтобы мы, врачи, без обследования могли по картинам на стенах изучать психологию ребенка и исправлять ее. Но в данном случае детская, вместо того чтобы избавлять от разрушительных наклонностей, поощряет их!

— Ты это и раньше чувствовал?

— Я чувствовал только, что вы больше других балуете своих детей. А теперь закрутили гайку. Что произошло?

— Я не пустил их в Нью-Йорк.

— Еще?

— Убрал из дома несколько автоматов, а месяц назад пригрозил запереть детскую, если они не будут делать уроков. И действительно запер на несколько дней, чтобы знали, что я не шучу.

— Ага!

— Тебе это что-нибудь говорит?

— Все. На место рождественского деда пришел бука. Дети предпочитают рождественского деда. Ребенок не может жить без привязанностей. Вы с женой позволили этой комнате, этому дому занять ваше место в их сердцах. Детская комната стала для них матерью и отцом, оказалась в их жизни куда важнее подлинных родителей. Теперь вы хотите ее запереть. Не удивительно, что здесь появилась ненависть. Вот — даже небо излучает ее. И солнце. Джордж, вам надо переменить образ жизни. Как и для многих других — слишком многих, — для вас главным стал комфорт. Да если завтра на кухне что-нибудь поломается, вы же с голоду помрете. Не сумеете сами яйца разбить! И все-таки советую выключить все. Начните новую жизнь. На это понадобится время. Ничего, за год мы из дурных детей сделаем хороших, вот увидишь.

— А не будет ли это слишком резким шоком для ребят — вдруг запереть навсегда детскую?

— Я не хочу, чтобы зашло еще дальше, понимаешь?

Львы кончили свой кровавый пир.

Львы стояли на опушке, глядя на обоих мужчин.

— Теперь я чувствую себя преследуемым, — произнес Макклин. — Уйдем. Никогда не любил эти проклятые комнаты. Они мне действуют на нервы.

— А львы — совсем как настоящие, верно? — сказал Джордж Хедли. — Ты не допускаешь возможности...

— Что?!

— ...что они могут стать настоящими?

— По-моему, нет.

— Какой-нибудь порок в конструкции, переключение в схеме или еще что-нибудь?

— Нет.

Они пошли к двери.

— Мне кажется, комнате не захочется, чтобы ее выключали, — сказал Джордж Хедли.

— Никому не хочется умирать, даже комнате.

— Интересно: она ненавидит меня за мое решение?

— Здесь все пропитано паранойей, — ответил Девид Макклин. — До осязаемости. Эй! — Он нагнулся и поднял окровавленный шарф. — Твой?

— Нет. — Лицо Джорджа окаменело. — Это Лидии.

Они вместе пошли к распределительному щитку и повернули выключатель, убивающий детскую комнату.

Дети были в истерике. Они кричали, прыгали, швыряли вещи. Они вопили, рыдали, бранились, металась по комнатам.

— Вы не смеете так поступать с детской комнатой, не смеете!

— Угломонитесь, дети.

Они в слезах бросились на диван.

— Джордж, — сказала Лидия Хедли, — включи детскую на несколько минут. Нельзя так вдруг.

— Нет.

— Это слишком жестоко.

— Лидия, комната выключена и останется выключенной. И вообще, пора кончать с этим проклятым домом. Чем больше я смотрю на все это безобразие, тем мне противнее. И так мы чересчур долго созерцали свой механический электронный пуп. Видит бог, нам необходимо сменить обстановку!

И он стал ходить из комнаты в комнату, выключая говорящие часы, плиты, отопление, чистильщиков обуви, механические губки, мочалки, полотенца, массажистов и все прочие автоматы, которые попадались под руку.

Казалось, дом полон мертвецов. Будто они очутились на кладбище механизмов. Тишина. Смолкло жужжание скрытой энергии машин, готовых вступить в действие при первом же нажмении на кнопки.

— Не позволяй им это делать! — завопил Питер, подняв лицо к потолку, словно обращаясь к дому, к детской комнате — Не позволяй отцу убивать все. — Он повернулся к отцу. — До чего же я тебя ненавижу!

— Оскорблениями ты ничего не достигнешь.

— Хоть бы ты умер!

— Мы долго были мертвыми. Теперь начнем жить по-настоящему. Мы привыкли быть предметом забот всевозможных автоматов — отныне мы будем жить.

Венди по —прежнему плакала. Питер опять присоединился к ней.

— Ну, еще немножечко, на минуточку, только на минуточку! — кричали они.

— Джордж, — сказала ему жена, — это им не повредит.

— Ладно, ладно, пусть только замолчат. На одну минуту, учтите, потом выключу совсем.

— Папочка, папочка, папочка! — запели дети, улыбаясь сквозь слезы.

— А потом — каникулы. Через полчаса вернется Девид Макклин, он поможет нам собраться и проводит на аэродром. Я пошел одеваться. Включи детскую на одну минуту, Лидия, слышишь — не больше одной минуты.

Дети вместе с матерью, весело болтая, поспешили в детскую, а Джордж, взлетев наверх по воздушной шахте, стал одеваться. Через минуту появилась Лидия.

— Я буду рада, когда мы покинем этот дом, — вздохнула она.

— Ты оставила их в детской?

— Мне тоже надо одеться. О, эта ужасная Африка. И что они в ней видят?

— Ничего, через пять минут мы будем на пути в Айову. Господи, какая сила загнала нас в этот дом?... Что нас побудило купить этот кошмар!

— Гордыня, деньги, глупость.

— Пожалуй, лучше спуститься, пока ребята опять не увлеклись своим чертовым зверинцем.

В этот самый миг они услышали голоса обоих детей.

— Папа, мама, скорей, сюда, скорей!

Они спустились по шахте вниз и ринулись бегом по коридору. Детей нигде не было видно.

— Венди! Питер!

Они ворвались в детскую. В пустынном вельде — никого, ни души, если не считать львов, глядящих на них.

— Питер! Венди!

Дверь захлопнулась.

Джордж и Лидия Хедли метнулись к выходу.

— Откройте дверь! — закричал Джордж Хедли, дергая ручку. — Зачем вы ее заперли?

Питер! — Он заколотил в дверь кулаками. — Открой!

За дверью послышался голос Питера:

— Не позволяй им выключать детскую комнату и весь дом.

Мистер и миссис Джордж Хедли стучали в дверь.

— Что за глупые шутки, дети! Нам пора ехать. Сейчас придет мистер Макклин и...

И тут они услышали...

Львы с трех сторон в желтой траве вельда, шуршание сухих стеблей под их лапами, рокот в их глотках.

Львы.

Мистер Хедли посмотрел на жену, потом они вместе повернулись лицом к хищникам, которые медленно, припадая к земле, подбирались к ним.

Мистер и миссис Хедли закричали.

И вдруг они поняли, почему крики, которые они слышали раньше, казались им такими знакомыми.

— Вот и я, — сказал Девид Макклин, стоя на пороге детской комнаты. — О, привет!

Он удивленно воззрился на двоих детей, которые сидели на поляне, уписывая ленч. Позади них был водоем и желтый вельд; над головами — жаркое солнце. У него выступил пот на лбу.

— А где отец и мать?

Дети обернулись к нему с улыбкой.

— Они сейчас придут.

— Хорошо, уже пора ехать.

Мистер Макклин заметил вдали львов — они из-за чего-то дрались между собой, потом успокоились и легли с добычей в тени деревьев.

Заслонив глаза от солнца ладонью, он присмотрелся внимательнее.

Львы кончили есть и один за другим пошли на водопой.

Какая-то тень скользнула по разгоряченному лицу мистера Макклина. Много теней. С ослепительного неба спускались стервятники.

— Чашечку чаю? — прозвучал в тишине голос Венди.

Калейдоскоп

Kaleidoscope, 1949 год

Переводчик: Н. Галь

Взрыв огромным консервным ножом вспорол корпус ракеты. Людей выбросило в космос, подобно дюжине трепещущих серебристых рыб. Их разметало в черном океане, а корабль, распавшись на миллион осколков, полетел дальше, словно рой метеоров в поисках затерянного Солнца.

— Беркли, Беркли, ты где?

Слышатся голоса, точно дети заблудились в холодной ночи.

— Вуд, Вуд!

— Капитан!

— Холлис, Холлис, я Стоун.

— Стоун, я Холлис. Где ты?

— Не знаю. Разве тут поймешь? Где верх? Я падаю. Понимаешь, падаю.

Они падали, падали, как камни падают в колодец. Их разметало, будто двенадцать палочек, подброшенных вверх исполинской силой. И вот от людей остались только одни голоса — несхожие голоса, бестелесные и испуганные, выражающие разную степень ужаса и отчаяния.

— Нас относит друг от друга.

Так и было. Холлис, медленно вращаясь, понял это. Понял и в какой-то мере смирился. Они разлучились, чтобы идти каждый своим путем, и ничто не могло их соединить. Каждого защищал герметический скафандр и стеклянный шлем, облегающий бледное лицо, но они не успели надеть силовые установки. С маленькими двигателями они были бы точно спасательные лодки в космосе, могли бы спасти себя, спасти других, собраться вместе, найдя одного, другого, третьего, и вот уже получился островок из людей, и придуман какой-то план... А без силовой установки на запячье они — неодушевленные метеоры, и каждого ждет своя отдельная неотвратимая судьба.

Около десяти минут прошло, пока первый испуг не сменился металлическим спокойствием. И вот космос начал переплетать необычные голоса на огромном черном ткацком стане; они перекрещивались, сновали, создавая прощальный узор.

— Холлис, я Стоун. Сколько времени можем мы еще разговаривать между собой?

— Это зависит от скорости, с какой ты летишь прочь от меня, а я — от тебя.

— Что-то около часа.

— Да, что-нибудь вроде того, — ответил Холлис задумчиво и спокойно.

— А что же все-таки произошло? — спросил он через минуту.

— Ракета взорвалась, только и всего. С ракетами это бывает.

— В какую сторону ты летишь?

— Похоже, я на Луну упаду.

— А я на Землю лечу. Домой на старушку Землю со скоростью шестнадцать тысяч километров в час. Сгорю, как спичка.

Холлис думал об этом с какой-то странной отрешенностью. Точно он видел себя со стороны и наблюдал, как он падает, падает в космосе, наблюдал так же бесстрастно, как падение первых снежинок зимой, давным-давно.

Остальные молчали, размышляя о судьбе, которая поднесла им такое: падаешь, падаешь, и ничего нельзя изменить. Даже капитан молчал, так как не мог отдать никакого приказа, не мог придумать никакого плана, чтобы все стало по-прежнему.

— Ох, как долго лететь вниз. Ох, как долго лететь, как долго, долго, долго лететь вниз, — сказал чей-то голос. — Не хочу умирать, не хочу умирать, долго лететь вниз...

— Кто это?

— Не знаю.

— Должно быть, Стимсон. Стимсон, это ты?

— Как долго, долго, сил нет. Господи, сил нет.

— Стимсон, я Холлис. Стимсон, ты слышишь меня?

Пауза, и каждый падает, и все порознь.

— Стимсон.

— Да. — Наконец-то ответил.

— Стимсон, возьми себя в руки, нам всем одинаково тяжело.

— Не хочу быть здесь. Где угодно, только не здесь.

— Нас еще могут найти.

— Должны найти, меня должны найти, — сказал Стимсон. — Это неправда, то, что сейчас происходит, неправда.

— Плохой сон, — произнес кто-то.

— Замолчи! — крикнул Холлис.

— Попробуй, заставь, — ответил голос. Это был Эплгейт. Он рассмеялся бесстрастно, беззаботно. — Ну, где ты?

И Холлис впервые ощутил всю невыносимость своего положения. Он захлебнулся яростью, потому что в этот миг ему больше всего на свете хотелось поквитаться с Эплгейтом. Он много лет мечтал поквитаться, а теперь поздно, Эплгейт — всего лишь голос в наушниках.

Они падали, падали, падали...

Двое начали кричать, точно только сейчас осознали весь ужас, весь кошмар происходящего. Холлис увидел одного из них: он проплыл мимо него, совсем близко, не переставая кричать, кричать...

— Прекрати!

Совсем рядом, рукой можно дотянуться, и все кричит. Он не замолчит. Будет кричать миллион километров, пока радио работает, будет всем душу растравлять, не даст разговаривать между собой.

Холлис вытянул руку. Так будет лучше. Он напрягся и достал до него. Ухватил за лодыжку и стал подтягиваться вдоль тела, пока не достиг головы. Космонавт кричал и лихорадочно греб руками, точно утопающий. Крик заполнил всю Вселенную.

«Так или иначе, — подумал Холлис. — Либо Луна, либо Земля, либо метеоры убьют его, зачем тянуть?»

Он раздробил его стеклянный шлем своим железным кулаком. Крик захлебнулся. Холлис оттолкнулся от тела, предоставив ему кувыряться дальше, падать дальше по своей траектории.

Падая, падая, падая в космос, Холлис и все остальные отдались долгому, нескончаемому вращению и падению сквозь безмолвие.

— Холлис, ты еще жив?

Холлис промолчал, но почувствовал, как его лицо обдало жаром.

— Это Эплгейт опять.

— Ну что тебе, Эплгейт?

— Потолкуем, что ли. Все равно больше нечем заняться.

Вмешался капитан:

— Довольно. Надо придумать какой-нибудь выход.

— Эй, капитан, молчал бы ты, а? — сказал Эплгейт.

— Что?

— То, что слышал. Плевал я на твой чин, до тебя сейчас шестнадцать тысяч километров, и давай не будем делать из себя посмешище. Как это Стимсон сказал: нам еще долго лететь вниз.

— Эплгейт!

— А, заткнись. Объявляю единоличный бунт. Мне нечего терять, ни черта. Корабль ваш был дрянненький, и вы были никудышным капитаном, и я надеюсь, что вы сломаете себе шею, когда шмякнетесь о Луну.

— Приказываю вам замолчать!

— Давай, давай, приказывай. — Эплгейт улыбнулся за шестнадцать тысяч километров. Капитан примолк. Эплгейт продолжал: — Так на чем мы остановились, Холлис? А, вспомнил. Я ведь тебя тоже терпеть не могу. Да ты и сам об этом знаешь. Давно знаешь.

Холлис бессильно сжал кулаки.

— Послушай-ка, что я скажу, — не унимался Эплгейт. — Порадую тебя. Это ведь я подстроил так, что тебя не взяли в «Рокет компани» пять лет назад.

Мимо мелькнул метеор. Холлис глянул вниз: левой кисти как не бывало. Брызнула кровь. Мгновенно из скафандра вышел весь воздух. Но в легких еще остался запас, и Холлис успел правой рукой повернуть рычажок у левого локтя; манжет сжался и закрыл отверстие. Все произошло так быстро, что он не успел удивиться. Как только утечка прекратилась, воздух в скафандре вернулся к норме. И кровь, которая хлынула так бурно, остановилась, когда он еще сильнее повернул рычажок — получился жгут.

Все это происходило среди давящей тишины. Остальные болтали. Один из них, Леспер, знай себе, болтал про свою жену на Марсе, свою жену на Венере, свою жену на Юпитере, про свои деньги, похождения, пьянки, игру и счастливое времечко. Без конца тараторил, пока они продолжали падать. Летя навстречу смерти, он предавался воспоминаниям и был счастлив.

До чего все это странно. Космос, тысячи космических километров — и среди космоса вибрируют голоса. Никого не видно, только радиоволны пульсируют, будоражат людей.

— Ты злишься, Холлис?

— Нет.

Он и впрямь не злился. Вернулась отрешенность, и он стал бесчувственной глыбой бетона, вечно падающей в никуда.

— Ты всю жизнь карабкался вверх, Холлис. И не мог понять, что вдруг случилось. А это я успел подставить тебе ножку как раз перед тем, как меня самого выперли.

— Это не играет никакой роли, — ответил Холлис.

Совершенно верно. Все это прошло. Когда жизнь прошла, она словно всплеск кинокадра, один миг на экране; на мгновение все страсти и предрассудки сгустились и легли проекцией на космос, но прежде чем ты успел воскликнуть: «Вон тот день счастливый, а тот несчастный, это злое лицо, а то доброе», — лента обратилась в пепел, а экран погас.

Очутившись на крайнем рубеже своей жизни и оглядываясь назад, он сожалел лишь об одном: ему всего-навсего хотелось жить еще. Может быть, у всех умирающих такое чувство, будто они и не жили? Не успели вздохнуть как следует, как уже все пролетело, конец? Всем ли

жизнь кажется такой невыносимо быстротечной — или только ему, здесь, сейчас, когда остался всего час-другой на раздумья и размышления?

Чей-то голос — Леспера — говорил:

— А что, я пожил всласть. Одна жена на Марсе, вторая на Венере, третья на Юпитере. Все с деньгами, все меня холили. Пил, сколько влезет, раз проиграл двадцать тысяч долларов.

«Но теперь-то ты здесь, — подумал Холлис. — У меня ничего такого не было. При жизни я завидовал тебе, Леспер, пока мои дни не были сочтены, завидовал твоему успеху у женщин, твоим радостям. Женщин я боялся и уходил в космос, а сам мечтал о них и завидовал тебе с твоими женщинами, деньгами и буйными радостями. А теперь, когда все позади и я падаю вниз, я ни в чем тебе не завидую, ведь все прошло, что для тебя, что для меня, сейчас будто никогда и не было ничего». Наклонив голову, Холлис крикнул в микрофон:

— Все это прошло, Леспер!

Молчание.

— Будто и не было ничего, Леспер!

— Кто это? — слышался неуверенный голос Леспера.

— Холлис.

Он подлец. В душу ему вошла подлость, бессмысленная подлость умирающего. Эплгейт уязвил его, теперь он старается сам кого-нибудь уязвить. Эплгейт и космос — и тот и другой нанесли ему раны.

— Теперь ты здесь, Леспер. Все прошло. И точно ничего не было, верно?

— Нет.

— Когда все прошло, то будто и не было. Чем сейчас твоя жизнь лучше моей? Сейчас — вот что важно. Тебе лучше, чем мне? Ну?

— Да, лучше!

— Это чем же?

— У меня есть мои воспоминания, я помню! — вскричал Леспер где-то далеко-далеко, возмущенно прижимая обеими руками к груди свои драгоценные воспоминания.

И ведь он прав. У Холлиса было такое чувство, словно его окатили холодной водой. Леспер прав. Воспоминания и вожделения не одно и то же. У него лишь мечты о том, что он хотел бы сделать, у Леспера воспоминания о том, что исполнилось и свершилось. Сознание этого превратилось в медленную, изощренную пытку, терзало Холлиса безжалостно, неумолимо.

— А что тебе от этого? — крикнул он Лесперу. — Теперь — то? Какая радость от того, что было и былшем поросло? Ты в таком же положении, как и я.

— У меня на душе спокойно, — ответил Леспер. — Я свое взял. И не ударился под конец в подлость, как ты.

— Подлость? — Холлис повертел это слово на языке.

Сколько он себя помнил, никогда не был подлым, не смел быть подлым. Не иначе, копил все эти годы для такого случая. «Подлость». Он оттеснил это слово в глубь сознания. Почувствовал, как слезы выступили на глазах и покатались вниз по щекам. Кто-то услышал, как у него перехватило голос.

— Не раскисай, Холлис.

В самом деле, смешно. Только что давал советы другим, Стимсону, ощущал в себе мужество, принимая его за чистую монету, а это был всего-навсего шок и — отрешенность, возможная при шоке. Теперь он пытался втиснуть в считанные минуты чувства, которые подавлял целую жизнь.

— Я понимаю, Холлис, что у тебя на душе, — прозвучал затухающий голос Леспера, до которого теперь было уже тридцать тысяч километров. — Я не обижаюсь.

«Но разве мы не равны, Леспер и я? — недоумевал он. — Здесь, сейчас? Что прошло, то кончилось, какая теперь от этого радость? Так и так конец наступил». Однако он знал, что упрощает: это все равно что пытаться определить разницу между живым человеком и трупом. У первого есть искра, которой нет у второго, эманация, нечто неуловимое.

Так и они с Леспером: Леспер прожил полнокровную жизнь, он же, Холлис, много лет все равно что не жил. Они пришли к смерти разными тропами, и если смерть бывает разного рода, то их смерти, по всей вероятности, будут различаться между собой, как день и ночь. У смерти, как и

у жизни, множество разных граней, и коли ты уже когда-то умер, зачем тебе смерть конечная, раз навсегда, какая предстоит ему теперь?

Секундой позже он обнаружил, что его правая ступня начисто срезана. Прямо хоть смейся. Снова из скафандра вышел весь воздух. Он быстро нагнулся: ну, конечно, кровь, метеор отсек ногу до лодыжки. Ничего не скажешь, у этой космической смерти свое представление о юморе. Рассекает тебя по частям, точно невидимый черный мясник. Боль вихрем кружила голову, и он, силясь не потерять сознание, затянул рычажок на колене, остановил кровотечение, восстановил давление воздуха, выпрямился и продолжал падать, падать — больше ничего не оставалось.

— Холлис?

Он сонно кивнул, утомленный ожиданием смерти.

— Это опять Эплгейт, — сказал голос.

— Ну.

— Я подумал. Слышал, что ты говорил. Не годится так. Во что мы себя превращаем! Недостойная смерть получается. Изливаем друг на друга всю желчь. Ты слушаешь, Холлис?

— Да.

— Я соврал. Только что. Соврал. Никакой ножки я тебе не подставлял. Сам не знаю, зачем так сказал. Видно, захотелось уязвить тебя. Именно тебя. Мы с тобой всегда соперничали. Видишь — как жизнь к концу, так и спешишь покаяться. Видно, это твое зло вызвало у меня стыд. Так или не так, хочу, чтобы ты знал, что я тоже вел себя по-дурацки. В том, что я тебе говорил, ни на грош правды. И катись к черту.

Холлис снова ощутил биение своего сердца. Пять минут оно словно и не работало, но теперь конечности стали оживать, согреваться. Шок прошел, прошли также приступы ярости, ужаса, одиночества. Как будто он только что из-под холодного душа, впереди завтрак и новый день.

— Спасибо, Эплгейт.

— Не стоит. Выше голову, старый мошенник.

— Эй, — вступил Стоун.

— Что тебе? — отозвался Холлис через просторы космоса; Стоун был его лучшим другом на корабле.

— Попал в метеорный рой, такие миленькие астероиды.

— Метеоры?

— Это, наверно, Мирмидоны, они раз в пять лет пролетают мимо Марса к Земле. Меня в самую гущу занесло. Кругом точно огромный калейдоскоп... Тут тебе все краски, размеры, фигуры. Ух ты, красота какая, этот металл!

Тишина.

— Лечу с ними, — снова заговорил Стоун. — Они захватили меня. Вот чертовщина!

Он рассмеялся.

Холлис напряг зрение, но ничего не увидел. Только крупные алмазы и сапфиры, изумрудные туманности и бархатная тушь космоса, и глас всевышнего отдается между хрустальными бликами. Это сказочно, удивительно: вместе с потоком метеоров Стоун будет много лет мчаться где-то за Марсом и каждый пятый год возвращаться к Земле, миллион веков то показываться в поле зрения планеты, то вновь исчезать. Стоун и Мирмидоны, вечные и нетленные, изменчивые и непостоянные, как цвета в калейдоскопе — длинной трубке, которую ты в детстве наставлял на солнце и крутил.

— Прощай, Холлис. — Это чуть слышный голос Стоуна. — Прощай.

— Счастливо! — крикнул Холлис через пятьдесят тысяч километров.

— Не смейся, — сказал Стоун и пропал.

Звезды подступили ближе.

Теперь все голоса затухали, удаляясь каждый по своей траектории, кто в сторону Марса, кто в космические дали. А сам Холлис... Он посмотрел вниз. Единственный из всех, он возвращался на Землю.

— Прощай.

— Не унывай.

— Прощай, Холлис. — Это Эплгейт.

Многочисленные: «До свидания». Отрывистые: «Прощай». Большой мозг распался. Частицы мозга, который так чудесно работал в черепной коробке несущегося сквозь космос ракетного корабля, одна за другой умирали; исчерпывался смысл их совместного существования. И как тело гибнет, когда перестает действовать мозг, так и дух корабля, и проведенные вместе недели и месяцы, и все, что они означали друг для друга, — всему настал конец. Эплгейт был теперь всего-навсего отторженным от тела пальцем; нельзя подсиживать, нельзя презирать. Мозг взорвался, и мертвые никчемные осколки разбросало, не соберешь. Голоса смолкли, во всем космосе тишина. Холлис падал в одиночестве.

Они все очутились в одиночестве. Их голоса умерли, точно эхо слов всевышнего, изреченных и отзвучавших в звездной бездне. Вон капитан улетел к Луне, вон метеорный рой унес Стоуна, вон Стимсон, вон Эплгейт на пути к Плутону, вон Смит, Тэрнер, Ундервуд и все остальные; стеклышки калейдоскопа, которые так долго составляли одушевленный узор, разметало во все стороны.

«А я? — думал Холлис. — Что я могу сделать? Есть ли еще возможность чем-то восполнить ужасающую пустоту моей жизни? Хоть одним добрым делом загладить подлость, которую я накапливал столько лет, не подозревая, что она живет во мне! Но ведь здесь, кроме меня, никого нет, а разве можно в одиночестве сделать доброе дело? Нельзя. Завтра вечером я войду в атмосферу Земли».

«Я сгорю, — думал он, — и рассыплюсь прахом по всем материкам. Я принесу пользу. Чуть-чуть, но прах есть прах, земли прибавится».

Он падал быстро, как пуля, как камень, как железная гиря, от всего отрешившийся, окончательно отрешившийся. Ни грусти, ни радости в душе, ничего, только желание сделать доброе дело теперь, когда всему конец, доброе дело, о котором он один будет знать.

«Когда я войду в атмосферу, — подумал Холлис, — то сгорю, как метеор».

— Хотел бы я знать, — сказал он, — кто-нибудь увидит меня?

Мальчуган на проселочной дороге поднял голову и воскликнул:

— Смотри, мама, смотри! Звездочка падает!

Яркая белая звездочка летела в сумеречном небе Иллинойса.

— Загадай желание, — сказала его мать. — Скорее загадай желание.

Другие времена

The Other Foot, 1951 год

Переводчик: Б. Клюева²

Услышав новость, все они повыскакивали из ресторанов, кафе и отелей и уставились в небо. Они воздевали вверх свои черные руки над упорно следившими за небом просветлевшими глазами. Стояли с открытыми ртами. На протяжении тысяч миль в маленьких городках в тот жаркий полдень стояли черные люди, отбрасывая короткие тени, и смотрели вверх.

На своей кухне Хэтти Джонсон накрыла крышкой кипящий суп, вытерла тряпкой свои тонкие пальцы и тихо направилась на заднее крыльцо.

— Ма, иди сюда! Эй, ма, иди скорей, а то пропустишь!

— Мама, эй!

Три негрятенка кричали, пританцовывая в середине пыльного двора. Они то и дело нетерпеливо поглядывали на дверь дома.

— Иду, иду, — сказала Хэтти, отворяя сетчатую дверь. — Откуда до вас дошли эти слухи?

— От Джонов, ма. Они говорят, что приближается ракета, первая за все двадцать лет, и белый человек в ней!

— Что такое «белый человек»? Я никогда такого не видел.

— Увидите, — сказала Хэтти. — Обязательно увидите.

² Перевод выглядит ужасно. К сожалению, первоисточника в сети нет, некоторые явные ляпы из перевода убраны.

— Расскажи нам о нем, ма. Расскажи, как это было у тебя.

Хэтти нахмурилась:

— Ну, было это давно, Я тогда еще маленькой девочкой была. Это произошло в 1965 году.

— Расскажи нам о белом человеке, мам!

Она прошла во дворик и стояла там, глядя в чистое голубое марсианское небо с легкими марсианскими облаками на нем и на далекие марсианские горы, изнывающие в марсианском пекле.

Она наконец произнесла:

— Ну, во-первых, у них белые руки.

— Белые руки! — радовались мальчишки и хлопали друг друга по плечам.

— У них белые руки!

— Белые руки! — оглушительно орали ребяташки.

— И белые лица.

— Белые лица! Это правда?

— Белые — вот такие, ма? — и самый маленький из них бросил себе в лицо горсть пыли и зачихал. — Такие, да?

— Гораздо белее, — мрачно ответила Хэтти и стала снова смотреть в небо. В глазах ее читалась тревога, будто она ожидала увидеть там, наверху, ливень с грозой, и то, что их не было, беспокоило ее. — Идите-ка лучше в дом.

— О, ма! — Они с недоверием глядели на нее. — Мы же должны увидеть, ей-Богу, должны! Ничего ведь не случится, верно?

— Не знаю. Просто мне кажется — так будет лучше.

— Мы очень хотим увидеть корабль и потом, если можно, побежим в порт и посмотрим на белого человека. Какой он, ма?

— Не знаю, ничего я не знаю, — в раздумье говорила она и качала головой.

— Расскажи нам еще что-нибудь о нем!

— Ладно уж. Белые люди живут на Земле, откуда прибыли сюда и все мы двадцать лет тому назад. Мы тогда просто взяли и сбежали, и прилетели сюда, на Марс, и осели здесь, построили города и вот живем. Мы теперь уже марсиане, а не земляне. И за все это время ни один белый человек не прилетал к нам. Такая вот история.

— А почему они не прилетали, ма?

— Да потому... Сразу после того как мы отправились сюда, на Земле разразилась атомная война. Страшная война, они без конца бомбили друг друга. И они забыли про нас. А когда через несколько лет военные действия прекратились, у них не осталось ни одной ракеты. Вот до недавнего времени они и строили их. Видно, теперь, спустя двадцать лет, они летят проведать нас. — Она молча посмотрела на детишек и затем, направляясь куда-то, сказала: — Вы меня тут подождите, я схожу к Элизабет Браун, в конец улицы. Обещаете никуда не уходить?

— Не хотелось бы, да уж ладно.

— Вот и хорошо, — и она побежала вниз по дороге.

К Браунам она прибежала как раз вовремя: все семейство загружалось в их огромную машину.

— Хэтти, привет! Поехали с нами!

— А вы куда? — подбежала она, задыхаясь

— Посмотреть на белого человека!

— Действительно, со всей серьезностью заявил мистер Браун и указал рукой на свой «груз». — Эти дети никогда не видели белого человека, да и сам я успел подзабыть, какой он.

— Что вы собираетесь делать с этим белым человеком? — спросила Хэтти.

— Делать? — удивилось все семейство. — Да просто посмотреть на него — и все.

— Вы так считаете?

— Что же еще можем мы сделать?

— Не знаю, — сказала Хэтти. — Только я подумала, не случилось бы чего.

— Что именно?

— Да понимаете, — растерянно, в недоумении произнесла Хэтти, — вы ведь не станете линчевать его?

— Линчевать его? — Все дружно рассмеялись. Мистер Браун шлепнул себя по коленям. — Да помилуй Бог, девочка. Мы собираемся пожать ему руку. Не так ли, дети мои?

— Конечно! Конечно!

С другого конца города подъехала еще одна машина, и Хэтти воскликнула:

— Билл!

— Что это ты тут делаешь? Где дети? — гневно прокричал ее супруг. Он оглядел остальных. — А вы, уж не собираетесь ли вы, словно скопище дураков, отправиться на встречу прилетающего человека?

— Да вроде бы так, — кивая головой и улыбаясь, согласился мистер Браун.

— Что ж, тогда прихватите ружья, — велел им Уилли. — Я именно за этим еду домой.

— Билл!

— А ну-ка садись в мою машину, Хэтти. — Он, глядя на нее в упор, держал дверцу машины открытой, пока она не подчинилась.

Он никому не сказал больше ни слова и захохотал по пыльной дороге на своей машине.

— Билл, не так быстро!

— Не так быстро, да? Ну, это мы еще посмотрим. — Он следил за тем, как рвется назад под машиной дорога. — По какому праву они явились теперь сюда? Почему не оставляют нас в покое? Почему они не разбомбили друг друга там, в том старом мире, и не дают нам жить, как мы хотим?

— Билл, не по-христиански говорить такое.

— Я и не чувствую себя христианином, — ухватившись за руль, яростно твердил он. — Я чувствую себя подлецом. После стольких лет всего того, что они вытворяли с нашим народом — с моей мамой и моим папой, и твоей мамой и твоим папой — ты хоть помнишь? Ты помнишь, как они повесили моего отца на Ноквуд Хилл и застрелили мою мать? Ты помнишь? Или у тебя такая же короткая память, как у Браунов?

— Я помню, — сказала она.

— Ты помнишь доктора Филипса и мистера Бертона, и их большие дома, — и лачугу-прачечную моей матери, и отца-старика, продолжавшего трудиться на них; и их благодарность — его повесили доктор Филиппс и мистер Бертон. Однако, — продолжал Уилли, — времена изменились, изменились и обстоятельства. Теперь мы посмотрим, кто против кого издает законы, кого следует линчевать, кто будет ездить в заднем конце автобусов, кому отгородят особые места в кино и театрах. Подождем и увидим.

— О, Билли, ты накличешь беду!

— Об этом все сейчас говорят. Каждый думал про себя об этом дне, надеясь, что он не наступит. Думали: «А что, если этот день придет, если белый человек появится вдруг на Марсе?» Но вот он, этот день, и нам некуда от него бежать.

— Уж не собираешься ли ты позволить белым людям жить здесь?

— Точно. — Он улыбался, но это была хитрая, подлая улыбка, и глаза его были безумны. — Пусть они приходят, и живут здесь, и работают — почему бы нет. Но чтобы заслужить это, им придется жить в крошечном районе города, в трущобах, и чистить нам ботинки, и убирать за нами отбросы, и сидеть в последних рядах галерки. Вот и все, чего мы от них потребуем. И раз в неделю мы будем вешать по одному или парочке из них. Все очень просто.

— То, что ты говоришь, бесчеловечно, и это мне не нравится.

— Тебе придется привыкнуть к этому, — сказал он. Он резко затормозил возле их дома и выпрыгнул из машины. — Найди мои ружья и моток веревки. Мы все устроим как надо.

— О, Билли! — взмолилась она, оставаясь в машине в то время, как он взбежал по ступенькам и хлопнул входной дверью.

Она пошла за ним. Она вовсе не хотела идти за ним, но он чем-то громыхал на чердаке, ругался как безумный, пока не нашел четыре свои ружья. Она увидела блеск этого отвратительного металла в темноте чердака, хотя его самого не могла разглядеть — такой он был черный; она только слышала его проклятия, и наконец его длинные ноги в клубках пыли стали спускаться с чердака, и он набрал кучу медных патронов, вытащил патронники и запихнул в них патроны. Его лицо оставалось жестким, тяжелым, и за всем этим скрывалась терзавшая его горечь.

— Оставьте нас, — продолжал он ворчать, опустив вдруг руки и не контролируя себя. —

Оставьте нас, черт подери, в покое, слышите?

— Билли, Билли...

— И ты... и ты! — И он так посмотрел на нее, что она почувствовала, как его ненависть коснулась ее разума.

За окном дети продолжали болтать друг с другом.

— Белый как молоко, она сказала. Белый как молоко.

— Белый как мел, которым мы пишем, как камень.

Уилли выскочил из дома.

— А ну, пошли все в дом. Я запроу вас. Не видать вам никакого белого человека, и нечего трепаться о нем, бездельники несчастные. Пошли, пошли.

— Но, папочка...

Он затолкал их в дом, пошел достал ведро с краской и шаблон, а из гаража взял толстый моток грубой веревки, конец которой завязал петлей, и, проделывая все это, внимательно наблюдал за небом.

Затем, снова сев в машину, они понеслись, оставляя за собой клубы пыли по дороге.

— Потише, Билли.

— Не время медлить, — сказал он. — Время поспешать, вот я и спешу.

На протяжении всего пути люди стояли и смотрели в небо, или забирались в машины, или уже ехали в машинах, и из некоторых машин, словно телескопы, высматривающие все грехи мира накануне его конца, торчали ружья.

Она смотрела на ружья.

— Это ты им приказал, — обвинила она мужа.

— Именно этим я был занят, — кивнув, проворчал он. Он напряженно следил за дорогой. — Я останавливался возле каждого дома и говорил им, что надо делать: взять ружья, краски, привезти веревки и приготовиться. И теперь все мы — комитет по радушному приему — готовы преподнести им ключ от города. Так-то вот, сэр!

Овладевавший ею ужас заставил ее крепко стиснуть свои тонкие черные руки, она чувствовала, как мчится сломя голову их машина, как она, виляя, обгоняет другие машины. Она слышала, как кричали им вслед: «Эй, Уилли, смотри!» и поднимались руки с веревками и ружьями, когда они проскакивали мимо них, и вслед им мелькали мимолетные улыбки.

— Вот мы и приехали, — сказал Уилли, затормозив у пыльной платформы, и сразу стало тихо.

Ударом своей огромной ноги он распахнул дверцу, вылез из машины и, нагруженный оружием, поволок его по посадочной площадке аэропорта.

— Ты хорошо подумал, Билли?

— Этим я занимался все двадцать лет. Мне было шестнадцать, когда я покинул Землю, и я радовался этому, — сказал он. — Там для меня не было ничего, как, впрочем, и для тебя, и для всех, подобных нам. Я никогда не жалел о том, что оставил Землю. Здесь впервые в жизни мы обрели мир... Ладно, пошли.

Он пробирался сквозь толпу таких же черных, которые пришли на встречу с ним.

— Уилли, Уилли, что нам теперь делать? — спрашивали они.

— Вот ружье, — говорил он. — Вот ружье. Вот еще. — Он яростно совал им в руки оружие. — Вот пистолет. А это дробовик.

Люди стояли такой тесной толпой, что казались одним черным телом с тысячей рук, тянущихся за оружием. «Уилли, Уилли!»

Его высокая, молчащая жена стояла рядом с ним, крепко сжав пухлые губы, с глазами, полными слез и трагедии.

— Принеси краску, — приказал он ей.

И она приволокла галлон желтой краски к платформе, куда в это время подкатил трамвай с блестящей свежей краской новенькой вывеской впереди: «К МЕСТУ ПРИЗЕМЛЕНИЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА». В трамвае было полно переговаривающихся друг с другом людей. Они высыпали из него и, глядя на небо и спотыкаясь, бросились бежать по полю. Женщины держали в руках корзинки для пикников, мужчины были в соломенных шляпах и в рубашках с короткими рукавами. Опустевший трамвай стоял и гудел. Уилли взобрался в него, поставил на пол банки с

краской, вскрыл их, помешал краску, проверил кисточку, взобрался на сиденье и приложил к стенке шаблон.

— Эй, вы! — кондуктор обошел его сзади, позвякивая мелочью. — Что это вы там надумали делать? А ну, слезайте!

— Сами видите, что я делаю. Не волнуйтесь.

И Уилли с помощью шаблона принялся выводить желтой краской буквы. Сначала он покрыл краской букву "Д", затем "л" и наконец "я" — он был ужасно горд своей работой. Когда он завершил свой труд, кондуктор посмотрел украдкой и прочел слова, сверкавшие свежей желтой краской: «Для белых. Задний сектор». Он стал перечитывать. «Для белых.» Он моргнул. «Задний сектор.» Кондуктор взглянул на Уилли и заулыбался.

— Как, подходит? — спросил Уилли, выходя из трамвая.

— Чудесно, сэр, это мне очень даже подходит, — сказал кондуктор.

Хэтти, сжимая руки на груди, смотрела издали на надпись.

Уилли вернулся к толпе, которая выросла к этому времени, пополнившись пассажирами из автомобилей, с рокотом останавливающихся у платформы, и из многих трамваев, с визгом проделавших извилистый путь из близлежащего города.

Уилли взобрался на упаковочный ящик.

— Давайте создадим группу, которая за час напишет объявления во всех трамваях. Есть желающие?

Поднялся лес рук.

— Отправляйтесь!

Группа ушла.

— Давайте создадим группу, чтобы канатами огородить места в театрах — два последних ряда для белых.

Еще больше желающих.

— Идите!

Они помчались.

Уилли всматривался в толпу. С него градом катил пот, он задыхался от напряжения и гордился своей мощью; он положил свою руку на плечо жены, согнувшейся под этой тяжестью, смотревшей в землю и не смевшей поднять глаз от земли.

— А теперь послушайте, — провозгласил он. — Так вот, сегодня мы должны принять закон: никаких смешанных браков!

— Правильно, — откликнулось множество людей.

— Все мальчики — чистильщики сапог — сегодня бросают свою работу.

— Бросаем прямо сейчас! — Несколько человек в лихорадочной спешке прихватили с собой и пронесли через весь город свои щетки, и теперь они повыбрасывали их.

— Примем закон о минимальной зарплате, так?

— Так, так!

— Будем платить этим белым не больше десяти центов за час.

— Правильно!

К выступавшему поспешил мэр города.

— Послушайте-ка, Уилли Джонсон, слезайте с ящика!

— Мэр, меня нельзя принудить ни к чему подобному!

— Вы устраиваете беспорядки, Уилли Джонсон. — Какая мысль!

— Вы, еще будучи мальчишкой, всегда ненавидели все это. Вы сами ничуть не лучше некоторых белых, о которых вы тут распинаетесь!

— Теперь другое время, мэр, и другие обстоятельства, — сказал Уилли, даже не глядя на мэра, а всматриваясь в лица тех, внизу — улыбающиеся, сомневающиеся, растерянные, некоторые из них враждебные, напуганные, отвернувшиеся от него.

— Вы еще пожалеете, — сказал мэр.

— Мы проведем выборы и выберем нового мэра, — сказал Уилли.

Он смотрел на город, где на улицах, там и сям, появились свежеизготовленные вывески: «Клиентура ограничена: в любое время обслужим неполноценных клиентов». Уилли усмехнулся и захлопал в ладоши. Люди останавливали трамваи и закрашивали задний сектор белой краской в

ожидании их будущих обитателей. И довольные люди заполнили театры и канатами огородили в них места для белых, в то время как их жены удивленно взирали на все это с обочин дорог и шлепками загоняли в дом детишек, чтобы уберечь их от этого ужасного времени.

— Все готовы? — взывал Уилли Джонсон к своим согражданам, держа в руке веревку с аккуратно завязанной на ней петлей.

— Готовы! — прокричала половина собравшихся. Другая половина, недовольно ворча себе под нос, двинулась прочь, подобно персонажам из ночного кошмара, не пожелавшим в нем участвовать.

— Летит! — закричал какой-то малыш.

Как будто все они были марионетками на одной ниточке; все одновременно подняли головы вверх.

По небу в сполохах оранжевого пламени, высокая и прекрасная, летела ракета. Она описала круг и спустилась, вызвав всеобщий вздох. Она приземлилась, вызвав небольшое возгорание травы на поле; огонь скоро погас, некоторое время ракета лежала спокойно, а затем под взглядами притихшей толпы большая дверь на боку корабля прошипела выходящим кислородом, отползла в сторону, и из корабля вышел старик.

— Белый человек, белый человек, белый человек... — зашелестели в толпе ожидающих слова; дети, бодаясь, нашептывали их друг другу на ухо; слова, пульсируя, распространялись дальше, туда, где толпились люди, стояли трамваи под ветром солнечного дня, где из открытых окон разносился запах краски. Шепот сам собой угас, все стихло.

Никто не сдвинулся с места.

Белый человек был высокого роста, держался прямо, хотя в лице его поселилась бездонная усталость. Он был небрит, и глаза его были такими бесконечно старыми, какими они должны быть у человека, которому необходимо жить и который еще живет. Его глаза были бесцветными, почти невидящими, будто стертые всем тем, что ему пришлось увидеть за прошедшие годы. Он был так худ, что его можно было сравнить с зимним облетевшим кустом. Руки его дрожали, и, разглядывая толпу собравшихся, он вынужден был опереться о притолоку.

Он изобразил подобие улыбки у себя на лице и выставил было руку, но тут же убрал ее обратно.

Никто не шевельнулся.

Он посмотрел вниз, на их лица, и, наверное, в поле его зрения попали ружья и веревки, но он не увидел их; возможно, он не почувал и запах краски. Об этом никто никогда не спросил его. Он начал говорить. Он начал очень тихо, медленно, не предполагая, что его могут прервать, — его и не прерывали, — у него был очень изнеможенный, очень старый, бесцветный голос.

— Неважно, кто я такой, — произнес он. — Мое имя ничего не скажет вам. Не знаю и я ваших имен. Все это придет позже. — Он остановился, прикрыл на минуту глаза и затем продолжал: — Двадцать лет назад вы оставили Землю. Как же много воды утекло с тех пор! Это больше чем двадцать веков, так много всякого произошло за это время. После вашего исхода началась Война. — Он медленно опустил голову. — Да-а, это была большая война. Третья. Она продолжалась долго. До прошлого года. Мы разбомбили все города на Земле. Мы полностью разрушили и Нью-Йорк, и Лондон, и Москву, и Париж, и Шанхай, и Бомбей, и Александрию. Мы превратили их в руины. И когда мы покончили с большими городами, мы принялись за маленькие, и забросали их атомными бомбами, и сожгли их дотла.

И он начал перечислять эти города, и местечки, и улицы. И когда он называл их, среди слушавших его поднимался ропот.

— Мы разрушили Натчез...

Ропот.

— Колумбус в штате Джорджия...

Снова ропот.

— Мы спалили Нью-Орлеан...

Тяжелый вздох.

— И Атланту...

Опять вздох.

— И ничего не осталось от Гринуотера, штат Алабама.

Уилли Джонсон резко вскинул голову и стоял с открытым ртом.

Хэтти заметила это его движение и одобрение в его темно-карих глазах.

— Не осталось ничего, — медленно произнес старик, стоя в проеме двери. — Сгорели хлопковые поля.

О-о-о! — простонали все сразу.

— Мы разбомбили ткацкие фабрики...

О-о-о!

— Все заводы стали радиоактивными, все пронизано радиоактивностью. Все дороги, и фермы, и продовольствие — все радиоактивно. Буквально все.

И он продолжал называть все новые и новые города.

— Тампа.

Мой город, прошептал кто-то.

— Фултон.

Это мой, сказал кто-то еще.

— Мэмфис.

Мэмфис... Неужели и Мэмфис сожгли? — раздался испуганный вопрос.

— Мэмфис взорвали.

И четвертую улицу в Мэмфисе?

— Весь город, до основания, — отвечал старик.

Это проняло их всех. Через двадцать лет прошлое нахлынуло на них. В памяти собравшихся людей всплыло на поверхность все: города и местечки, деревья и кирпичные дома, вывески и церкви, и знакомые магазинчики. Название каждого города, места пробуждало память, и среди них не осталось никого, кто не подумал бы о прошедших днях. Все они были достаточно взрослыми для этого, если не считать детей.

— Ларедо.

Я помню Ларедо.

— Нью-Йорк-Сити.

У меня был магазин в Гарлеме.

— Гарлем разбомбили.

Зловещие слова. Знакомые, запомнившиеся места. Трудно представить себе эти места в руинах.

Уилли Джонсон прошептал:

— Гринуотер, Алабама. Там я родился. Я помню.

Разорено. Все разорено. Так сказал этот человек.

Тем временем старик продолжал:

— Мы разрушили, уничтожили все — такими мы были идиотами, идиотами и остались. Мы убили миллионы людей. Не думаю, что на Земле осталось в живых больше пятисот тысяч человек, всех родов и видов. И из всех обломков цивилизации мы сумели собрать достаточно металла, чтобы построить эту ракету, и мы прибыли на ней в этот час, дабы просить вашей помощи.

Он в сомнении сделал паузу и смотрел вниз, на лица людей в расчете увидеть, что они думают, но ему не удалось развеять свои сомнения.

Хэтти Джонсон почувствовала, как напряглись мускулы руки ее мужа, увидела, как крепко сжал он конец веревки.

— Мы были круглыми идиотами, — тихо продолжал старик. — Мы своими руками свели на нет нашу Землю и цивилизацию. Ни один из городов не стоит спасения: все они будут радиоактивными на протяжении века. С Землей покончено. Ее время ушло. У вас здесь есть ракеты, которыми за все эти двадцать лет вы ни разу не воспользовались, чтобы вернуться на Землю. А я собираюсь попросить вас воспользоваться ими. Отправиться на них на Землю, забрать оставшихся в живых и привезти их на Марс. Помочь нам на сей раз выжить. Мы были глупы. Мы перед Богом признаем нашу глупость и всю нашу греховность. Все мы — и китайцы, и индийцы, и русские, и англичане, и американцы. Мы просим принять нас. Ваши марсианские земли оставались неспаханными многие века; тут найдется место для всех; здесь добрые почвы — я видел ваши поля сверху. Мы придем и будем работать на вас. Да, мы готовы даже на это. Мы

заслужили все, что вам угодно будет сделать с нами, но не отвергайте нас. Мы не можем заставить вас действовать. Если вы так захотите, я сяду в корабль и отправлюсь назад — и на этом все кончится. Мы больше никогда не побеспокоим вас. Но нам хотелось бы прилететь сюда, чтобы работать на вас и делать все то, что раньше вы делали для нас: убирать ваши дома, готовить пищу, чистить ваши ботинки и во имя Бога подвергнуть себя унижению за все то, что в течение многих веков мы творили с собой, с другими, с вами.

Он окончательно обессилел.

Наступила гробовая тишина. Такая тишина, что ее можно было пощупать рукой, тишина, подобная давлению приближающейся грозы. В сиянии солнца они стояли, опустив, словно плети, свои длинные руки, и глаза всех них были обращены на старика, а тот стоял, не двигаясь, и ждал.

Уилли Джонсон сжимал петлю в руке. Окружавшие его ожидали его действий. Его жена крепко сжимала его руку.

Она жаждала постичь всю их ненависть, докопаться до нее и сделать с нею что-то, пока не набредет на маленькую щелочку, трещинку в ней, и тогда по кирпичику, по камешку будет разрушать ее, пока не падет часть стены, а затем рухнет и все сооружение, и тогда с ней будет покончено. Оно уже шатается. Но где камень преткновения, и как до него добраться? Чем можно тронуть их, и где найти то, что пробудит в них всех желание разделаться со своей ненавистью?

Она смотрела на Билла во время этой неотступной тишины, и все, что она видела в этой ситуации, был он, его жизнь и все, что с ним было, и она вдруг поняла, что он — камень преткновения, что стоит ему расслабиться — и все остальные вздохнут свободно.

— Мистер! — она сделала шаг вперед. Она еще не знала, с чего начнет. Толпа смотрела ей в спину — она ощущала на себе их взгляды. — Мистер...

Человек повернулся к ней с усталой улыбкой на лице.

— Мистер, вы знаете Ноквуд Хилл в Гринуотере, штат Алабама?

Старик через плечо поговорил с кем-то, находившимся внутри корабля. Через мгновение ему выдали фотографическую карту, он взял ее и ждал.

— Вы знаете большой дуб на его вершине, мистер?

Большой дуб. Место, где застрелили и повесили отца Билла и где его нашли наутро следующего дня качающимся на ветру.

— Да.

— Он еще там? — спросила Хэтти.

— Там его нет, — ответил старик. — Его взорвали. И холм, и дуб — все вместе. Видите? — Он показал фотографию.

— Дайте мне посмотреть на нее, — сказал, протискиваясь вперед и глядя на карту, Уилли.

Хэтти с сильно бьющимся сердцем бросила взгляд на белого человека.

— Расскажите мне о Гринуотере, — поспешила она попросить его.

— Что именно вы хотели бы узнать?

— О докторе Филиппе. Он жив еще? Прошла минута, пока получили нужную информацию с помощью пощелкивающей внутри ракеты машины.

— Убит на войне.

— А его сын?

— Мертв.

— А что с их домом?

— Сгорел. Как и все другие дома.

— А другое большое дерево на Ноквуд Хилл — оно цело?

— Пропали все деревья. Сгорели.

— То дерево сгорело, вы уверены? — спросил Уилли.

— Да.

Уилли немного расслабился.

— А что с домом мистера Бертона и с самим мистером Бертоном?

— Не осталось ни домов, ни людей.

— А вы знаете прачечную моей матери, миссис Джонсон, ее лачугу?

Место, где ее застрелили.

— И ее не осталось. Все уничтожено. Вот здесь фотографии, можете сами убедиться.

Это были картинки, которые стоило подержать в руках, посмотреть и задуматься. Ракета была набита подобными картинками и ответами на вопросы. Любой город, любое строение, любое место.

Уилли стоял с веревкой в руках.

Он вспоминал Землю, зеленую Землю и зеленый городишко, в котором он родился и вырос, и одновременно он думал о том же городе, но разрушенном, сметенном с лица земли, рассеянном по ветру со всеми его приметам, со всем тем злом, предполагаемым или совершенным людьми; все, что сделано серьезными людьми, ушло: хлева, кузницы, антикварные лавки, тележки с содовой водой, пивные, мосты через реки, деревья для линчевания, прострелянные картечью холмы, дороги, коровы, мимозы и его собственная хижина вместе с украшенными колоннами большими домами, располагавшимися по берегу реки, этими белыми склепами, где женщины, легкие как мотыльки, мелькали в осеннем свете, далекие, недоступные. Дома, в которых хладнокровные мужчины танцевали, держа в руках бокалы с вином, и ружья их стояли там же, прислоненные к перилам крыльца, вынюхивающие осенний воздух и готовящие смерть. Покончено, со всем этим покончено; ушло и не вернется никогда. Теперь и навсегда вся эта цивилизация разодрана на мелкие кусочки, на конфетти, и распростерлась у их ног. Ничего, ничего от нее не осталось и нечего теперь ненавидеть — ни пустого медного патрона, ни веревочной петли, ни дерева, ни даже самого холма — ничего не осталось для ненависти. Ничего, кроме чужих людей в ракете, людей, готовых чистить ему ботинки, ездить в задней части транспорта и сидеть высоко, на галерке, в ночных театрах...

— Вам не следовало так делать, — сказал Уилли Джонсон.

Его жена смотрела на его большие руки. Пальцы вдруг разжались.

Веревка, высвободившись, упала и сложилась кольцами на земле.

Они бежали по улицам своего города и срывали так поспешно сделанные новые вывески, и смывали свежую желтую краску с трамваев, и убирали канаты в верхних ярусах театров, и разряжали свои ружья, скатывали веревки и убирали их подальше.

— Каждый начнет все сначала, — сказала Хэтти, когда они возвращались домой в своей машине.

— Да, — сказал наконец Уилли. — Бог оставил нас в живых — одних здесь, других там. И все дальнейшее зависит теперь только от нас. Прошло время быть идиотами. Не надо только быть дураками. Я это понял, когда старик говорил. Я понял тогда, что белый человек сейчас так же одинок, как одиноки были всегда мы. У него теперь нет дома, как его не было у нас такое долгое время. Теперь у нас одинаковые условия. Мы можем начинать все сначала, на равных.

Он остановил машину и не шевелясь сидел в ней, пока Хэтти ходила освободить ребятишек. Они подбежали к отцу.

— Ты видел белого человека? Ты видел его? — кричали они.

— Да, сэр, — сказал Билл, сидя за рулем и медленно потирая пальцами лоб. — Похоже на то, будто сегодня я вообще впервые увидел белого человека по-настоящему — я очень ясно видел его.

На большой дороге

The Highway, 1950 год

Переводчик: Н. Галь

Днем над долиной брызнул прохладный дождь, смочил кукурузу в полях на косогоре, застучал по соломенной кровле хижины. От дождя вокруг потемнело, но женщина упрямо продолжала растирать кукурузные зерна между двумя плоскими кругами из застывшей лавы. Где-то в сырлом сумраке плакал ребенок.

Эрнандо стоял и ждал, пока дождь перестанет и опять можно будет выйти с деревянным плугом в поле. Внизу река, бурля, катила мутно-коричневую воду пополам с песком. Еще одна река — покрытое асфальтом шоссе — застыла недвижно и лежала пустынная и влажно блестящая. Уже целый час не видно ни одной машины. Необычно и удивительно. За многие годы не было такого часа, чтоб какой-нибудь автомобиль не остановился у обочины и кто-нибудь не окликнул:

— Эй, ты, давай мы тебя сфотографируем? В одной руке у такого ящичек, который шелкает, в другой — монета.

И если Эрнандо шел к ним с непокрытой головой, оставив шляпу среди поля, они иногда кричали:

— Нет, нет, надень шляпу!

И махали руками, а на руках так и сверкали всякие золотые штуки — и такие, которые показывают время, и такие, по которым можно признать хозяина, и такие, которые ничего не значат, только поблескивают на солнце, словно паучьи глаза, — тогда он поворачивался и шел за шляпой.

— Что-нибудь неладно, Эрнандо? — услышал он голос жены.

— Si³. Дорога. Что-то стряслось. Что-то худое, зря дорога так не опустеет.

Легко и неторопливо ступая, он пошел прочь, от дождя сразу промокли плетенные из соломы башмаки на толстой резиновой подошве. Он хорошо помнил, как досталась ему эта резина. Однажды ночью в хижину с маху ворвалось автомобильное колесо, куры и горшки так и посыпались в разные стороны. Одинокое колесо, и оно крутилось на лету, как бешеное. Автомобиль, с которого оно сорвалось, помчался дальше, до поворота, на мгновение повис в воздухе, сверкая фарами, и рухнул в реку. Он и сейчас там. В погожий день, когда река течет тихо и ил оседает, его видно под водой. Он лежит глубоко на дне — длинная, низкая, очень богатая машина — и слепит металлическим блеском. А потом поднимется ил, вода замутится, и опять ничего не видно.

На другой день Эрнандо вырезал себе из резиновой шины подметки.

Сейчас он вышел на шоссе и стоял и слушал, как тихонько звенит под дождем асфальт.

И вдруг, словно кто-то подал им знак, появились машины. Сотни машин, многие мили машин, они мчались и мчались — все мимо, мимо. Большие длинные черные машины с ревом бешено неслись на север, к Соединенным Штатам, не сбавляя скорости на поворотах. И гудели и сигналили без умолку. Во всех машинах полно народу, и на всех лицах что-то такое, отчего у Эрнандо внутри все как-то замерло и затихло. Он отступил на окраину шоссе и смотрел, как мчатся машины. Он считал их, пока не устал. Пятьсот, тысяча машин пронеслись мимо, и во всех лицах что-то странное. Но они мелькали слишком быстро, и не разобрать было, что же это такое.

И вот опять тихо и пусто. Быстрые длинные низкие автомобили с откинутым верхом исчезли. Затих вдали последний гудок.

Дорога вновь опустела.

Это было похоже на похороны. Но какие-то дикие, неистовые, уж очень по-сумасшедшему они спешили все на север, на север, на какой-то мрачный обряд. Почему? Эрнандо покачал головой и в раздумье пошевелил пальцами натруженных рук.

И тут появился одинокий последний автомобиль. Почему-то сразу было видно, что он самый-самый последний. Это был старый-престарый «форд», он спустился по горной дороге, под холодным редким дождем, весь окутанный клубами пара. Он торопился изо всех своих сил. Казалось, того и гляди, развалится на куски. Завидев Эрнандо, дряхлая машина остановилась — она была ржавая, вся в грязи, радиатор сердито ворчал и шипел.

— Пожалуйста, сеньор, нет ли у вас воды?

За рулем сидел молодой человек лет двадцати, в желтом свитере, белой рубашке с распахнутым воротом и в серых штанах. Открытую машину заливал дождь, водитель весь вымок, вымокли и молодые пассажиры — их было пять, они сидели в «фордике» так тесно, что не могли пошевеливаться. Все они были очень хорошенькие и старались укрыться от дождя и укрыть водителя старыми газетами. Но то была плохая защита, яркие платья девушек и одежда молодого человека промокли насквозь, и мокрые волосы его прилипли ко лбу. Но никто не обращал внимания на дождь. Никто не жаловался, и это было удивительно. Раньше проезжие всегда жаловались: то им не нравился дождь, то жара, то было слишком поздно, или холодно, или далеко. Эрнандо кивнул:

— Я принесу воды.

---

³ Да (исп.).

— Ох, пожалуйста, скорее! — воскликнула одна девушка. Тонкий голосок прозвучал очень испуганно. В нем не слышалось нетерпения, только просьба и страх. И Эрнандо побежал — впервые он заторопился, когда его попросили проезжие, раньше он всегда только замедлял шаг.

Он вернулся, неся крышку от ступицы, полную воды. Эту крышку ему тоже подарила большая дорога, однажды она залетела к нему на поле, круглая и сверкающая, точно брошенная монета. Автомобиль, с которого она отлетела, скользнул дальше, вовсе и не заметив, что потерял свой серебряный глаз. С тех пор Эрнандо и его жена пользовались этой крышкой для стирки и стряпни, отличный получился тазик.

Наливая воду в радиатор, Эрнандо поглядел на молодые растерянные лица.

— Спасибо вам, спасибо! — сказала еще одна девушка. — Вы и не знаете, как вы нас выручили! Эрнандо улыбнулся.

— Очень много машин проехало за этот час. И все в одну сторону. На север.

Он вовсе не хотел их задеть или обидеть. Но когда он опять поднял голову, все девушки сидели под дождем и плакали. Горько-горько плакали. А молодой человек пытался их успокоить — возьмет за плечи то одну, то другую и легонько встряхнет, а они прикрывают головы газетами, губы у всех дрожат, глаза закрыты, щеки побледнели, и все плачут — одни тихонько, другие навзрыд.

Эрнандо так и застыл, держа в руках крышку, где еще оставалась вода.

— Я не хотел никого обидеть, сеньор, — промолвил он.

— Это ничего, — отозвался водитель.

— А что стряслось, сеньор?

— Вы разве не слышали? — Молодой человек обернулся, стиснул одной рукой баранку и подался вперед. — Это все-таки случилось.

Лучше бы он ничего не говорил, две девушки заплакали еще горше, ухватились друг за дружку забыв про свои газеты, и дождь заструился по их лицам. Мешаясь со слезами.

Эрнандо словно одеревенел. Вылил остатки воды в радиатор. Поглядел на небо — оно было черное, грозное. Поглядел на реку — она вздулась и шумела. Асфальт под ногами стал очень жесткий.

Эрнандо подошел к машине сбоку. Молодой человек взял его за руку и вложил в нее песо. Эрнандо вернул монету.

— Нет, — сказал он. — Я не ради денег.

— Спасибо вам, вы такой добрый, — все еще всхлипывая, сказала одна из девушек. — Ох, мама, папа... я хочу домой, хочу домой... мама, папочка... Подруги обхватили ее за плечи.

— Я ничего не слышал, сеньор, — тихо сказал Эрнандо.

— Война! — крикнул молодой человек во все горло, будто кругом были глухие. — Вот она, атомная война, конец света!

— Сеньор, сеньор. — сказал Эрнандо.

— Спасибо вам, спасибо, что помогли, — сказал, молодой человек. — Прощайте.

— Прощайте, — сквозь стену дождя сказали девушки; они уже не видели Эрнандо.

Он стоял и смотрел вслед дряхлому «форду», пока тот, дребезжа, опускался в долину. И вот все скрылось из виду — последняя машина, и девушки, и хлопающие на ветру газеты, что они держали над головами.

Еще долго Эрнандо стоял не шевелясь. Ледяные струйки дождя сбегали по его щекам, по пальцам, по домотканым штанам, он стоял затаив дыхание, весь напрягшись, и ждал.

Он все не сводил глаз с дороги, но она была пуста. «Теперь, пожалуй, она долго не оживет, очень долго», — подумал он.

Дождь перестал. Меж туч проглянуло синее небо. Буря рассеялась за каких-нибудь десять минут, словно чье-то зловонное дыхание. Из чащи потянул душистый ветерок. Слышно было, как легко и вольно течет река. Кустарник ярко зеленел, все дышало свежестью. Эрнандо прошел через поле к своей хижине и поднял плуг. Взялся за рукоятки, поглядел на небо — в вышине уже разгоралось жаркое солнце.

Жена, не переставая молоть кукурузу, окликнула:

— Что случилось, Эрнандо?

— Да так, ничего, — отозвался он. Направил плуг по борозде и резко крикнул ослу:

«Вперед, бурро!»

И, вспахивая тучную землю, они с ослом зашагали по полю, под проясняющимся небом, вдоль глубокой реки.

— «Конец света», — вспомнил вслух Эрнандо. — Как же, так — конец?

Человек

The Man, 1949 год

Переводчик: Н. Контюг

Капитан Харт стоял у раскрытого люка ракеты.

— Почему они не идут? — спросил он.

— Откуда мне знать, капитан? — отозвался его помощник Мартин.

— И что же это за место? — спросил капитан, раскуривая сигару. Спичку он швырнул в сияющий луг, и трава загорелась.

Мартин хотел затоптать огонь ботинком.

— Нет, — приказал капитан Харт, — пусть горит. Может быть, они явятся посмотреть, что тут такое, невежи.

Мартин пожал плечами и убрал ногу от расползающегося огня.

Капитан Харт взглянул на часы.

— Вот уже час, как мы приземлились, и что же? Где делегация встречающих, рукопожатия, где оркестр? Никого! Мы пролетели миллионы миль в космосе, а прекрасные граждане какого-то глупого городка на какой-то неведомой планете не обращают на нас внимания! — Он фыркнул, постукав пальцем по часам. — Что ж, даю им еще пять минут, а затем...

— И что затем? — спросил Мартин, неизменно вежливый Мартин, наблюдая за тем, как трясутся отвислые щеки капитана.

— Мы пролетим над их проклятым городом еще раз и напугаем их до смерти. — Голос его стал тише. — Мартин, может быть, они не видели, как мы приземлились?

— Видели. Они смотрели на нас, когда мы пролетали над городом.

— Почему же они не бегут сюда по лугу? Может быть, они спрятались? Они что, трусили?

Мартин покачал головой.

— Нет. Возьмите бинокль, сэр. Посмотрите сами. Они бродят вокруг. Но они не напуганы. Они... ну, похоже, что им все равно.

Капитан Харт прижал бинокль к усталым глазам. Мартин взглянул на него, отметив на его лице морщины раздражения, усталости, непонимания. Казалось, Харту уже миллион лет. Он никогда не спал, мало ел и заставлял себя двигаться все дальше, дальше. А теперь его старые, запавшие губы двигались под биноклем.

— Мартин, я просто не знаю, чего ради мы стараемся. Строим ракеты, расходуем силы, чтобы пересечь бездну, ищем их — и что получаем? Пренебрежение. Посмотрите, как эти идиоты бродят с места на место. Неужели они не понимают, какое великое событие только что произошло? Первый космический полет в их глухомань. Часто ли это происходит? Они что, пресыщены?

Мартин не знал.

Капитан Харт устало вернул ему бинокль.

— Зачем все это, Мартин? Я имею в виду космические полеты. Ищем, ищем. Внутри все сжато, и никакого отдыха.

— Может быть, мы ищем мира и покоя. На Земле этого точно нет, — сказал Мартин.

— Вы считаете, нет? — капитан Харт задумался. — Со времен Дарвина, да? С тех пор, как ушло все, во что мы раньше верили, все ушло за борт, да? Божественное провидение и все такое. Вы считаете, из-за этого мы и летаем к звездам, а, Мартин? Ищем потерянные души, так, что ли? Пытаемся улететь с нашей порочной планеты на другую, чистую?

— Возможно, сэр. Во всяком случае, мы точно чего-то ищем.

Капитан Харт откашлялся, и голос его вновь стал твердым.

— Что ж, в данный момент мы ожидаем мэра города. Бегите туда, расскажите им, что мы,

первая космическая экспедиция на планету. Капитан Харт шлет свои приветствия и желает видеть мэра. Вперед!

— Да, сэр. — Мартин медленно зашагал по лугу.

— Быстрее! — рывкнул капитан.

— Да, сэр! — Мартин пустился рысью, а отойдя подальше, снова двинулся не спеша, улыбаясь чему-то своему.

До возвращения Мартина капитан успел выкурить две сигары.

Мартин замер перед раскрытым люком, покачиваясь, похоже было, что он не в состоянии сфокусировать свой взгляд или связно мыслить.

— Ну? — рывкнул Харт. — Что случилось? Они придут приветствовать нас?

— Нет. — Мартину пришлось прислониться к ракете — у него кружилась голова.

— Почему же?

— Мы не имеем значения, — ответил Мартин. — Капитан, пожалуйста, дайте мне закурить. — Он протянул руку, вслепую нашаривая протянутую пачку, а глаза его, моргая, устремились к золотому городу. Он зажег сигарету и долго молча курил.

— Да скажите же что-нибудь! — вскричал капитан. — Они что, не заинтересовались нашей ракетой?

Мартин произнес:

— Что? Ах, ракета... — он поглядел на сигарету. — Нет, не заинтересовались. Похоже, мы прилетели в неблагоприятное время.

— Неблагоприятное время!

Мартин терпеливо объяснил:

— Послушайте, капитан. Вчера в городе произошло нечто великое. Столь необычайное и великое, что мы оказались жалкими дублерами. Мне нужно сесть. — Он потерял равновесие и тяжело сел, задыхаясь.

Капитан сердито жевал сигару.

— Что произошло?

Мартин поднял голову, дым от сигареты, зажатой в неподвижных пальцах, поплыл по ветру.

— Сэр, вчера в городе появился необычайный человек — добрый, умный, сострадающий и бесконечно мудрый!

Капитан гневно воззрился на своего помощника.

— А нам что до него?

— Трудно объяснить. Это человек, которого они ждали веками — миллион лет, наверное. И вот вчера он вошел в их город. Потому-то, сэр, сегодня наша ракета для них абсолютно ничего не значит.

Капитан резко сел.

— Кто же он? Неужели Эшли? Неужели он прилетел раньше нас и украл мою славу? — он стиснул руку Мартину. Лицо его было бледным, расстроенным.

— Не Эшли, сэр.

— Бертон! Я так и знал. Бертон прокрался вперед нас и испортил нам приземление! Никому нельзя доверять.

— Не Бертон, сэр, — тихо сказал Мартин.

Капитан не мог ему поверить.

— Но ведь было всего три ракеты, и мы летели впереди всех. А этот человек, явившийся перед нами, как его зовут?

— У него нет имени. Оно ему и не нужно. На каждой планете его называют по-своему, сэр.

Капитан уставился на Мартина тяжелым недоверчивым взглядом.

— И что же он такого сделал, такого замечательного, что никто и не смотрит на наш корабль?

— Например, — твердо ответил Мартин, — он исцелил больных и утешил неимущих. Он выступил против лицемерия и грязного правления, и он провел с народом, беседуя, весь день.

— И что же, это так замечательно?

— Да, капитан.

— Не понимаю. — Капитан всмотрелся Мартину в глаза, в лицо. — Вы не напились, а? — Он отступил на шаг, что-то заподозрив. — Не понимаю.

Мартин посмотрел назад, на город.

— Капитан, если вы не понимаете, я не могу вам объяснить.

Капитан проследил за его взглядом. Город выглядел тихим и прекрасным, и великий покой царил вокруг него. Капитан шагнул вперед, вынув изо рта сигару. Он прищурился, глядя на Мартина, на золотые шпили зданий вдалеке.

— Вы хотите сказать... неужели вы имеете в виду... этот человек? Не может быть!...

Мартин кивнул:

— Да, сэр, именно это я имею в виду.

Капитан замер молча. Потом выпрямился во весь рост.

— Не верю.

В полдень капитан Харт быстро вошел в город, сопровождаемый лейтенантом Мартином с помощником, тащившим приборы. Время от времени капитан раздражался громким смехом, уперев руки в бока и покачивая головой.

Их встретил мэр города. Мартин установил треножник, прикрутил к нему коробку и подключил батарейки.

— Вы мэр? — капитан ткнул в инопланетянина пальцем.

— Да, — ответил мэр.

Между ними стоял замысловатый аппарат, с которым управлялись Мартин и техник. Коробка обеспечивала мгновенный перевод с любого языка. Слова резко падали в ватную тишину города.

— Сначала о вчерашнем, — начал капитан. — Это правда?

— Да.

— У вас есть свидетели?

— Да.

— С ними можно поговорить?

— Говорите с любым из нас, — отвечал мэр. — Мы все свидетели.

Капитан тихо шепнул Мартину:

— Массовый гипноз. — И мэру: Как же выглядел этот человек, этот чужестранец?

— Трудно описать, — мэр чуть-чуть улыбнулся.

— Почему же?

— Мнения могут разойтись.

— Что ж, сообщите нам по крайней мере свое, — сказал капитан. — Запишите, — приказал он Мартину через плечо.

Лейтенант нажал на кнопку портативного магнитофона.

— Ну, — начал мэр города, — это был очень добрый и мягкий человек. И он обладает большими познаниями во всем.

— Да-да, я знаю, знаю, — капитан помахал рукой. — Общие слова. Мне нужно нечто осязаемое. Как он выглядел?

— По-моему, это не важно, — отвечал мэр.

— Очень важно, — сурово оборвал его капитан. — Мне необходимо описание внешности этого типа. Если вы не хотите отвечать, я спрошу у других. — И Мартину: — Наверняка это Бертон! Одна из его шуточек, очередной розыгрыш!

Мартин холодно молчал, не глядя на капитана.

Капитан щелкнул пальцами:

— Так что он там делал — исцеления?

— Много исцелений, — подтвердил мэр.

— Могу я увидеть... одного исцеленного?

— Конечно, вот мой сын, — мэр кивнул маленькому мальчику, и тот шагнул вперед. — У него была отсохшая рука. Теперь — смотрите.

Капитан снисходительно засмеялся.

— Да-да, но ведь это не доказательство. Я же не видел мальчика с отсохшей рукой. Я вижу лишь здоровую руку. Есть ли у вас доказательства того, что вчера у мальчика была больная рука,

а сегодня здоровая?

— Мое слово — мое доказательство, — просто отвечал мэр.

— Послушайте! — вскричал капитан. — Вы хотите, чтобы я поверил вам на слово? Ну нет!

— Извините, — сказал мэр, глядя на капитана с выражением, в котором сочетались любопытство и жалость.

— Нет ли у вас изображения мальчика? — спросил капитан.

Через несколько мгновений принесли большой портрет, написанный маслом, на нем был изображен сын мэра с отсохшей рукой.

— Милый мой! — отмахнулся от портрета капитан. — Картину нарисовать может кто угодно. Картины лгут. Мне нужна фотография мальчика.

Фотографий не оказалось. Искусство фотографии было пока неизвестно на этой планете.

— Что ж, — вздохнул капитан, и лицо его задергалось. — Дайте мне поговорить с другими. Так все без толку. — Он ткнул пальцем в какую-то женщину. — Вы. — Она заколебалась. — Вы, вы, подойдите сюда, — приказал капитан. — Расскажите мне об этом чудесном человеке, явившемся к вам вчера.

Женщина смотрела решительно:

— Он ходил среди нас. И он был прекрасен и добр.

— А какого цвета у него глаза?

— Цвета солнца, цвета моря, цвета гор, цветов ночи.

— Достаточно. — Капитан воздел руки к небу. — Поняли, Мартин? Ничего! Какой-то шарлатан бродил по городу, нашептывая им в уши сладкие пустяки, и...

— Прекратите, пожалуйста, — попросил Мартин.

Капитан отступил назад.

— Что такое?

— Вы слышали, что я сказал. Мне нравятся эти люди, я им верю. Вы вправе иметь собственное мнение, но держите его при себе, сэр.

— Не смейте так со мной разговаривать! — заорал капитан.

— С меня хватит вашего высокомерия, — отвечал Мартин. — Оставьте их в покое. У них появилось что-то хорошее, доброе, а вы явились в чужое гнездо и гадите в нем, и издеваетесь над ними. А я разговаривал с ними. Я ходил по городу и смотрел на их лица. В них есть нечто такое, чего у вас и быть не может, — вера. Немного простодушной веры, и с ее помощью они горы сдвинут. Вы закипели от злости, потому что кто-то украл ваш триумф, кто-то добрался до них раньше вас и вы сделали ненужным!

— Я даю вам еще пять секунд, — заметил капитан. — Понимаю. Вы находились под сильным напряжением, Мартин. Целые месяцы в космосе, ностальгия, одиночество. А теперь еще и это. Я вам сочувствую, Мартин. Я не придаю значения вашему мелкому неповиновению.

— А я придаю значение вашему мелкому тиранству, — ответил Мартин. — Я ухожу. Я остаюсь здесь.

— Вы не сможете!

— Да неужели? Попробуйте меня остановить. Я ведь за тем и прилетел сюда, хотя сам того не знал. Мне это нужно, это для меня. Везите вашу грязь куда-нибудь в другое место, попробуйте нагадить в других гнездах своим сомнением и своим — своим научным методом! — Он быстро огляделся. — У этих людей только что произошло нечто поистине *настоящее*, и нам еще повезло, что мы прилетели сюда почти вовремя! Неужели вы не можете вдолбить себе в голову, что чудо действительно произошло? На Земле об этом человеке говорили двадцать веков, после того как он прошел по нашему миру. Мы же так хотели увидеть его, услышать его слово, да все не удавалось. А сегодня мы опять упустили его — всего на несколько часов разминувшись.

Капитан Харт взглянул на Мартина.

— Да вы плачете, как младенец. Прекратите.

— Мне плевать.

— А мне нет. Перед этими туземцами нужно сохранять выдержку. Вы переутомились. Я прощаю вас.

— Я не нуждаюсь в вашем прощении.

— Глупец! Неужели вы не поняли, что это всего лишь штучки Бертона? Обмануть, надуть,

основать свои нефтяные и прочие концерны под религиозным прикрытием! Вы дурак, Мартин. Полнейший дурак! Пора бы уже знать цену землянам. Они способны на все: богохульство, надувательство, ложь, обман, кражу, убийство, лишь бы достичь своей цели. Все хорошо, что работает. Вы же знаете, Бертон — прагматик, каких мало!

Капитан тяжело вздохнул. — Ну же, Мартин, признайтесь, именно на такие гнусности и способен Бертон — запутать бедных туземцев да ошипать их дочиста, когда созреют.

— Нет, — произнес Мартин, но уже задумчиво.

Капитан вновь воздел руки к небу.

— Да, клянусь, это был Бертон. Кто же еще. Его грязные, преступные методы. Да, конечно, можно и восхититься. Влетел к ним старый дракон в огне и пламени, окруженный сиянием, тут — доброе слово, там — любящее прикосновение, целительная мазь или заживляющий луч. Бертон, как есть он!

— Нет. — У Мартина упал голос. Он закрыл глаза руками, — не верю!

— Вы просто не хотите поверить, — настаивал капитан. — Ну признайтесь же. Нечто подобное и способен выкинуть Бертон. Перестаньте видеть сны наяву, Мартин, проснитесь! Уже утро. Вокруг реальный мир, и мы — реальные люди, грязные, конечно, и Бертон грязнее всех!

Мартин отвернулся.

— Ну же, ну, Мартин, — капитан Харт машинально похлопывал Мартина по спине. — Понимаю, для вас это шок. Стыд, позор и все такое прочее. Бертон — негодяй. Полегче, полегче, я справлюсь, положитесь на меня.

Мартин медленно зашагал к ракете.

Капитан Харт понаблюдал за ним, а потом, глубоко вздохнув, повернулся к женщине:

— Ну расскажите мне еще что-нибудь об этом человеке. Так вы говорили, сударыня...

Позднее, когда офицеры уселись за ужином вокруг маленьких столиков, поставленных на траву возле ракеты, капитан передал Мартину полученные сведения:

— Опросил три дюжины, и все несут ту же белиберду. Работа Бертона, не иначе. Уверен. Через день-другой он свалится сюда, чтобы утвердить свои права и увести у нас из-под носа все контракты. Думаю, надо подождать и испортить ему удовольствие.

Мартин, с красными глазами, мрачно взглянул на него.

— Я убью его.

— Ну-ну, Мартин, мой мальчик!

— Я убью его, помоги мне боже, убью.

— Ничего, мы его притормозим. Но вы должны признать, что он хитер. Непорядочен, но хитер.

— Негодяй!

— Обещайте мне не предпринимать ничего резкого. — Капитан Харт сверился с записями. — Говорят, произошло тридцать чудесных исцелений, слепой стал зрячим, и еще он излечил прокаженного. Да уж, Бертон умеет обдирать свои делишки, в этом ему не откажешь!

Раздался сигнал гонга, и через минуту к капитану подбежал член экипажа:

— Капитан, докладываю! Корабль Бертона идет на посадку! И корабль Эшли, сэр!

— Видите! — капитан Харт стукнул кулаком по столу. — Вот они, шакалы, явились пожинать плоды! Дождаться не могут! Ну погодите, сейчас они у меня нарвутся! Однако им придется потесниться, чтобы пустить меня на свой пир, — я-то уж их заставлю!

Казалось, Мартина стошнит. Он молча глядел на капитана.

— Дело есть дело, мой милый, — сказал капитан.

Все подняли глаза вверх. Из небес выпали две ракеты.

Приземляясь, они едва не разбились.

— Что там случилось у этих дураков? — вскричал, подпрыгивая, капитан.

Люди уже бежали по дымящемуся луку к ракетам. Подбежал и капитан. Люк корабля Бертона с треском раскрылся.

Им на руки вывалился человек.

— Что случилось? — вскричал Харт.

Человек упал на землю. Они склонились над ним. Он был весь в ожогах. Все тело было покрыто шрамами, ранами и гнойной дымящейся кожей. Он поднял вверх опухшие глаза, и его

вздувшийся язык с трудом шевельнулся в разбитых губах.

— Что случилось? — кричал Харт, встав на колени перед умирающим и дергая его за руку.

— Сэр, сэр, — шепнул тот. — Сорок восемь часов назад в секторе 79, недалеко от планеты первой этой системы, наш корабль и корабль Эшли попали в космическую бурю, сэр. — Что-то серое потекло из носа умирающего, изо рта его сочилась кровь. — Все погибли. Вся команда. Бертон мертв. Эшли умер час назад. Трое уцелели.

— Послушайте! — заорал Харт, наклоняясь над истекающим кровью человеком. — Вы впервые тут приземлились?

Молчание.

— Отвечайте!

Умирающий произнес:

— Нет. Буря. Бертон умер два дня назад. Первая посадка за шесть месяцев.

— Вы уверены? — орал Харт, тряся его изо всех сил, стискивая его руки в своих руках. —

Уверены?

— Да, — ответили губы умирающего.

— Бертон умер два дня назад? Вы точно знаете?

— Да, да, — прошептал человек.

Голова его упала на грудь. Он был мертв.

Капитан встал на колени возле тела. Лицо капитана скривилось, мышцы непроизвольно сокращались. Члены экипажа отошли в сторону, глядя на него. Мартин ждал. Капитан попросил, чтобы ему помогли встать, и ему помогли. Они повернулись к городу.

— Это значит...

— Это значит? — переспросил Мартин.

— Это значит, что на эту планету прибыли только мы, — прошептал капитан. — И тот человек...

— Тот человек? — спросил Мартин.

Лицо капитана бессмысленно задергалось. Оно стало старым-престарым и совсем серым. Глаза его остекленели. Капитан сделал шаг вперед по сухой траве.

— Идем, Мартин, идем. Поддержите меня, ради меня самого, поддержите, я боюсь упасть.

Нельзя терять времени...

Спотыкаясь, они побрели к городу по высокой сухой траве, навстречу ветру.

Через несколько часов они все еще продолжали сидеть в приемной мэра. Тысячи людей побывали здесь, чтобы поговорить с ними. Капитан продолжал сидеть, лицо у него было изможденное, но он все слушал, слушал. Столько света было в лицах тех, кто приходил, подтверждал, рассказывал, что он уже не мог смотреть на них. И все время руки его дергались и ерзали взад-вперед, по коленям, по ремню.

Когда все кончилось, капитан Харт повернулся к мэру и произнес, глядя на него странными глазами:

— Но вы же должны знать, куда он направился?

— Он нам не сказал.

— К какому-то из близлежащих миров? — добивался капитан.

— Не знаю.

— Вы должны знать!

— Вы видите его? — мэр указал на толпу.

Капитан огляделся.

— Нет.

— Тогда он, наверное, ушел.

— Наверное, наверное! — слабым голосом вскричал капитан. — Я допустил кошмарную ошибку, и я хочу видеть его — сейчас! До меня только теперь дошло, что произошло величайшее событие в истории. Подумать только, мы оказались причастны к такому! Существует один шанс из миллиардов, что мы прилетели на одну планету из миллионов через день после его посещения! Вы должны знать, куда он ушел.

— Каждый находит его сам, — мягко ответил мэр.

— Вы спрятали его! — Лицо капитана медленно исказилось, вернулось что-то прежнее,

суровое. Капитан начал медленно подниматься.

— Нет, — отвечал мэр.

— Где он? — пальцы капитана задержались у кожаного футляра, висевшего справа на поясе.

— Не могу вам точно сказать.

— А ну, говорите, да поживее, — и капитан вынул из кобуры оружие.

— Ничего не могу вам сказать.

— Лжец!

На лице мэра, не сводившего глаз с Харта, появилось выражение жалости.

— Вы устали, — сказал он. — Вы долго путешествовали, и вы прилетели от людей, которые давно уже живут без веры и тоже устали. А теперь вам так хочется веры, что вы сами себе мешаєте. Если вы совершите убийство, вам будет труднее. Так вы его никогда не найдете.

— Куда он ушел? Ведь он сказал вам, и вы знаете. Ну же, говорите! — капитан поднял оружие.

Мэр покачал головой.

— Скажите мне! Скажите же!

Раздался выстрел — всего один раз. Мэр упал, ему ранило руку.

Мартин прыгнул вперед.

— Капитан!

Оружие метнулось в сторону Мартина.

— Не мешать!

Мэр поднял глаза вверх, придерживая раненую руку.

— Уберите оружие. Вы раните самого себя. Вы никогда не верили, а теперь считаете, что можете поверить, и лишь приносите людям вред.

— Вы мне не нужны, — молвил Харт, возвышаясь над мэром. — Я упустил его здесь, разминулся на день. Что ж, полечу дальше. И дальше. И дальше. На следующей планете я разминусь на полдня, потом — на четверть, на два часа, на час, на полчаса, на минуту. Но я догоню его! Слышите? — Он уже орал, склоняясь к лежавшему на полу. Он едва держался на ногах от усталости. — Идемте, Мартин. — Он опустил руку, оружие повисло.

— Нет, я остаюсь здесь.

— Болван! Оставайтесь, если хотите. А я полечу дальше, так далеко, как смогу, со всеми остальными.

Мэр поднял глаза на Мартина:

— Не волнуйтесь за меня, улетайте. Мои раны залечат.

— Я вернусь, — пообещал Мартин. — Я только дойду с ним до ракеты.

Они промчались через весь город. Любому было видно, каких трудов капитану стоило казаться несгибаемым, как в молодые годы. Добравшись до ракеты, он хлопнул ее по обшивке трясущейся рукой. Он убрал оружие. Потом он посмотрел на Мартина.

— Ну, Мартин?

— Ну, капитан?

Капитан поднял глаза к небу.

— Вы уверены, что не полетите со мной?

— Нет, сэр. Не полечу.

— Нас ждет великое приключение, ей-богу. Я найду его!

— Вы решили лететь за ним, сэр? — спросил Мартин.

Лицо капитана сморщилось, он закрыл глаза.

— Да.

— Хотелось бы мне знать...

— Что?

— Сэр, когда вы его найдете — если найдете, — что вы попросите?

— Я... — капитан заколебался, открыл глаза. Кулаки его сжались, разжались. Он минуту размышлял в недоумении, а потом заулыбался странной улыбкой. — Я... я попрошу у него немного мира и покоя. — Он прикоснулся к ракете. — Давно, давно уже я не... не мог расслабиться.

— А вы когда-нибудь пытались, капитан?

— Не понимаю, — сказал капитан Харт.

— Неважно. Прощайте, капитан.

— Прощайте, Мартин.

Команда стояла у входа. Лишь трое решили лететь вместе с Хартом. Семеро оставались здесь, с Мартином.

Капитан Харт оглядел их и выдал свое заключение:

— Глупцы!

Он влез в люк последним, быстро отдал честь, резко рассмеялся. Крышка люка захлопнулась.

Ракета поднялась в небо, подобно огненной колонне.

Мартин смотрел на нее, пока она не скрылась из виду.

На другом конце луга стоял мэр в окружении нескольких сограждан. Он поманил Мартина рукой.

— Улетел, — сказал Мартин, подойдя к мэру.

— Да, улетел, бедняга, — отозвался мэр. — Так и будет лететь, с планеты на планету, неустанно ища, и вечно, вечно будет он опаздывать — на час, на полчаса, на десять минут, на минуту. Наконец, он опоздает всего на несколько секунд. А когда он облетит три сотни миров и ему будет семьдесят или восемьдесят лет, он упустит *его* на долю секунды, а потом еще на долю секунды. И так и будет лететь, думая, что вот-вот поймает то, что он оставил здесь, на нашей планете, в нашем городе, сейчас...

Мартин смотрел мэру прямо в глаза, и мэр протянул ему руку.

— Да разве можно в нем сомневаться? — Он поманил за собой остальных и повернулся к городу лицом. — Идемте. Нас ждут. Он там.

И они вошли в город.

Нескончаемый дождь

The Long Rain, 1946 год

Переводчик: Л. Жданов

Дождь продолжался — жестокий нескончаемый дождь, нудный, изнурительный дождь; ситничек, косохлест, ливень, слепящий глаза, хлюпающий в сапогах; дождь, в котором тонули все другие дожди и воспоминания о дождях. Тонны, лавины дождя кромсали заросли и секли деревья, долбили почву и смывали кусты. Дождь морщил руки людей наподобие обезьяньих лап; он сыпался твёрдыми стеклянными каплями; и он лил, лил, лил.

— Сколько ещё, лейтенант?

— Не знаю. Миля. Десять миль, тысяча.

— Вы не знаете точно?

— Как я могу знать точно?

— Не нравится мне этот дождь. Если бы только знать, сколько ещё до Солнечного Купола, было бы легче.

— Ещё час, самое большее — два.

— Вы в самом деле так думаете, лейтенант?

— Конечно.

— Или лжёте, чтобы нас подбодрить?

— Лгу, чтобы вас подбодрить. Хватит, поговорили!

Двое сидели рядом. Позади них — ещё двое, мокрые, усталые, обмякшие, как размытая глина под ногами.

Лейтенант поднял голову. Когда-то его лицо было смуглым, теперь кожа выцвела от дождя; выцвели и глаза, стали белыми как его зубы и волосы. Он весь был белый, даже мундир побелел, если не считать зеленоватого налёта плесени.

Лейтенант чувствовал, как по его щекам текут струи воды.

— Сколько миллионов лет прошло, как здесь, на Венере, прекратились дожди?

— Не острите, — сказал один из второй двойки. — На Венере всегда идёт дождь. Всегда. Я жил здесь десять лет, и ни на минуту, ни на секунду не прекращался ливень.

— Всё равно, что под водой жить. — Лейтенант встал и поправил своё оружие. — Что ж, пошли. Мы найдём Солнечный Купол.

— Или не найдём, — заметил циник.

— Ещё час или около этого.

— Вы меня обманываете, лейтенант.

— Нет, я обманываю самого себя. Бывают случаи, когда надо лгать. Моим силам тоже есть предел.

Они двинулись по тропе сквозь заросли, то и дело оглядываясь на свои компасы. Кругом — никаких ориентиров, только компас знал направление. Серое небо и дождь, заросли и тропа, и где-то далеко позади — ракета, в которой лежали два их товарища — мёртвые, омываемые дождём.

Они шли гуськом, не говоря ни слова. Показалась река — широкая, плоская, бурая. Она текла в Великое море. Дождевые капли выбили на её поверхности миллион кратеров.

— Давайте, Симмонс.

Лейтенант кивнул, и Симмонс снял со спины небольшой свёрток. Химическая реакция превратила свёрток в лодку. Следуя указаниям лейтенанта, они срубили толстые сучья и быстро смастерили вёсла, после чего поплыли через поток, торопливо гребя под дождём.

Лейтенант ощущал холодные струйки на лице, на шее, на руках. Холод просачивался в лёгкие. Дождь бил по ушам и глазам, по икрам.

— Я не спал эту ночь, — сказал он.

— А кто спал? Кто? Когда? Сколько мы ночей спали? Тридцать ночей, что тридцать дней! Кто может спать, когда по голове хлещет, барабанит дождь. Всё бы отдал за шляпу. Любую, лишь бы перестало стучать по голове. У меня головная боль. Вся кожа на голове воспалена, так и саднит.

— Чёрт меня занёс в этот Китай, — сказал другой.

— Впервые слышу, чтобы Венеру называли Китаем.

— Конечно. Вспомните древнюю пытку. Тебя приковывают к стене. Каждые полчаса на тебя падает капля воды. И ты теряешь рассудок от одного ожидания. То же самое здесь, только масштабы побольше. Мы не созданы для воды. Мы не можем спать, не можем как следует дышать, мы на грани помешательства от того, что без конца ходим мокрые. Будь мы готовы к аварии, запаслись бы непромокаемой одеждой и шлемами. Главное, по голове всё барабанит и барабанит. Тяжёлый такой. Словно картечь. Я не выдержу долго.

— Эх, где Солнечный Купол! Кто их придумал, тот знал своё дело.

Плывя через реку, они думали о Солнечном Куполе, который ждал где-то в зарослях, ослепительно сияя под дождём. Жёлтое строение, круглое, светящееся, яркое как солнце. Пятнадцать футов в высоту, сто футов в поперечнике; тепло, тихо, горячая пища, никакого дождя. А в центре Солнечного Купола, само собой, — солнце. Небольшой, свободно парящий шар жёлтого пламени под самым сводом, и ты можешь видеть его отовсюду, сидя с книгой или сигаретой, или с чашкой горячего шоколада, в котором плавают сливки. Оно ждёт их, золотистое солнце, на вид такое же, как земное; ласковое, немеркнувшее; и на то время, что ты праздно проводишь в Солнечном Куполе, можно забыть о дождливом мире Венеры.

Лейтенант обернулся и посмотрел на своих товарищей, что скрипя зубами налегали на вёсла. Они были белые, как грибы, как он сам. Венера всё обесцвечивает за несколько месяцев. Даже лес казался огромной декорацией из кошмара. Откуда ему быть зелёным без солнца, в вечном сумраке, под нескончаемым дождём? Белые-белые заросли; бледные, как плавленый сыр, листья; стволы, будто ножки гигантских поганок; почва, словно из влажного камамбера: Впрочем, не так-то просто увидеть почву, когда под ногами потоки, ручьи, лужи, а впереди пруды, озёра, реки и, наконец, море.

— Есть!

Они выскочили на раскисший берег, шлёпая по воде. Выпустили газ из лодки и сложили её в коробку. Потом, стоя под дождём, попытались закурить. Минут пять, если не больше, бились они, дрожа, над зажигалкой, затем, пряча сигареты в ладони, сделали несколько затяжек. В

следующий миг табак уже раскис, и тяжёлые капли выбили сигареты из сжатых губ.

Они пошли дальше.

— Стойте, минутку, — сказал лейтенант. — Мне показалось, что я что-то увидел.

— Солнечный Купол?

— Я не уверен. Дождь не дал разглядеть.

Симмонс побежал вперёд:

— Солнечный Купол!

— Назад, Симмонс!

— Солнечный Купол!

Он исчез за дождевыми струями. Остальные ринулись вдогонку.

Они догнали его на прогалине и стали, как вкопанные, глядя на него и его находку.

— Ракета.

Она лежала там, где её покинули. Выходит, они кружили и очутились в том самом месте, откуда начали долгий путь: Среди обломков лежали двое погибших, изо рта у них росла зеленоватая плесень. На глазах космонавтов плесень расцвела, но дождь убил лепестки и плесень увяла.

— Как же это случилось?

— Видно поблизости прошла электрическая буря. Она испортила наши компасы. В этом всё дело.

— Верно.

— Что же делать теперь?

— Идти снова.

— Чёрт дери, мы топтались на месте!

— Ладно, Симмонс, постарайся взять себя в руки.

— В руки, в руки! Этот дождь сведёт меня с ума!

— У нас хватит продуктов на два дня, если быть экономными.

Дождь плясал по их коже, по мокрой одежде; струи дождя бежали с кончика носа, с ушей, пальцев, колен. Они были словно заброшенные в дебрях каменные бассейны; из каждой поры сочились вода.

Вдруг издали донёсся грозный рёв.

Из пелены дождя вынырнуло чудовище.

Чудовище опиралось на тысячу голубых электрических ног. Оно приближалось быстро и неотвратно. Каждый его шаг был как удар сплеча. Там, где ступали голубые ноги, деревья падали и сгорали. Могучие вихри озона заполнили влажный воздух, дым метался во все стороны, разбиваемый дождём. Чудовище было длиной с полмили, вышиной с милю, оно ощупывало землю, словно слепой исполин. Иногда, на короткое мгновение, оно оказывалось совсем без ног. В следующий миг из его брюха вырвались тысячи хлыстов, которые беспощадно жалили заросли.

— Электрическая буря, — сказал один из четвёрки. — Она вывела из строя компасы. Теперь идёт на нас.

— Ложись! — приказал лейтенант.

— Бегите! — заорал Симмонс.

— Не дурите. Ложитесь. Оно бьёт в самую точку. Мы ещё можем спастись. Ложитесь не ближе пятидесяти футов от ракеты. Глядишь, потратит на неё весь свой заряд, а нас минует. Живей!

Они шлёпнулись наземь.

— Идёт? — почти сразу послышался вопрос.

— Идёт.

— Приблизилась?

— Осталось двести ярдов.

— А сейчас?

— Вот оно!

Чудовище повисло над ними. Оно обронило десять голубых стрел-молний, и они вонзились в ракету. Ракета вздрогнула, точно гонг от удара, и издавала глухой металлический звук. Чудовище

обронило ещё пятнадцать стрел. Они плясали в причудливой пантомиме, поглаживая деревья и мокрую землю.

— А-а! — Один из космонавтов вскочил на ноги.

— Ложись, идиот! — крикнул лейтенант.

— А-а!

Ещё десяток молний поразили ракету. Лейтенант повернул лежащую на руке голову и увидел ослепительно-голубые вспышки. Он видел, как раскалываются вдребезги деревья. Он видел, как чудовищное тёмное облако, словно чёрный диск, повернуло над ними и метнуло вниз сотню электрических стрел.

Тот, что вскочил на ноги, теперь бежал, будто в огромном зале с колоннами. Он метался, петлял среди колонн, но они вдруг рухнули и послышался такой звук, словно муха села на раскалённую проволоку-ловушку! Такие ловушки были дома на ферме лейтенанта в годы его детства. Три товарища услышали запах человека, обращённого в золу.

Лейтенант спрятал лицо.

— Не поднимать головы! — распорядился он.

Он боялся, что вот-вот сам вскочит и побежит.

Озарив лес ещё десятком молний, буря двинулась дальше. Снова кругом был один сплошной дождь. Он быстро унёс запах горелого и три товарища сели, ожидая, когда угомонится отчаянно колотящееся сердце.

Потом они подошли к телу, надеясь, что ещё можно вернуть его к жизни. Они не могли смириться с мыслью, что уже ничего нельзя сделать. Это была естественная реакция людей, которые не хотят признать смерть, пока не убедятся, пока не коснутся её и не решат — хоронить или предоставить это быстро поднимающейся поросли.

Тело было словно скрученная сталь, обёрнутая сожженной кожей. Будто восковая кукла, которую бросили в печь и извлекли из огня, когда лишь тонкая плёнка воска осталась на обугленном скелете. Только зубы не почернели, и они сверкали, как причудливый белый браслет, зажатый в чёрном кулаке.

— Зачем он вскочил!

Они сказали это почти одновременно.

На глазах у них тело стало исчезать под покровом растений. Вьюнки, плющ, даже цветы для покойного.

Буря, шагая на голубых ходулях, исчезла в дали.

Они пересекли реку, ручей, поток и ещё дюжину рек, ручьёв, потоков. Реки, новые реки рождались у них на глазах, а старые меняли русла; реки цвета ртути, реки цвета серебра и молока.

Они вышли к морю.

Великое море. На Венере был всего один материк. Он простирался на три тысячи миль в длину и на тысячу в ширину, окружённый со всех сторон Великим Морем, покрывающим всю остальную часть дождливой планеты. Великое море лениво лизало бледный берег.

— Нам туда. — Лейтенант кивнул на юг. — Я уверен, что в той стороне находятся два Солнечных Купола.

— Раз уж начали, почему сразу не построили ещё сотню?

— Всего их на острове сто двадцать штук, верно?

— К концу прошлого месяца было сто двадцать шесть. Год назад в конгрессе на Земле предложили построить ещё два-три десятка, да только сами знаете, как сложно с ассигнованиями. Пусть лучше несколько человек свихнутся от дождя.

Они зашагали на юг.

Лейтенант, Симмонс и третий космонавт, Пикар, шагали под дождём, который шёл то реже, то гуще, то реже, то гуще; под ливнем, который хлестал и лил, не переставая барабанил по суше, по морю и по идущим людям.

Симмонс первый заметил его.

— Вот он!

— Что там?

— Солнечный Купол!

Лейтенант моргнул, стряхивая с век влагу, и заслонил глаза сверху рукой, защищая их от хлестких капель.

Поодаль, у моря, на краю леса, что-то желтело. Да, это он — Солнечный Купол!

Люди улыбались друг другу.

— Похоже вы были правы, лейтенант.

— Удача!

— От одного вида сил прибавляется. Вперёд! Кто первый?! Последний будет сукин сын! — Симмонс затрусил по лужам. Остальные механически последовали его примеру. Они устали, запыхались, но скорость не сбавляли.

— Вот когда я кофе напьюсь, — пропыхтел, улыбаясь, Симмонс. А булочки с изюмом, — это же объедение! А потом лягу и пусть солнышко печёт. Тому, кто изобрёл Солнечный Купола, орден надо дать!

Они побежали быстрее, жёлтый свет стал ярче.

— Наверное, сколько людей тут помешалось, пока не появились убежища. А что! Очень просто. — Симмонс отрывисто выдыхал слоги. — Дождь, дождь! Несколько лет назад. Встретил приятеля. Моего друга. В лесу. Бродит вокруг. Под дождём. И всё твердит. "Сам не знаю, как войти, из-за дождя. Сам не знаю, как войти, из-за дождя. Сам не знаю, как войти, из-за дождя. Сам не знаю... И так далее. Без конца. Рехнулся бедняга.

— Береги дыхание!

Они продолжали бежать.

Они смеялись на бегу и, смеясь, достигли двери Солнечного Купола.

Симмонс рывком распахнул дверь.

— Эгей! — крикнул он. — Где булочки и кофе, подавайте их сюда!

Никто не отозвался.

Они шагнули вовнутрь.

В Солнечном Куполе было пусто и темно. Ни жёлтого искусственного солнца, парящего в прозрачной мгле в центре голубого свода, ни накрытого стола. Холодно, словно в склепе, а сквозь тысячи отверстий в своде пробивался дождь. Струи падали на ковры и мягкие кресла, разбивались о стеклянные крышки столов. Густые заросли, словно исполинский мох, покрывали стены, верх книжного шкафа, диваны. Крупные капли, срываясь сверху, хлестали по лицам людей.

Пикар тихонько рассмеялся.

— Пикар, прекратить!

— Господи, вы только посмотрите: ни солнца, ни пищи — ничего. Венески — это их рук дело! Конечно!

Симмонс кивнул, роняя капли со лба. Вода бежала по его серебристым волосам и белёсым бровям.

— Время от времени венески выходят из моря и нападают на Солнечный Купол. Они знают, что если уничтожат Купола, то могут нас погубить.

— Но разве наша охрана не вооружена?

— Конечно. — Симмонс шагнул на относительно сухой клочок пола. — Но с последнего нападения прошло пять лет. Бдительность ослабла, и они захватили здешнюю охрану врасплох.

— Где же тела?

— Венески унесли их с собой, в море. У них, говорят, есть свой способ топить пленников. Медленный способ, вся процедура длится около восьми часов. Просто очаровательно.

— Держу пари, что не осталось ни крошки еды, — усмехнулся Пикар.

— Лейтенант неодобрительно взглянул на него, потом сделал многозначительный жест Симмонсу. Симмонс покачал головой и зашёл в помещение, расположенное у стены. Там была кухня. Раскисшие буханки хлеба беспорядочно валялись на полу, мясо обросло нежно-зелёной плесенью. Из множества дыр в потолке струился дождь.

— Восхитительно. — Лейтенант смотрел на дыры. — Боюсь, нам вряд ли удастся законопатить это сито и навести порядок.

— Без продуктов? — Симмонс фыркнул. — К тому же солнечные генераторы разбиты вдребезги. Лучшее, что можно придумать, — идти до следующего Солнечного Купола. Сколько

до него отсюда?

— Недалеко. Помнится, как раз тут поставили два Купола очень близко один от другого. Если обождать здесь, может подойти спасательный отряд:

— Наверно, они уже приходили и ушли. Месяцев через шесть пришлют ремонтную бригаду, — когда поступят средства от конгресса. Нет, уж лучше не ждать.

— Ладно, съедим остатки нашего рациона и пойдём.

— Если бы только дождь перестал колотить меня по голове, — заметил Пикар. — Хоть на несколько минут. Просто, чтобы я вспомнил, что такое покой.

Он сжал голову обеими руками.

— Помню, в школе за мной сидел один изверг и щипал, щипал, щипал меня каждые пять минут. И так весь день. Это длилось неделями, месяцами. Мои руки были в синяках, кожа вздулась. Я думал, что сойду с ума от этого щипанья. И он меня довёл. Кончилось тем, что я действительно взбесился от боли, схватил металлический треугольник для черчения и чуть не убил этого ублюдка. Чуть не отсёк ему башку, чуть не выколол глаза, меня еле от него оторвали. И всё время кричал: «Чего он ко мне пристаёт?» Господи! — Дрожащие руки всё сильнее стискивали голову, глаза были закрыты. — А что я могу сделать сейчас? Кого ударить, кому сказать, чтобы перестал, оставил меня в покое. Дождь, проклятый дождь, не даёт передышки, щиплет и щиплет, только и слышно, только и видно, что дождь, дождь, дождь!

— К четырём часам мы будем у следующего Солнечного Купола.

— Солнечного Купола? Такого же как этот?! А если они все разгромлены? Что тогда? Если во всех куполах дыры и всюду хлещет дождь?!

— Что ж, попытаем счастья.

— Мне надоело пытаться счастья. Всё, чего я хочу, — крыша над головой и хоть чуточку покоя. Хочу побыть один.

— Туда всего восемь часов хорошего хода.

— Не беспокойтесь, я не отстану. — Пикар рассмеялся, отводя взгляд.

— Давайте поедим, — сказал Симмонс, пристально наблюдая за ним.

Они снова пошли вдоль побережья на юг. На пятом часу пути им пришлось свернуть, так как дорогу преградила река, настолько широкая и бурная, что на лодке не одолеть. Они поднялись на десять километров вверх по реке и увидели, что она бьёт из земли, словно кровь из смертельной раны. Обойдя исток, они под непрекращающимся дождём снова спустились к морю.

— Я должен поспать, — сказал Пикар, оседая на землю. — Четыре недели не спал. Ни минуты не уснул. Спать, здесь.

Небо стало темнее. Надвигалась ночь, а на Венере ночью царил такой мрак, что опасно двигаться. У Симмонса и лейтенанта тоже подкашивались ноги.

Лейтенант сказал:

— Ладно, попробуем. Может быть, на этот раз получится. Хотя эта погода не очень-то благоприятствует сну.

Они легли, положив руки под головы так, чтобы вода не захлёстывала рот и закрытые глаза. Лейтенанта трясло.

Он не мог уснуть.

Что-то ползло по нему. Что-то словно обтягивало его живой, копошащейся плёнкой. Капли, падая, соединялись с другими каплями, и получились струйки, которые просачивались сквозь одежду и щекотали кожу. Одновременно на ткань садились, тут же пуская корни, маленькие растения. А вот уже и плющ обвивает всё тело плотным ковром; он чувствовал, как крохотные цветы образуют бутоны, раскрываются и роняют лепестки. А дождь всё барабанил по голове. В призрачном свете — растения фосфорецировали в темноте — он видел фигуры своих товарищей: будто упавшие стволы, покрытые бархатным ковром трав и цветов. Дождь хлестал его по шее. Он повернулся в грязи и лёг на живот, на липкие растения; теперь дождь хлестал по спине и ногам.

Он вскочил на ноги и стал лихорадочно стряхивать с себя воду. Тысячи рук трогали его, но он не мог больше выносить, чтобы его трогали. Содрагаясь, он что-то задел. Ну, конечно,

Симмонс стоял под струями дождя, дрожа, чихая и кашляя. В тот же миг вскочил и Пикар и с криком заметался вокруг них.

— Постойте, Пикар!

— Прекратите! Прекратите! — кричал Пикар. Потом схватил ружьё и выпустил в ночное небо шесть зарядов.

Каждая вспышка освещала полчища дождевых капель — пятнадцать миллиардов капель, пятнадцать миллиардов слёз, пятнадцать миллиардов бусинок или драгоценных камней на фоне белого бархата витрины. Свет гас, и капли, что задерживали свой полёт, чтобы их могли запечатлеть, падали на людей, жала их, словно рой насекомых, воплощение холода и страданий.

— Прекратите, прекратите!

— Пикар!

Но Пикар будто онемел. Он не метался больше, стоял неподвижно. Лейтенант осветил фонариком его мокрое лицо: Пикар, широко раскрыв рот и глаза, смотрел вверх, дождевые капли разбивались о его язык и глазные яблоки, булькали пеной в ноздрях.

— Пикар!

Он не оведал и не двигался. Влажные пузырьки лопались на его белых волосах, по шее и кистям рук катились прозрачные алмазы.

— Пикар! Мы уходим. Идём дальше. Пошли!

Крупные капли срывались с его ушей.

— Слышишь, Пикар!

Он точно окаменел.

— Оставьте его, — сказал Симмонс.

— Мы не можем уйти без него.

— А что же делать, нести его? — Симмонс плюнул. — Поздно: он уже не человек. Знаете, что будет дальше? Он так и будет стоять, пока не захлебнётся.

— Что?

— Неужели, вы не слышали об этом? Пора уже знать. Он будет стоять, задрав голову, чтобы дождь лил ему в рот и нос. Будет вдыхать воду.

— Не может быть!

— Так было с генералом Ментом. Когда его нашли, он сидел на утёсе, запрокинул голову, и дышал дождём. Лёгкие были полны воды.

Лейтенант снова осветил немигающие глаза. Ноздри Пикара тихо сипели.

— Пикар! — Лейтенант ударил ладонью по его безумному лицу.

— Он ничего не чувствует, — продолжал Симмонс. — Несколько дней под таким дождём, и любой перестанет ощущать собственные руки и ноги.

— Лейтенант в ужасе поглядел на свою руку. Она онемела.

— Но мы не можем бросить Пикара.

— Вот всё, что мы можем сделать. — Симмонс выстрелил. Пикар упал на затопленную землю.

— Спокойно, лейтенант, — сказал Симмонс. — В моём пистолете имеется заряд и для вас. Спокойно. Подумайте как следует: он всё равно стоял бы так до тех пор, пока не захлебнулся. Я сократил его мучения.

Лейтенант скользнул взглядом по распостёртому телу.

— Вы убили его.

— Да, иначе он погубил бы нас всех. Вы видели его лицо. Он помешался.

Помолчав, лейтенант кивнул.

— Это верно.

И они пошли дальше под ливнем.

Было темно, луч фонарика проникал в стену дождя лишь на несколько футов. Через полчаса они выдохлись. Пришлось сесть и ждать, ждать утра, борясь с мучительным чувством голода. Рассвело. Серый день, нескончаемый дождь. Они продолжали путь.

— Мы просчитались, — сказал Симмонс.

— Нет. Через час будем там.

— Говорите громче, я вас не слышу. — Симмонс остановился, улыбаясь. — Уши. — Он

коснулся их руками. — Они отказали. От этого бесконечного дождя я онемел весь, до костей.

— Вы ничего не слышите? — спросил лейтенант.

— Что? — Симмонс озадаченно смотрел на него.

— Ничего. Пошли.

— Я лучше обожду здесь. А вы идите.

— Ни в коем случае.

— Я не слышу, что вы говорите. Идите. Я устал. По-моему, Солнечный Купол не в этой стороне. А если и в этой, то, наверно, весь свод в дырах, как у того, что мы видели. Лучше я посижу.

— Сейчас же встаньте!

— Пока, лейтенант.

— Вы не должны сдаваться, осталось совсем немного.

— Видите — пистолет. Он говорит мне, что я останусь. Мне всё осточертело. Я не сошёл с ума, но скоро сойду. А этого я не хочу. Как только вы отойдёте достаточно далеко, я застрелюсь.

— Симмонс!

— Вы произнесли мою фамилию, я вижу по губам.

— Симмонс.

— Поймите, это всего лишь вопрос времени. Либо я умру сейчас, либо через несколько часов. Представьте себе, что вы дошли до Солнечного Купола, — если только вообще дойдёте, — и находите дырявый свод. Вот будет приятно.

Лейтенант подождал, потом зашлёпал по грязи. Отойдя, он обернулся и окликнул Симмонса, но тот сидел с пистолетом в руке и ждал, когда лейтенант скроется. Он отрицательно покачал головой и махнул: уходите.

Лейтенант не услышал выстрела.

На ходу он стал рвать цветы и есть их. Они не были ядовитыми, но и не прибавили ему сил; немного погода его вывернуло наизнанку.

Потом лейтенант нарвал больших листьев, чтобы сделать шляпу. Он уже пытался однажды; и на этот раз дождь быстро размыл листья. Стоило сорвать растение, как оно немедленно начинало гнить, превращаясь в сероватую аморфную массу.

— Ещё пять минут, — сказал он себе, — ещё пять минут и я войду в море. Войду и буду идти. Мы не приспособлены к такой жизни, ни один человек Земли никогда не сможет к этому привыкнуть. Ох, нервы, нервы.

Он пробился через море листвы и влаги и вышел на небольшой холм.

Впереди, сквозь холодную мокрую завесу, угадывалось жёлтое сияние.

Солнечный Купол.

Круглое жёлтое строение за деревьями, поодаль. Он остановился и, качаясь, смотрел на него.

В следующее мгновение лейтенант побежал, но тут же замедлил шаг. Он боялся. Он не звал на помощь. Вдруг это тот же Купол, что накануне. Мёртвый Купол без солнца?

Он подскользнулся и упал. «Лежи, — думал он, — всё равно ты не туда забрёл. Лежи. Всё было напрасно. Пей, пей вдоволь».

Но лейтенант заставил себя встать и идти вперёд, через бесчисленные ручьи. Жёлтый свет стал совсем ярким, и он опять побежал. Его ноги давили стёкла и зеркала, руки рассыпали бриллианты.

Он остановился перед жёлтой дверью. Надпись: Солнечный Купол. Он потрогал дверь онемевшей рукой. Повернул ручку и тяжело шагнул вперёд.

На пороге он замер, осматриваясь. Позади него в дверь барабанил ливень. Впереди, на низком столике, стояла серебряная кастрюлька и полная чашка горячего шоколада с расплывающимися на поверхности густыми сливками. Рядом на другом подносе — толстые бутерброды с большими кусками цыплёнка, свежими помидорами и зелёным луком. На вешалке, перед самым носом, висело большое мохнатое полотенце; у ног стоял ящик для мокрой одежды; справа была кабина, где горячие лучи мгновенно обсушивали человека. На кресле — чистая одежда, приготовленная для случайного путника. А дальше кофе в горячих медных кофейниках, патефон, тихая музыка, книги в красных и коричневых переплётах. Рядом с книжным шкафом —

кушетка, низкая, мягкая кушетка, на которой так хорошо лежать в ярких лучах того, что в этом помещении самое главное.

Он прикрыл глаза рукой. Он успел заметить, что к нему идут люди, но ничего не сказал. Выждав, открыл глаза и снова стал смотреть. Вода, стекая с одежды, собралась в лужу у его ног; он чувствовал, как высыхают волосы и лицо, грудь, руки, ноги.

Он смотрел на солнце.

Оно висело в центре купола — большое, жёлтое, яркое.

Оно светило бесшумно, и во всём помещении царила полная тишина. Дверь была закрыта, и только обретающая чувствительность кожа ещё помнила дождь. Солнце парило высоко над голубым сводом, ласковое, золотистое, чудесное.

Он пошёл вперёд, срывая с себя одежду.

Космонавт

The Rocket Man, 1951 год

Переводчик: Л. Жданов

Над темными волосами мамы кружил рой электрических светлячков. Она стояла в дверях своей спальни, провожая меня взглядом. В холле царила тишина.

— Ты ведь сможешь мне удержать его дома на этот раз? — спросила она.

— Постараюсь, — ответил я.

— Прошу тебя! — по ее лицу бежали беспокойные блики. — На этот раз мы его не отпустим.

— Хорошо, — ответил я, подумав. — Но только ни к чему это, ничего не выйдет.

Она повернулась; светлячки, чертя свои орбиты, летели над ней, подобно блуждающему созвездию, и освещали путь. Я услышал, как она тихо говорит:

— Во всяком случае, попробуем.

Другие светлячки проводили меня в мою комнату. Я лег, и как только мое тело своим весом прервало электрическую цепь, светлячки погасли.

Полночь, мы с матерью, разделенные невесомым мраком, ждем, каждый в своей комнате. Кровать, тихо напевая, стала меня укачивать. Я нажал выключатель; пение и качание прекратилось. Я не хотел спать, я совсем не хотел спать.

Эта ночь ничем не отличалась от множества других памятных для нас ночей. Сколько раз мы лежали, бодрствуя, и вдруг ощущали, как прохладный воздух становится жарким, как ветер несет огонь, или видели, как стены на миг озаряются ярким сполохом. И мы знали, что в эту секунду над домом проходит его ракета. Его ракета летела над домом, и дубы гнулись от воздушного вихря. Я лежал, широко раскрыв глаза и часто дыша, и слышал мамин голос в радиопhone:

— Ты почувствовал?

И я отвечал.

— Да-да, это он.

Пройдя над нашим городом, маленьким городком, где никогда не садились космические ракеты, корабль моего отца летел дальше, и мы лежали еще два часа, думая: «Сейчас отец садится в Спрингфилде, сейчас он сошел на гудронную дорожку, сейчас подписывает бумаги, сейчас он на вертолете, пролетает над рекой, над холмами, сейчас сажает вертолет в нашем аэропорту Грин Вилледж...» Вот уже половина ночи прошла, а мы с матерью, каждый в своей кровати, все слушаем, слушаем. «Сейчас идет по Белл Стрит. Он всегда идет пешком... не берет машину... сейчас проходит парк, угол Оукхэрст, и сейчас...»

...Я поднял голову с подушки. На улице, все ближе и ближе, легкие, торопливые, нетерпеливые шаги. Вот свернули к дому... вверх по ступенькам террасы... И мы оба, мама и я, улыбнулись в прохладном мраке, слыша, как внизу, узнав хозяина, отворяется наружная дверь, что-то негромко говорит, приветствуя, и снова затворяется.

Еще три часа спустя я тихонько, затаив дыхание, повернул блестящую ручку их двери, прокрался в безбрежной, как космос между планетами, тьме и протянул руку за маленьким

черным ящиком, что стоял у кровати родителей, в ногах. Есть! И я бесшумно побежал к себе, думая: «Он ведь все равно ничего не расскажет, не хочет, чтобы я знал».

И вот из открытого ящичка струится черный костюм космонавта — будто черная туманность с редкими стежками далеких звезд. Я мял в горячих руках темную ткань и вдыхал ароматы планет: Марса — запах железа, Венеры — благоухание зеленого плюща, Меркурия — огонь и сера; я обонял молочную луну и жесткость звезд. Потом я положил костюм в центрифугу, которую собрал недавно в школьной мастерской, и пустил ее. Вскоре в реторте осела тонкая пыль. Я поместил ее под окуляр микроскопа.

Родители безмятежно спали, весь дом спал, автоматические пекари, механические слуги и самоуправляющиеся уборщики погрузились в свой электрический сон, а я смотрел, смотрел на сверкающие крупинки метеорной пыли, кометных хвостов и глины с далекого Юпитера. Они сами были словно далекие миры, и сквозь тубус микроскопа я уходил в полет — миллиарды километров, фантастические ускорения...

На рассвете, устав путешествовать и боясь, что пропажу обнаружат, я отнес ящичек на место, в спальню родителей.

Потом я уснул, но тут же проснулся от гудка машины под окном. Это приехали из химчистки за костюмом. «Хорошо, что я не стал ждать», — подумал я. Ведь через час костюм вернется обезличенный, очищенный от всех следов путешествия.

И я опять уснул, а в кармашке пижамы, как раз над сердцем, лежал пузырек с магической пылью.

Когда я спустился, отец сидел за столом, завтракая.

— Как спалось, Дуг? — приветствовал он меня, будто все время был дома, будто и не уходил на три месяца в космос.

— Хорошо, — ответил я.

— Гренок?

Он нажал кнопку, и стол поджарил мне четыре ломтя хлеба — румяные, золотистые.

Помню, как отец в тот день работал в саду, все копал и копал, словно искал что-то. Длинные смуглые руки стремительно двигались, сажая, уминая, привязывая, срезая, обрезая; смуглое лицо неизменно было обращено к земле. Глаза отца смотрели на то, чем были заняты руки; они ни разу не взглянули на небо или на меня, даже на маму. Лишь когда мы опускались на колени рядом с ним, чтобы ощутить сквозь ткань сырость земли, погрузить пальцы в черный перегной и забыть о буйно-голубом небе, он оглядывался влево или вправо, на маму или на меня и ласково подмигивал, после чего продолжал работать, глядя в землю, все время в землю, и небо видело только его согнутую спину.

Вечером мы сидели на крытых качелях, они нас качали и обдували ветром, и пели нам песни. Было лето, луна, был лимонад, мы держали в руках холодные стаканы, и отец читал стереогазету, которая была вмонтирована в специальную шляпу и переворачивала микространицы за увеличительным стеклом, если моргнуть три раза. Отец курил сигареты и рассказывал мне, как он был мальчиком в 1997 году. Немного погодя он, как всегда, спросил:

— Ты почему не гуляешь, не гоняешь ногами банки, Дуг?

Я ничего не ответил, но мать сказала:

— Он гуляет, когда тебя нет дома.

Отец посмотрел на меня, потом, впервые за этот день, на небо. Мать всегда наблюдала за ним, когда он смотрел на звезды.

Первый день и первый вечер после возвращения он редко глядел на небо. Я видел его рьяно работающим в саду, лицо будто срослось с землей. На второй день он уже чаще посматривал на звезды. Днем мать не так боялась неба; зато как ей хотелось бы выключить вечерние звезды. Иной раз мне так и казалось, что она мысленно ищет выключатель, да ведь не найдешь... На третий вечер, бывало, мы уже соберемся спать, а отец все еще мешкает на террасе, и я слышал, как мама его зовет, — так она меня звала домой с улицы. И отец, вздохнув, включал фотоэлектрический замок. А на следующее утро, за завтраком, я, глянув вниз, обнаруживал у его ног черный ящичек; мама еще спала.

— Ну, Дуг, до свидания, — говорил он, пожимая мне руку.

— Через три месяца?

— Точно.

И он шел по улице, не садился ни в вертолет, ни в такси, ни в автобус, а просто шел пешком, неся летный костюм неприметно в сумке под мышкой. Он не хотел, чтобы люди говорили, что он зазнался, став космонавтом.

Часом позже мама спускалась завтракать и съедала ровным счетом один ломтик поджаренного хлеба.

Но сегодня было сегодня, первый вечер, и он почти совсем не глядел на звезды.

— Пойдем на телевизионный карнавал, — предложил я.

— Отлично, — сказал отец.

Мама улыбнулась мне.

И мы поспешили на вертолете в город и повели отца мимо бесчисленных экранов, чтобы его голова, его лицо были с нами, чтобы он больше никуда не глядел. Мы смеялись смешному, серьезно смотрели серьезное, а я все думал: «Мой отец летает на Сатурн, на Нептун, на Плутон, но никогда не приносит мне подарков. Другие мальчики, у которых отцы путешествуют в космосе, показывают товарищам кусочки руды с Каллисто, обломки черных метеоритов, голубой песок. А мне приходится выменивать у них образцы для своей коллекции — песок с Меркурия, марсианские камни, которые наполняют мою комнату, но о которых отец никогда не хочет говорить».

Случалось, — я помнил — он что-нибудь приносил маме. Раз посадил в нашем дворе подсолнечники с Марса, но через месяц после того, как он ушел в новый полет, когда цветы выросли, мама однажды выбежала во двор и все их срезала.

Мы стояли перед стереоскопическим экраном, и тут я брякнул, не думая, задал отцу вопрос, с которым всегда к нему обращался:

— Скажи, как там, в космосе?

Мама метнула на меня испуганный взгляд. Поздно.

Полминуты отец стоял молча, подыскивая ответ, потом пожал плечами.

— Там... это лучше всего самого лучшего в жизни. — Он осекся. — Да нет, ничего особенного. Рутинка. Тебе бы не понравилось. — Он испытующе посмотрел на меня.

— Но ты всякий раз летишь опять.

— Привычка.

— И куда же ты полетишь теперь?

— Еще не решил. Надо подумать.

Он всегда обдумывал. В те дни космонавтов было мало, он мог сам выбирать, как, куда и когда лететь. Вечером третьего дня после его возвращения вы могли видеть, как он выбирает звезду.

— Пошли, — сказала мама, — пора домой. Было еще не поздно, и дома я попросил отца надеть форму космонавта. Мне не следовало просить, чтобы не огорчать маму, но я ничего не мог с собой поделывать. Я продолжал упрашивать отца, хотя он всегда мне отказывал. Я никогда не видел его в форме. Наконец он сказал:

— Ну, ладно.

Мы ждали в гостиной, пока он поднялся наверх по воздушной шахте. Мать грустно смотрела на меня, словно не веря, что ее собственный сын может так с ней поступать. Я отвел глаза.

— Прости меня, — сказал я.

— Ты мне ни чуточки не помогаешь, — произнесла она. — Ни чуточки.

Мгновение спустя в воздушной шахте послышался шорох.

— Вот и я, — тихо сказал отец. Мы увидели его в форме. Костюм был черный, с блестящим отливом. Серебряные пуговицы, серебряные лампасы до каблучков черных ботинок. Казалось, он весь — тело, руки, ноги — вырезан из черной туманности, сквозь которую просвечивают неяркие звездочки. Костюм облегал тело, как перчатка облегает длинную гибкую руку; от него пахло прохладным воздухом, металлом, космосом. От него пахло огнем и временем.

Отец стоял посреди комнаты, смущенно улыбаясь.

— Повернись, — сказала мама.

Ее глаза, обращенные на него, смотрели куда-то далеко-далеко.

Когда отец бывал в космосе, она совершенно о нем не говорила. Она вообще ни о чем не говорила, кроме погоды, моей шеи — дескать, не худо бы вымыть — или своей бессонницы. Однажды она пожаловалась, что ночь была слишком светлая.

— Но ведь эту неделю ночи безлунные.

— А звезды? — ответила она.

Я пошел в магазин и купил ей новые жалюзи, темнее, зеленее. Ночью, лежа в кровати, я слышал, как она их опускает, тщательно закрывая окна. Долгий шуршащий звук...

Как — то раз я собрался подстричь газон.

— Не надо, — мама стояла в дверях. — Убери на место косилку.

Так и росла у нас трава по три месяца без стрижки. Отец подстригал ее, когда возвращался из рейса.

Она вообще не разрешала мне ничего делать — скажем, чинить машину, которая готовила завтрак, или механического чтеца. Она все копила, как копят к празднику. И потом я видел, как отец стучит или паяет, улыбаясь, и мать счастливо улыбается, глядя на него.

Да, без него она о нем совсем не говорила. В свою очередь отец никогда не пытался связаться с нами, перебросить мост через миллионы километров.

Однажды он сказал мне:

— Твоя мать обращается со мной так, словно меня нет — словно я невидимка.

Я сам это заметил. Она глядела мимо него, на его руки, щеки, только не в глаза. А если смотрела в глаза, то будто сквозь пленку, как зверь, который засыпает. Она говорила «да» там, где надо, улыбалась — все с опозданием на полсекунды.

— Словно я для нее не существую, — сказал отец.

А на следующий день она опять была с нами, и он для нее существовал, они брали друг друга за руку и шли гулять вокруг дома или отправлялись на верховую прогулку, и мамыны волосы развевались, как у девочки; она выключала все механизмы на кухне и сама пекла ему удивительные пирожные, торты и печенья, жадно смотрела ему в глаза, улыбалась своей настоящей улыбкой. А к концу такого дня, когда он для нее существовал, она непременно плакала. И отец стоял растерянно, глядя вокруг, точно в поисках ответа, но никогда его не находил.

...Отец медленно повернулся, показывая костюм.

— Повернись еще, — сказала мама.

На следующее утро отец примчался домой с целой кипой билетов. Розовые билеты на Калифорнийскую ракету, голубые на Мексиканскую авиалинию.

— Живей! — воскликнул он. — Купим путевую одежду, потом ее сожжем. Вот — в полдень вылетаем в Лос-Анжелос, в два часа — вертолетом до Санта-Барбары, ночуем, и в девять утра — самолетом до Энсенады!

И мы отправились в Калифорнию. Полтора дня путешествовали по тихоокеанскому побережью, пока не осели на песчаном пляже Малибу.

Отец все время прислушивался или пел, или жадно рассматривал все вокруг, цепляясь за впечатления, словно мир был большой центрифугой, которая вращалась так быстро, что его в любой момент могло от нас оторвать.

Мама в тот день осталась в гостинице. Отец долго лежал со мной рядом на песке под жаркими лучами солнца.

— Ух, — вздохнул он, — благодать...

Прикрыв глаза, он лежал на спине и пил солнце.

— Вот чего не достает, — сказал он.

Он, конечно, хотел сказать «на ракете». Но отец избегал упоминать свою ракету и не любил говорить обо всем том, чего на ракете нет. Откуда на ракете соленый ветер? Или голубое небо? Или ласковое солнце? Или мамин домашний обед? И разве на ракете поговоришь со своим четырнадцатилетним сыном?

— Что ж, потолкуем, — произнес он наконец. И я знал, что теперь мы с ним будем говорить,

говорить — три часа подряд, как это у нас было заведено. До самого вечера мы будем, нежась на солнце, вполголоса болтать о моем учении, как высоко я могу прыгнуть, быстро ли плаваю.

Отец кивал, слушая меня, улыбался, одобрительно трепал по щеке. Мы говорили. Не о ракете и не о космосе — мы говорили о Мексике, где однажды путешествовали на старинном автомобиле, о бабочках, которых ловили в зеленых ярких джунглях: дело было в полдень, сотни бабочек облепили наш радиатор и тут же погибали, махая голубыми и розовыми крылышками, трепеща в судорогах — красивое и грустное зрелище. Мы говорили обо всем, только не о том, о чем я хотел. И отец слушал меня. Он слушал так, словно жаждал насытиться звуками, которые ловил его слух. Он слушал ветер, дыхание океана и мой голос, чутко, сосредоточенно, с напряженным вниманием, которое как бы отсеивало физические тела и оставляло только звуки. Он закрывал глаза, чтобы лучше слышать. И я вспоминал, как он слушает стрекот машин, когда сам подстригает газон, вместо того чтобы включать программное управление, видел, как он вдыхает запах скошенной травы, когда она брызжет на него зеленым фонтаном.

— Дуг, — сказал он часов около пяти; мы только что подобрали полотенца и пошли вдоль прибоа к гостинице, — обещай мне одну вещь.

— Что?

— Никогда не будь космонавтом.

Я остановился.

— Я серьезно, — продолжая он. — Потому что там тебя всегда будет тянуть сюда, а здесь — туда. Так что лучше и не начинать. Чтобы тебя не захватило.

— Но...

— Ты не знаешь, что это такое. Всякий раз, когда я там, я говорю себе: «Если только вернусь на Землю — останусь насовсем, никогда больше не полечу». И все-таки лечу опять, и, наверно всегда так будет.

— Я уже давно хочу стать космонавтом, — сказал я.

Он не слышал моих слов.

— Я пытаюсь заставить себя остаться. Когда я в субботу пришел домой, то твердо решил: сделаю все, чтобы заставить себя остаться.

Я вспомнил, как он, обливаясь потом, трудился в саду, как мы летели и он постоянно был чем-то увлечен, к чему-то прислушивался. Ну конечно: все это делалось, чтобы убедить себя, что море, города, земля, родная семья — вот единственно реальное и стоящее в жизни. И я знал, что отец будет делать сегодня ночью: стоя на террасе, он будет смотреть на алмазную россыпь Ориона.

— Обещай, что не станешь таким, как я, — попросил он.

Я помедлил.

— Хорошо, — ответил я.

Он пожал мне руку.

— Умница, — сказал он.

Обед был чудесный. Мама, как только мы вернулись домой, отправилась на кухню и занялась готовкой, возилась с тестом и корицей, гремела кастрюлями и противнями. И вот на столе красуется огромная индейка с приправами — брусничный соус, горошек, вареная тыква.

— Разве сегодня праздник? — удивился отец.

— В День Благодарения тебя не будет дома.

— Вот как.

Он вдыхал аромат. Он поднимал крышки с блюд и наклонялся так, чтобы благоухающий пар гладил его загорелое лицо. И каждый раз говорил: «А-ах...» Потом он посмотрел на комнату, на свои руки. Обвел взглядом картины на стенах, стулья, стол, меня, маму. Наконец, прокашлялся: я понял, что он решил:

— Лилли!

— Да? — мама смотрела на него через стол, который в ее руках превратился в чудесный серебряный капкан, волшебный омут из подливки, в котором — она надеялась — ее муж, подобно доисторическому зверю в асфальтовом пруду, прочно увязнет и останется навсегда, надежно огражденный птичьими косточками.

В ее глазах играли искорки.

— Лилли, — сказал отец.

«Ну, ну, — нетерпеливо думал я. — говори же, скорей, скажи, что ты на этот раз останешься дома, навсегда, и никогда больше не улетишь, скажи!»

В этот самый миг тишину разорвал пронзительный стрекот пролетающего вертолета, и стекло в окне отозвалось хрустальным звоном. Отец глянул в окно.

Вот они, голубые вечерние звезды, и красный Марс поднимается на востоке.

Целую минуту отец смотрел на Марс. Потом, не глядя, протянул руку в мою сторону.

— Можно мне горошку? — попросил он.

— Простите, — сказала мать, — я совсем забыла хлеб.

И она выбежала на кухню.

— Хлеб на столе, — крикнул я ей вслед.

Отец начал есть, стараясь не глядеть на меня.

В ту ночь я не мог уснуть. Вскоре после полуночи я спустился вниз. Лунный свет будто покрыл все крыши ледяной коркой, сверкающая роса превратила газон в снежное поле. В одной пижаме я стоял на пороге, овеваемый теплым ночным ветерком. Вдруг я заметил, что отец здесь, на террасе. Он сидел на механических качелях и медленно качался. Я видел темный профиль, обращенный к небу: он следил за движением звезд. Его глаза были подобны дымчатым кристаллам, в каждом отражалось по луне.

Я вышел и сел рядом.

Мы качались вместе.

Наконец я спросил:

— А в космосе есть смертельные опасности?

— Миллион.

— Назови какие-нибудь.

— Столкновение с метеором, из ракеты выходит весь воздух. Или тебя захватит кометой. Ушиб. Удушье. Взрыв. Центробежные силы. Чрезмерное ускорение. Недостаточное ускорение. Жара, холод, солнце, луна, звезды, планеты, астероиды, планетоиды, радиация...

— Погибших сжигают?

— Поди, найди их.

— А куда же девается человек?

— Улетает за миллиарды километров. Такие ракеты называют блуждающими гробами. Ты становишься метеором или планетоидом, который вечно летит в космосе.

Я промолчал.

— Зато, — сказал он погодя, — в космосе смерть быстрая. Раз — и нету. Никаких страданий. Чаще всего человек вообще ничего не замечает.

Мы пошли спать.

Настало утро.

Стоя в дверях, отец слушал, как в золотой клетке поет желтая канарейка.

— Итак, решено, — сказал он. — Следующий раз, как вернусь, — уж навсегда, больше никуда не полечу.

— Отец! — воскликнул я.

— Скажи об этом маме, когда она встанет.

— Ты серьезно?

Он кивнул.

— До свидания через три месяца.

И он зашагал по улице, неприметно неся черную форму под мышкой, насвистывая, поглядывая на высокие зеленые деревья. На ходу сорвал ягоды с куста боярышника и подкинул их высоко в воздух, уходя в прозрачные утренние тени...

Несколько часов спустя я завел разговор с мамой, мне хотелось кое-что выяснить.

— Отец говорит, ты иногда ведешь себя так, словно не видишь и не слышишь его, — сказал

я.

Она все мне объяснила.

— Десять лет назад, когда он впервые улетел в космос, я сказала себе: «Он мертв. Или все равно что мертв. Думай о нем, как о мертвом». И когда он три или четыре раза в год возвращается домой, то это и не он вовсе, а просто приятное воспоминание или сон. Если воспоминание или сон прекратится, это совсем не так больно. Поэтому большую часть времени я думаю о нем, как о мертвом...

— Но ведь бывает...

— Бывает, что я ничего не могу с собой поделать. Я пеку пироги и обращаюсь с ним, как с живым, и мне больно. Нет, лучше считать, что он ушел десять лет назад и я никогда его не увижу. Тогда не так больно.

— Он разве тебе не сказал, что в следующий раз останется насовсем?

Она медленно покачала головой:

— Нет, он умер. Я в этом уверена.

— Он вернется живой, — сказал я.

— Десять лет назад, — продолжала мать, — я думала: Что если он погибнет на Венере? Тогда мы больше не сможем смотреть на Венеру. А если на Марсе? Мы не сможем видеть Марс. Только он вспыхнет в небе красной звездой, как нам тотчас захочется уйти в дом и закрыть дверь. А если он погибнет на Юпитере, на Сатурне. Нептуне? В те ночи, когда выходят эти планеты, мы будем ненавидеть звездное небо.

— Еще бы, — сказал я.

Сообщение пришло на следующий день. Посыльный вручил его мне, и я прочел его, стоя на террасе. Солнце садилось. Мать стояла в дверях и смотрела, как я складываю листок и прячу его в карман.

— Мам, — заговорил я.

— Не говори мне того, что я и без тебя знаю, — сказала она.

Она не плакала.

Нет, его убил не Марс и не Венера, не Юпитер и не Сатурн. Нам не надо было бояться что мы будем вспоминать о нем всякий раз, когда в вечернем небе загорится Юпитер или Сатурн, или Марс.

Дело обстояло иначе.

Его корабль упал на Солнце.

Солнце — огромное, пламенное, беспощадное, которое каждый день светит с неба и от которого никуда не уйдешь.

После смерти отца мать очень долго спала днем и до вечера не выходила. Мы завтракали в полночь, ели ленч в три часа ночи, обедали в шесть утра, когда царил холодный сумрак. Мы уходили в театр на всю ночь и ложились спать на рассвете.

Потом мы еще долго выходили гулять только в дождливые дни, когда не было солнца.

Огненные шары

The Fire Balloons, 1951 год

Переводчик: Д. Смушкович

Пламя расплескалось над сонными лужайками. Искры озарили лица дядюшек и тетушек. Опадали шутихи в сияющих карих глазах двоюродных братьев, и отгоревшие угли сыпались где-то вдалеке на сухую траву.

Преподобный отец Джозеф Дэниел Перегрин открыл глаза. Какой сон: он, и его родные, и огневая потеха над старинным дедушкиным домом в Огайо — так давно!

Он лежал, вслушиваясь в гулкую, соборную тишину. В соседних кельях покоятся его товарищи — не мнится ли и им перед стартом звездолета «Распятие», что настало Четвертое июля? Да. Точно на заре Дня независимости, ты, задыхаясь, ждешь первого фейерверка и с охалками громовых чудес выбегаешь на росистую мостовую.

Так и они, епископальные священники, затаили дыхание, прежде чем ринуться к Марсу, оставляя в бархатном соборе пространства ладанный след.

— Стоило ли нам лететь? — прошептал отец Перегрин. — Не на Земле ли нам должно искупать свои грехи? Не от своих ли судеб мы бежим?

Он поднялся; тело его двигалось медленно, вспоминая о клубнике, молоке и бифштексах.

— Или это простая лень? — размышлял он. — Или меня страшит мой путь?

Он шагнул под острые иглы душа.

— Но я отволоку тебя на Марс, тело мое, — говорил он себе. — Старые грехи оставим позади. А на Марсе — найдем новые?

Мысль почти восхитительная. Грехи, дотоле невообразимые. Не он ли сам написал статью «Проблемы греха в иных мирах», пусть ее и отвергали как недостаточно серьезную братья по вере?

Всего лишь прошлым вечером, за последней сигарой, они с отцом Стоуном обсуждали ее.

— На Марсе, — говорил сияющий отец Перегрин, — грех может оказаться добродетелью. И нам должно остерегаться добрых дел, ибо каждое из них может оказаться грешным! Потрясающе! Уже много веков миссионеров не ожидало столько приключений!

— Грех, — сухо ответил отец Стоун, — я распознаю и на Марсе.

— О, мы, священники, как лакмусовая бумажка, краснеем в присутствии греха, — отпарировал отец Перегрин. — Но что, если марсианская химия не позволит нам менять цвет? Если на Марсе есть иные чувства, то должны быть и незнакомые грехи.

— Без злого умысла нет ни греха, ни кары — так говорил Господь, — ответил отец Стоун.

— На Земле — согласен. Но что если на Марсе грех оставляет свое зло в подсознании, сохраняя мысли и разум человека в беззломном неведении? Что тогда?

— Да что можно еще придумать из новых грехов?

Отец Перегрин подался вперед.

— Одиноким Адам был безгрешен. Добавьте Еву, и вы добавите искушение. Добавьте еще одного мужчину, и станет возможным прелюбодеяние. Прибавьте иной пол, новых людей, и грехи умножатся. Безрукие не способны душировать. Они неспособны к убийству подобным способом. Дайте им руки, и вы дадите возможность нового насилия. Амебы не грешат — они размножаются делением. Они не желают жены ближнего своего, не убивают. Дайте им пол, руки, ноги — и вот вам убийство и прелюбодеяние. Добавляя или убирая руки, ноги, людей, вы добавляете или убираете грехи из списка возможных. Что если на Марсе пять новых чувств, органов, незримых частей тела, какие мы себе и вообразить не можем — не найдем ли мы там и пять новых грехов?

— Похоже, вам нравятся подобные рассуждения, — выдавил отец Стоун, хватая воздух ртом.

— Поддерживаю остроту ума, святой отец, только и всего.

— Все мыслями жонглируете — как факелами и тарелками?

— Да. Потому что наша Церковь порой походит на живую пирамиду в балагане, когда поднимается занавес и замирают присыпанные белым тальком и цинковой пудрой фигуры, тщась изобразить Красоту. Выглядит чудесно. Но я надеюсь, что для меня всегда останется место побегать среди этих статуй. А вы, отец Стоун?

Тот поднялся.

— Думаю, нам лучше лечь. Через несколько часов мы двинемся на поиски ваших новых грехов, отец Перегрин.

Ракета была готова к старту.

Морозным утром шли, закончив молитвы, избранные проповедники Нью-Йорка, и Чикаго, и Лос-Анжелеса — Церковь посылала лучших из сынов своих — шли через город к заиндевавшему космодрому.

«Отец Перегрин, — вспоминал по пути святой отец слова епископа, — вы станете главой миссии, а отец Стоун — вашим помощником. Причины, побудившие меня избрать вас на столь ответственный пост, к прискорбию моему, оказались ясны не для всех. Но ваш памфлет о межзвездном грехе не остался непрочитанным. Вы гибкий человек. А Марс похож на старый

чулан, на тысячи лет забытый, и грехи громоздятся там, точно рухлядь. Марс вдвое старше Земли; там вдвое больше было субботних вечеров, разгульного пьянства и подглядывания за женщинами, обнаженными, как белые выдры. И если мы откроем этот чулан, нас завалит мусором. Нам нужен человек с быстрым гибким умом, чтобы лавина не погребла его. Тот, в ком слишком много догматизма, сломается. Я предчувствую, что вы устоите. Святой отец, этот пост — ваш».

Епископ, а за ним и все остальные преклонили колена.

Прозвучали благословения, окропили ракету брызги святой воды. И, вставая, епископ еще раз обратился к отлетающим:

— Идите же с Богом, дабы подготовить марсиан к принятию истины Господней. Желаю вам набраться мудрости в пути.

Двадцать человек прошли мимо епископа, шурша рясами, по очереди влагая свои руки в его добрые ладони, прежде чем скрыться в благословленном снаряде.

— Может быть, — пробормотал в последнюю секунду отец Перегрин, — Марс — это ад? И он только ждет нас, чтобы взорваться огнем и серой?

— Помогите нам Боже, — отозвался отец Стоун.

Ракета взлетела.

Они покидали космос, как покидают прекраснейший из соборов. И шаг на Марс походил на первый шаг по мостовой через пять минут после того, как в церкви ты воистину ощутил любовь Господню.

Священники осторожно сошли по дымящемуся трапу и преклонили колена на марсианском песке, пока отец Перегрин возносил благодарственную молитву.

— Благодарим тебя, Господи, за путь сквозь пространства твои. Достигли мы новой земли, Господи, так дай нам и глаза новые. Новые звуки будут слышны нам, так дай же новые уши. И будут нам грехи новые, потому молим тебя — укрепи и очисти сердца наши. Аминь.

Они встали.

Словно подводная лодка, ищущая следы жизни в океанских глубинах, шли они по Марсу. То была земля неизведанного греха. Как осторожно придется им взвешивать легчайшие перышки дел — потому что сами шаги их могут оказаться грешными, или дыхание, или даже пост!

Мэр Первого города приветствовал их с распростертыми объятиями.

— Чем могу помочь вам, отец Перегрин?

— Мы хотели бы разузнать о марсианах. Только зная, каковы они, мы сможем разумно построить для них церковь. Если они десяти футов роста, мы сделаем высокие двери. Если их кожа синего, или зеленого, или красного цвета, мы по-новому раскрасим витражи. Если они тяжелы — мы сделаем скамьи покрепче.

— Не думаю, святой отец, — ответил мэр, — что вам стоит беспокоиться за марсиан. Их два вида. Одна раса почти вымерла, а те, кто остался, таятся от нас. А вторая — они не совсем люди.

— Да? — Сердце отца Перегрин забилось чаще.

— Это сияющие огненные шары, святой отец. Они живут в тех холмах. Люди ли они, звери — кто скажет? Но я слышал, что действуют они разумно. — Мэр пожал плечами. — Конечно, они не люди, так что вряд ли вам...

— Наоборот, — быстро перебил его отец Перегрин. — Вы ведь сказали «разумно»?

— Так говорят, — ответил мэр. — Один старатель сломал в этих холмах ногу. Он бы там и умер, но налетели синие огненные шары. Очнулся он на шоссе, а как попал туда — не помнит.

— Пьян был, — предположил отец Стоун.

— Так говорят, — повторил мэр. — Отец Перегрин, марсиане все вымерли, остались только эти синие шары. Я, честно говоря, думаю, что вам лучше отправиться в Первый город. Марс оживает. Теперь это целина, как прежде на Земле — Дикий запад и Аляска. Люди рвутся сюда. В Первом городе пара тысяч ирландских механиков, горняков и поденщиков, чьи души срочно пора спасать — слишком уж много с ними падших женщин, слишком много они пьют десятивекового вина...

Отец Перегрин смотрел в сторону пологих голубых холмов.

Отец Стоун прокашлялся.

— Да, отец?

Отец Перегрин не слышал.

— Шары синего огня?

— Да, святой отец.

— Ох, — выдохнул отец Перегрин.

— Синие шарики. — Отец Стоун покачал головой. — Цирк какой-то!

В запястьях отца Перегрин забились жилы. Он видел пограничный городок с его грехами — свеженькими, только что собранными, и видел холмы, древние самым древним, и все же новым для него грехом.

— Мэр, смогут ли ваши ирландцы пожариться в аду еще денек?

— Ради вас я их переверну, чтобы не подгорели, отец.

— Тогда мы отправимся туда. — Отец Перегрин кивнул в сторону холмов.

Священники зароптали.

— Слишком просто будет отправиться в город, — объяснил отец Перегрин. — Я предпочитаю думать, что, если бы Спасителю сказали: «Вот торная тропа», он ответил бы: «Покажите мне траву сорную; я проторю тропу иную».

— Но...

— Отец Стоун, подумайте, какой груз мы возьмем на душу, если пройдем мимо грешников, не протянув им руки.

— Но огненные шары!...

— Полагаю, человек тоже казался смешным всем прочим тварям, когда был сотворен. Но несмотря на обыденный облик, он наделен душой. Предположим же, что и эти пламенные шары обладают душами, пока мы не докажем обратного.

— Хорошо, — согласился мэр, — но вы еще вернетесь в город.

— Посмотрим. Для начала позавтракаем. А потом мы с вами, отец Стоун, отправимся в холмы. Я не хочу пугать этих огненных марсиан машинами или толпами. Приступим к трапезе?

Ели святые отцы в молчании.

К закату отец Перегрин и отец Стоун далеко углубились в холмы. Они сели на камень, расслабились и ждали. Марсиане так и не появились перед ними, и оба чувствовали себя немного разочарованными.

— Интересно... — Отец Перегрин утер лицо. — Если сказать им «Привет!» — они ответят?

— Отец Перегрин, вы когда-нибудь бываете серьезны?

— И не буду, пока Господь не станет серьезен. И не надо так возмущаться, прошу вас. Господь никак уж не серьезен. Мы ведь знаем о нем точно лишь одно — что он есть любовь. А любовь неотделима от чувства юмора, не так ли? Нельзя любить человека, которого вы не терпите, верно? А чтобы терпеть кого-то рядом, надо хоть изредка над ним посмеиваться. Вы согласны? Все мы — смешные зверюшки, вывозившиеся в миске сгущенки, и, потешаясь над нами, тем больше Господь нас любит.

— Никогда не думал, что Господу присуще чувство юмора, — заметил отец Стоун.

— Сотворившему утконоса, верблюда, страуса и человека? Да бросьте! — Отец Перегрин расхохотался.

И в тот же миг из-за сумеречных склонов, будто шеренга голубых маяков, показались марсиане.

Первым заметил их отец Стоун.

— Смотрите!

Отец Перегрин обернулся, и смех застыл у него на устах.

Среди далеких звезд парили, чуть подрагивая, шары синего пламени.

— Что за твари! — Отец Стоун вскочил, но отец Перегрин остановил его:

— Подождите!

— Надо было нам идти в город!

— Послушайте, прошу вас! — умолял отец Перегрин.

— Я боюсь!

— Не бойтесь. Это божьи создания!

— Скорее дьявольские!

— Нет, нет, успокойтесь! — Отец Перегрин усадил его, и они сидели вдвоем, пока приближающиеся огненные сферы озаряли их лица нежным голубым сиянием.

И снова вечер Дня независимости, подумал, дрожа, отец Перегрин. Снова вернулось детство, и ночь Четвертого июля, когда небо рассыпается в звездную пыль и пылающий грохот, и стекла в рамках звенят от взрывов, точно лед в тысяче бокалов. Дядюшки, тетушки, двоюродные братья, вздыхающие — «Ах!» — как по команде небесного доктора. Краски летнего неба. И «огненные шары», щедро зажигаемые уверенными, ласковыми дедушкиными руками. О, как запомнились они — мягко сияющие «огненные шары», надувающиеся теплом, как крылья бабочки; лежащие в коробках сухими осаами и расправляемые, наконец, вечером бурного, буйного дня, красные, белые, синие, точно флаги — Огненные Шары! Неясные тени дорогих и близких, давно умерших и спящих подо мхом, следили, как дедушка зажигает свечку, и дыхание тепла наполняет шар, округлый, мерцающий, и руки не желают отпускать это светящееся чудо, потому что стоит ему улететь, как уйдет из жизни еще один год, еще одно Четвертое июля, еще один кусочек Красоты. И тогда все выше и выше, к жарким летним звездам устремятся огненные шары, и будут в тишине следить за ними красно-бело-синие глаза изо всех окон. И поплывут огненные шары, далеко-далеко, в Иллинойс, над темными реками и спящими домами, и растают навсегда...

На глаза его навернулись слезы. Над ним парили марсиане, не один огненный шар — тысячи. И вот-вот встанет рядом давно умерший дед, взирая вместе с ним на великую Красоту.

Но то был отец Стоун.

— Пойдемте, отче, прошу вас!

— Я должен поговорить с ними.

Отец Перегрин подался вперед, не зная, что сказать, потому что в прежние времена лишь одно говорил он в своих мыслях огненным шарам: «Вы прекрасны, вы так прекрасны» — а теперь этого не хватало. Он только воздел неподъемные руки и крикнул в небеса, как мечтал с детства: «Привет!»

Но пламенные шары лишь полыхали отражениями в невидимом зеркале: застывшие, расплывчатые, чудесные, вечные.

— Мы пришли в Господе, — сказал небу отец Перегрин.

— Глупо, глупо, глупо. — Отец Стоун грыз костяшки пальцев. — Именем божьим заклинаю, отец Перегрин, остановитесь!

Но мерцающие сферы сдуло ввысь. Мгновеньем позже они исчезли вдали.

Отец Перегрин воззвал снова — и эхо его последнего крика сотрясло горы. Обернувшись, он увидел, как стряхнула с себя пыль лавина, помедлила и с грохотом, точно каменная телега, ринулась на них по склону.

— Смотрите, что вы натворили! — воскликнул отец Стоун.

Отец Перегрин замер — вначале потрясенный, потом испуганный. Он отвернулся, зная, что и пары шагов не успеет сделать, как камни сотрут его в прах. Он успел лишь вымолвить: «О, Господи!», и лавина накрыла его!

— Отче!

Словно плевелы от зерен, отделило их от земли. Засверкали синие шары, дрогнули ледяные звезды, грянуло, и вот они стоят на утесе, в двух сотнях футов от того места, где покоились бы под тоннами камней их тела.

Синий свет померк.

Священники стояли, вцепившись друг в друга.

— Что случилось?

— Синие огни подняли нас!

— Да нет, мы убежали!

— Нет, нас спасли шары.

— Невозможно!

— Так и было.

Небо опустело — словно смолк великий колокол, и отзвуки его еще гудели в костях и

зубах.

— Пойдемте отсюда. Вы нас обоих угробите.

— Я уже много лет не боюсь смерти, отец Стоун.

— Мы ничего не доказали. Эти синие шары улетают при первом же окрике. Бесполезно.

— Нет. — Отца Перегрин переполняло упорное ощущение чуда. — Они спасли нас. Это доказывает, что у них есть души.

— Это доказывает только, что у них была такая возможность. Мы ведь могли спастись и сами, я не помню, как все случилось.

— Они не звери, отец Стоун. Звери не спасают чужаков. Они наделены милосердием и состраданием. Возможно, завтра мы узнаем больше.

— Узнаем? Что? Как? — Отец Стоун смертельно устал; чопорное лицо его отражало все пережитые им мучения духа и тела. — Следуя за ними на вертолетах и зачитывая Библию вслух? Они не люди. У них нет ни глаз, ни ушей, ни тел, как у нас.

— Но я чувствую в них нечто, — ответил отец Перегрин. — Грядет откровение, я знаю это. Они спасли нас. Они мыслят. У них был выбор: дать нам жить или погибнуть. В этом — их свободная воля!

Отец Стоун принялся разводить костер, мрачно озирая каждую ветку и давясь серым дымом.

— А я открою приют для гусят и монастырь для святых свиней и построю собор под микроскопом, чтобы инфузории посещали службы и перебирали четки жгутиками.

— Ох, отец Стоун...

— Простите. — Отец Стоун моргнул покрасневшими глазами. — Но вы и крокодила готовы благословить, прежде чем он вас сожрет. Вы ставите под угрозу всю нашу миссию. Наше место в Первом городе: смывать духи с рук, а вкус спиртного — из глоток.

— Неужели вы не можете признать человеческое в нечеловеческом?

— Я предпочитаю находить бесчеловечное в человеке.

— Но если я докажу, что эти существа грешат, знают грех, ведут жизнь духовную, наделены свободной волей и разумом — что тогда?

— Меня вам придется убеждать долго.

Быстро холодало; ужиная печеньем и ягодами, священники глядели в огонь, видя в нем отражения самых странных своих желаний. Потом они улеглись спать под звездный благовест. Прежде чем в последний раз повернуться с боку на бок, отец Стоун, уже несколько минут пытавшийся найти, чем поддеть своего товарища, пробормотал, глядя в розовеющие угли:

— Не было на Марсе ни Адама, ни Евы, ни первородного греха. Может быть, марсиане и не отпадали от благодати Божьей. Тогда мы сможем вернуться в город и прийти к людям.

Отец Перегрин напомнил себе помолиться за отца Стоуна, за избавление его от гневливости, а теперь и от мстительности — помоги ему Бог!

— Но ведь марсиане убили нескольких наших поселенцев, отец Стоун. А это грех. Были здесь и грех первородный, и марсианские Адам с Евой. Мы еще найдем их. Люди, к сожалению, остаются людьми, как бы ни выглядели, и одинаково склонны к греху.

Отец Стоун притворился спящим.

Отец Перегрин не сомкнул глаз.

Конечно, они не могут позволить марсианам отправиться в ад, не так ли? Как они могут, пойдя на сделку с совестью, вернуться в новые колонии, в города, полные притонов греха и яркоглазых, белотелых женщин, кувыркающихся в кроватях с холостыми рабочими? Но не там ли место духовников? Не каприз ли — этот поход в холмы? О Церкви ли господней он думал или утолял жажду ненасытного любопытства? Но эти пламенно-синие шары — каким лихорадочным огнем пылают они в его душе! Что за вызов воображению — найти человека под маской, под нечеловеческой личиной! Сможет ли он гордиться — хотя бы в душе — что обратил в веру истинную полный огненных шаров бильярдный стол? Что за гордыня! Но в ней не стыдно покаяться — ведь гордыня часто рождается из любви, а он так любил Господа, так счастлив был той любовью, что желал этого счастья всем на свете.

Уже засыпая, он вновь увидел синие шары — они парили над ним, как огненные ангелы,

беззвучно баюкая его беспокойный сон.

Когда отец Перегрин проснулся ранним утром, его синие мечты все еще парили в небе.

Отец Стоун спал, свернувшись калачиком. А отец Перегрин наблюдал, как парят и наблюдают за ним марсиане. Они тоже люди — он чувствовал это сердцем. Но он должен доказать это, или он предстанет перед епископом, чтобы тот без злобы и сожаления отстранил его от миссии.

Но как доказать это, если они таятся под сводами небес? Как призвать их и дать ответы на тысячи опросов?

«Они спасли нас от лавины».

Отец Перегрин поднялся и, пробираясь между скал, начал карабкаться по склону ближайшего холма, пока не оказался над двухсотфутовым обрывом. От восхождения и мороза у него перехватило горло; он постоял немного, переводя дыхание.

«Если я упаду отсюда, то непременно разобьюсь».

Он столкнул в пропасть камешек. Через несколько секунд донесся стук.

«Господь никогда не простит меня».

Он скинул еще камушек.

«Но ведь если я делаю это из любви к нему, это ведь не будет самоубийством, так?...»

Он поднял глаза на синие шары.

«Но сперва — еще одна попытка». И он позвал их:

— Эй! Здравствуйте!...

Отзвуки обрушились лавиной, но синие шары не шелохнулись, не мигнули.

Пять минут кряду он говорил с ними. Замолчав, отец Перегрин глянул вниз — отец Стоун все еще упрямо дремал у костра.

«Я должен доказать. — Отец Перегрин шагнул к краю обрыва. — Я старик. И нет во мне страха. Он ведь поймет, что я делаю это ради него?»

Он глубоко вздохнул. Вся жизнь промелькнула перед его глазами, и подумалось ему: «Я сейчас умру? Я боялся, что слишком люблю жизнь. Но есть тот, кого я люблю больше».

И с этой мыслью он шагнул с утеса.

И упал.

— Глупец! — вскричал он, кружась в воздухе. — Ты ошибся! — Камни метнулись к нему, и он увидел на них себя — разбившимся, мертвым. — Зачем я сделал это? — Но он уже знал ответ. Мгновением позже спокойствие снизошло на него. Ветер ревел в ушах, и скалы мчались навстречу.

А потом дрогнули звезды, вспыхнуло голубое пламя, и отца Перегрин окружило синее безмолвие. Секундой позже его бережно опустили на камни. Он сидел там почти минуту, ощущая себя и взирая на отлетевшие ввысь синие огни.

— Вы спасли меня! — прошептал он. — Вы не дали мне умереть. Вы знали, что это грех.

Он кинулся к безмятежно спящему отцу Стоуну.

— Проснитесь, проснитесь. отец! — тряс он его, пока не разбудил. — Отец, они спасли меня!

— Кто спас? — Отец Стоун, моргая, сел.

Отец Перегрин пересказал, что с ним случилось.

— Сон. Кошмар. Ложитесь лучше спать, — раздраженно ответил отец Стоун. — Вместе со своими цирковыми шариками.

— Но я не спал!

— Ну полно, отец, успокойтесь, хватит.

— Вы мне не верите? У вас есть пистолет? Да, вот он, дайте сюда.

— Что вы делаете? — Отец Стоун подал ему пистолетик, захваченный для защиты от змей и прочих злобных гадов.

Отец Перегрин вцепился в рукоять.

— Я докажу вам!

Он прицелился себе в ладонь и выстрелил.

— Стойте!

Блеснул свет, и на их глазах пуля замерла в полете, остановившись в дюйме от раскрытой ладони. Мгновение она висела в голубом ореоле, потом с шипением упала в пыль.

Трижды стрелял отец Перегрин — в руку, в ногу, в туловище. Три пули замерли, поблескивая, и мертвыми осами упали к его ногам.

— Видите? — проговорил отец Перегрин, опуская руку, и выронил пистолет. — Они знают. Они не животные. Они мыслят, судят, им введом мораль. Какой зверь стал бы спасать меня от меня самого? На это способен лишь человек, отец Стоун. Ну, теперь-то вы мне верите?

Отец Стоун глядел на синие огни в небе. Потом опустился на колени, молча подобрал еще теплые пули и крепко сжал в кулаке.

За их спинами разгорался рассвет.

— Мне думается, пора вернуться к остальным, рассказать им все и привести их сюда, — сказал отец Перегрин.

Когда солнце встало, они преодолели почти полпути до ракеты.

Отец Перегрин начертил на аспидной доске круг.

— Се Христос, сын Отца небесного.

Он притворился, что не слышит изумленных вздохов слушателей.

— Се Христос, во славе его, — продолжил он.

— Больше похоже на задачу по геометрии, — заметил отец Стоун.

— Удачное сравнение. Мы здесь имеем дело с символами. Будучи изображен кругом или квадратом, Христос не перестает быть Христом. Столетиями крест изображал его любовь и страдание. Этот круг станет Христом марсианским. Таким принесем мы его в этот мир.

Святые отцы беспокойно зашевелились, переглядываясь.

— Вы, отец Маттиас, изобразите в стекле подобие этого круга, сферу, наполненную огнем. Пусть стоит она на алтаре.

— Дешевый фокус, — пробормотал отец Стоун.

— Наоборот, — терпеливо ответил отец Перегрин. — Мы дарим им понятный образ Господа. Если бы Христос явился на Землю в облике осьминога, так ли легко приняли бы мы его? — Он развел руками. — Разве дешевым фокусом со стороны Создателя было привести к нам Христа в теле Иисуса? После того, как мы благословим церковь, построенную нами, освятим алтарь и этот символ, разве откажется Христос обрести тот облик, что мы видим перед собой? Вы сердцем своим чувствуете — не откажется.

— Но в теле бездушного зверя! — воскликнул брат Маттиас.

— Мы уже говорили об этом много раз, брат Маттиас, с тех пор как вернулись. Эти существа спасли нас от обвала. Они знали, что самоуничтожение суть грех, и раз за разом предотвращали его. А потому мы должны построить церковь в холмах, жить с марсианами, найти их грехи и пути, которыми идут они, и помочь им найти Господа.

Святых отцов такая перспектива не радовала.

— Потому ли, что их вид странен? — спросил отец Перегрин. — Но что нам плоть? Лишь сосуд, куда Господь вмещает наш дух. Если завтра я обнаружу, что морские львы внезапно приобрели свободную волю и интеллект, познали, что есть грех, что есть жизнь, научились смягчать справедливость милосердием и жизнь — любовью, то я построю собор под водой. И если чудом Господним воробьи будут наделены бессмертными душами, то я наполню гелием церковь и взлечу за ними вслед, ибо все души, в любом облике, если наделены они свободной волей и знанием греха, станут гореть в аду, если не будут причащены истинной верой. И марсианскому шару я не позволю гореть в аду, потому что лишь в моих глазах это просто шар. Я закрою глаза — и передо мною стоят разум, любовь, душа, и я не могу отвергнуть их.

— Но вы хотите поставить этот шарик на алтарь! — запротестовал отец Стоун.

— Вспомните китайцев, — невозмутимо ответил отец Перегрин. — Какого Христа почитают китайские христиане? Восточного, само собой. Все вы видели изображенное китайцами житие Христа. Во что он одет? В восточные одежды. Где ходит он? По китайским пейзажам, среди бамбука, туманных гор и корявых сосен. Его глаза узки, а скулы — высоки. Каждая страна, каждый народ добавляют по капле к облику нашего Спасителя. Я вспоминаю Святую Деву Гваделупскую, которой поклоняется с любовью вся Мексика. Обращали ли вы внимание, что на

всех портретах ее кожа смугла, как и у ее почитателей? И разве это богохульство? Ничуть. Неразумно ждать, что человек примет Бога, пусть истинного, с кожей иного цвета. Меня часто поражает, почему наши миссионеры так успешно трудятся в Африке, неся снежно-белого Христа. Наверное, потому, что альбиносы и белый цвет вообще для многих африканских племен священны. Но со временем — не потемнеет ли там кожа Христова? Форма не имеет значения — только содержание. Не стоит ждать, что марсиане примут чуждый им облик Господа. Мы должны дать им Христа в их собственном обличье.

— В ваших рассуждениях есть пробел, отец, — проговорил отец Стоун. — Не заподозрят ли марсиане нас в лицемерии? Они поймут, что мы поклоняемся не шарообразному Христу, но человеку с руками и ногами. Как мы объясним им разницу?

— Показав, что ее нет. Христос заполнит любой сосуд, который мы предложим. Тела или шары — он везде, и каждый почитает его под разным обличьем. Больше того, мы должны верить в тот шар, что даем марсианам. Мы должны верить в шар, бессмысленный для нас видом. Эта сфера станет для нас Христом. Нам нельзя забыть: для марсиан и мы, и облик земного Христа будут смешны и бессмысленны, как расточительство плоти.

Отец Перегрин отложил мел.

— Теперь отправимся же в холмы и построим наш храм.

Святые отцы принялись собираться.

Церковь была не зданием, но расчищенной от камней, выровненной площадкой на вершине холма. Там возвели алтарь, и брат Маттиас установил на нем созданный им пламенеющий шар.

После шести дней трудов «церковь» была готова.

— А что мы будем делать с этим? — Отец Стоун постучал по привезенному с земли железному колоколу. — Что им колокола?

— Я полагаю, что принес его ради собственного успокоения, — признался отец Перегрин. — Нам нужно что-то знакомое. Эта церковь не слишком похожа на храм. Мы здесь чувствуем себя немного нелепо — даже я. Непривычно обращать в истинную веру создания иного мира. Порой я кажусь себе клоуном. И тогда я молю Господа дать мне сил.

— Многие отцы невеселы. Кое-кто смеется над всей затеей, отец Перегрин.

— Я знаю. Вот для них и установим колокол в башенке.

— А орган?

— Сыграем на нем на первой службе, завтра.

— Но марсиане...

— Знаю. Но вновь — для нашего душевного спокойствия пусть и музыка будет нашей. Их гимны мы откроем потом.

Воскресным утром они встали очень рано; бледными призраками двигались они в ледяном холоде, звеня колокольчиками осевшего на одеждах инея, стряхивая струйки серебряной воды.

— Интересно, а воскресенье ли сегодня на Марсе? — задумчиво пробормотал отец Перегрин, но, заметив гримасу отца Стоуна, заторопился: — Может быть, вторник или четверг — кто знает? Неважно. Глупости. Для нас сегодня воскресенье. Пойдем.

Дрожа, посиневшие отцы вышли на просторную площадку «церкви» и преклонили колена.

Отец Перегрин произнес короткую молитву и возложил холодные пальцы на клавиши органа. Музыка взлетела, как стая прекрасных птиц. Он касался клавиш, словно трав заросшего сада, и красота взмывала над холмами.

Музыка усмирила ветры. В воздухе разлился сладкий запах утра. Музыка уплывала в горы, и каменная пыль опадала дождем.

Священники ждали.

— Ну, отец Перегрин, — отец Стоун глянул в пустое небо, туда, где вставало доменно-алое солнце, — я не вижу наших друзей.

— Я попробую еще раз. — Отец Перегрин исходил потом.

Камень за камнем он строил храм Баха, собор столь огромный, что притворы его громоздились в Ниневию, купола — под дланью Святого Петра. Музыка звучала, и, когда орган замолк, собор не рухнул — он взмыл к снежным облакам, и они унесли его в дальнюю даль.

Небо оставалось пустым.

— Они придут! — Но в груди отца Перегрин зародилось крохотное, растущее зерно паники. — Помолимся. Упросим их прийти. Они читают мысли; они поймут.

С шелестом риз, с ропотом преклонили колени святые отцы. И завели молитву.

И с востока, из-за ледяных гор явились пламенеющие шары. На Марсе было семь часов утра, в воскресенье, или четверг, или понедельник.

Они парили и кувыркались, заполняя воздух вокруг дрожащих священников.

— Спасибо, Господи, спасибо тебе. — Отец Перегрин зажмурился и заиграл вновь. А когда музыка умолкла — обернулся и посмотрел на свою удивительную паству.

И голос послышался ему, и сказал:

— Мы пришли ненадолго.

— Вы можете остаться, — ответил отец Перегрин.

— Лишь на краткий миг, — тихо ответил голос. — Мы пришли лишь, чтобы сообщить вам то, что должны были сказать с самого начала. Но мы надеялись, что без наших понуканий вы пойдете своей дорогой.

Отец Перегрин открыл было рот, но голос прервал его:

— Мы Древние, — сказал он, и словно синее газовое пламя полыхнуло в мозгу священника. — Мы первые марсиане, те, что оставили мраморные города и ушли в горы, отбросив плоть. Очень, очень давно мы стали такими, какими ты видишь нас. Некогда мы были людьми; как и вы, имели тела, руки, ноги. Легенда гласит, что один из нас нашел способ освободить душу и разум человека, избавить его от телесных мук и печалей, от смерти и уродства, от скорби и старости; и так мы приняли облик синих огней, и вечно живем с тех пор в ветрах небесных над холмами, без гордыни и надменности, без нищеты и бедности, без страстей и душевного холода. Мы ушли от тех, кто остался, от других обитателей этого мира, и так вышло, что о нас позабыли, и процесс перехода был утерян. Но мы не умрем, и годы не причинят нам вреда. Мы отбросили грех и живем в благодати Господней. Мы не желаем имущества ближнего своего, ибо ничем не владеем. Мы не крадем и не убиваем, мы лишены похоти и ненависти. Мы счастливы. Мы не размножаемся, не едим, не пьем и не воюем. Вся чувственность, все грехи, все детство тела спало с нас вместе с телами. Мы оставили грех позади, отец Перегрин, и он сгорел, как осенние листья, он растаял, как грязный снег скверной зимы, увял, как ало-золотые цветы весенней страсти, утрачен, как душевные ночи раскаленного лета, и наш климат умерен, а времена — богаты мыслью.

Отец Перегрин поднялся на ноги, потому что теперь голос гремел, едва не отнимая чувства, омывая его благим огнем.

— Мы хотели сказать вам, что благодарны за то, что вы построили для нас это место. Но мы не нуждаемся в нем, ибо каждый из нас — сам себе храм, и не нужны нам места очищения. Простите, что не пришли к вам раньше, но мы живем в одиночестве; уже десять тысяч лет мы не разговаривали ни с кем и не вмешивались в дела мира. Тебе кажется, что мы, как птицы небесные: не падем и не жнем. Ты прав. А потому возьмите храм, что построили вы для нас, отнесите его в новые свои города и благословляйте там свой народ. И будьте уверены — мы живем в счастье и мире.

Отцы преклонили колена перед могучим синим огнем, и отец Перегрин — вместе с ними. Они плакали, вовсе не жалея, что тратят свое время, потому что оно не было потрачено зря.

Синие шары, перешептываясь, начали вновь подниматься в холодную высь.

— Могу я... — воскликнул отец Перегрин, зажмурившись, едва осмеливаясь спросить, — могу я когда-нибудь вернуться, чтобы учиться у вас?

Полыхнули синие огни. Дрогнул воздух.

Да. Когда-нибудь он может прийти снова. Когда-нибудь.

А потом ветер сдул Огненные Шары, и унес, и отец Перегрин пал на колени, рыдая и всхлипывая: «Вернитесь! Вернитесь!» — словно вот-вот возьмет его на руки дедушка и отнесет по скрипучей лестнице в спальню старого дома в давно сгинувшем городке в Огайо...

На закате они отправились в город. Оглядываясь, отец Перегрин видел, как полыхают синие шары. Нет, подумал он, нам не построить для вас собора. Вы — сама Красота. Какой собор

может сравниться с фейерверком чистых душ?

Отец Стоун молча шел рядом.

— Мне кажется, — проговорил он наконец, — что для каждой планеты есть своя истина. И каждая — часть большой Истины. Когда-нибудь они сложатся вместе, как кусочки мозаики. То, что случилось, потрясло меня. Во мне нет больше сомнений, отец Перегрин. Здешняя истина так же верна, как и земная, они стоят бок о бок. А мы пойдем к другим мирам, собирая истину по кусочкам, пока в один прекрасный день перед нами не предстанет Целое, как заря нового дня.

— Для вас это серьезное признание, отец Стоун.

— Мне почти жаль, что мы спускаемся с гор к своему роду. Эти синие огни, когда они опустились вокруг нас, и этот голос... — Отец Стоун вздрогнул.

Отец Перегрин взял его за руку. Дальше они пошли бок о бок.

— И знаете, — сказал отец Стоун, точно подводя черту и не сводя глаз с брата Маттиаса, идущего впереди и бережно сжимающего в руках стеклянный шар, наполненный вечным сиянием негасимого голубого огня, — знаете, отец Перегрин, этот шар...

— Да?

— Это Он. Все-таки это Он.

Отец Перегрин улыбнулся, и они вместе спустились с холмов в новый город.

Завтра конец света

The Last Night of the World, 1951 год

Переводчик: Н. Галь

— Что бы ты делала, если б знала, что завтра настанет конец света?

— Что бы я делала? Ты не шутишь?

— Нет.

— Не знаю. Не думала.

Он налил себе кофе. В сторонке на ковре, при ярком зеленоватом свете ламп «молния», обе девочки что-то строили из кубиков. В гостиной по-вечернему уютно пахло только что сваренным кофе.

— Что ж, пора об этом подумать, — сказал он.

— Ты серьезно?

Он кивнул.

— Война?

Он покачал головой.

— Атомная бомба? Или водородная?

— Нет.

— Бактериологическая война?

— Да нет, ничего такого, — сказал он, помешивая ложечкой кофе. — Просто, как бы это сказать, пришло время поставить точку.

— Что-то я не пойму.

— По правде говоря, я и сам не понимаю, просто такое у меня чувство. Минутами я пугаюсь, а в другие минуты мне ничуть не страшно и совсем спокойно на душе. — Он взглянул на девочек, их золотистые волосы блестели в свете лампы. — Я тебе сперва не говорил. Это случилось четыре дня назад.

— Что?

— Мне приснился сон. Что скоро все кончится, и еще так сказал голос. Совсем незнакомый, просто голос, и он сказал, что у нас на Земле всему придет конец. Наутро я про это почти забыл, пошел на службу, а потом вдруг вижу, Стэн Уиллис среди бела дня уставился в окно. Я говорю — о чем замечтался, Стэн? А он отвечает — мне сегодня снился сон, и не успел он договорить, а я уже понял, что за сон. Я и сам мог ему рассказать, но Стэн стал рассказывать первым, а я слушал.

— Тот самый сон?

— Тот самый. Я сказал Стану, что и мне тоже это снилось. Он вроде не удивился. Даже как-то успокоился. А потом мы обошли всю контору, просто так, для интереса. Это получилось

само собой. Мы не говорили — пойдем поглядим, как и что. Просто пошли и видим, кто разглядывает свой стол, кто руки, кто в окно смотрит. Кое с кем я поговорил. И Стэн тоже.

— И всем приснился тот же сон?

— Всем до единого. В точности то же самое.

— И ты веришь?

— Верю. Сроду ни в чем не был так уверен.

— И когда же это будет? Когда все кончится?

— Для нас — сегодня ночью, в каком часу не знаю, а потом и в других частях света, когда там настанет ночь — земля-то вертится. За сутки все кончится.

Они посидели немного, не притрагиваясь к кофе. Потом медленно выпили его, глядя друг на друга.

— Чем же мы это заслужили? — сказала она.

— Не в том дело, заслужили или нет, просто ничего не вышло. Я смотрю, ты и спорить не стала. Почему это?

— Наверно, есть причина.

— Та самая, что у всех наших в конторе?

Она медленно кивнула.

— Я не хотела тебе говорить. Это случилось сегодня ночью. И весь день женщины в нашем квартале об этом толковали. Им снился тот самый сон. Я думала, это просто совпадение. — Она взяла со стола вечернюю газету. — Тут ничего не сказано.

— Все и так знают. — Он выпрямился, испытующе посмотрел на жену. — Боишься?

— Нет. Я всегда думала, что будет страшно, а оказывается, не боюсь.

— А нам вечно твердят про чувство самосохранения — что же оно молчит?

— Не знаю. Когда понимаешь, что все правильно, не станешь выходить из себя. А тут все правильно. Если подумать, как мы жили, этим должно было кончиться.

— Разве мы были такие уж плохие?

— Нет, но и не очень-то хорошие. Наверно, в этом вся беда — в нас ничего особенного не было, просто мы оставались сами собой, а ведь очень многие в мире совсем озверели и творили невесть что.

В гостиной смеялись девочки.

— Мне всегда казалось: вот придет такой час, и все с воплями выбегут на улицу.

— А по-моему, нет. Что ж вопить, когда изменить ничего нельзя.

— Знаешь, мне только и жаль расставаться с тобой и с девочками. Я никогда не любил городскую жизнь и свою работу, вообще ничего не любил, только вас троих. И ни о чем я не пожалею, разве что неплохо бы увидеть еще хоть один погожий денек, да выпить глоток холодной воды в жару, да вздремнуть. Странно, как мы можем вот так сидеть и говорить об этом?

— Так ведь все равно ничего не поделаешь.

— Да, верно. Если б можно было, мы бы что-нибудь делали. Я думаю, это первый случай в истории — сегодня каждый в точности знает, что с ним будет завтра.

— А интересно, что все станут делать сейчас, вечером, в ближайшие часы.

— Пойдут в кино, послушают радио, посмотрят телевизор, уложат детишек спать и сами лягут — все, как всегда.

— Пожалуй, этим можно гордиться — что все, как всегда.

Минуту они сидели молча, потом он налил себе еще кофе.

— Как ты думаешь, почему именно сегодня?

— Потому.

— А почему не в другой какой-нибудь день, в прошлом веке, или пятьсот лет назад, или тысячу?

— Может быть, потому, что еще никогда не бывало такого дня — девятнадцатого октября тысяча девятьсот шестьдесят девятого года, а теперь он настал, вот и все. Такое уж особенное число, потому что в этот год во всем мире все обстоит так, а не иначе, — вот потому и настал конец.

— Сегодня по обе стороны океана готовы к вылету бомбардировщики, и они никогда уже не приземлятся.

— Вот отчасти и поэтому.

— Что ж, — сказал он, вставая. — Чем будем заниматься? Вымоем посуду?

Они перемыли посуду и аккуратней обычного ее убрали. В половине девятого уложили девочек, поцеловали их на ночь, зажгли по ночнику у кроваток и вышли, оставив дверь спальни чуточку приоткрытой.

— Не знаю... — сказал муж, выходя, оглянулся и остановился с трубкой в руке.

— О чем ты?

— Закрыть дверь плотно или оставить щелку, чтоб было светлее...

— А может быть, дети знают?

— Нет, конечно, нет.

Они сидели и читали газеты, и разговаривали, и слушали музыку по радио, а потом просто сидели у камина, глядя на раскаленные уголья, и часы пробили половину одиннадцатого, потом одиннадцать, потом половину двенадцатого. И они думали обо всех людях на свете, о том, кто как проводит этот вечер — каждый по-своему.

— Что ж, — сказал он наконец. И поцеловал жену долгим поцелуем.

— Все-таки нам было хорошо друг с другом.

— Тебе хочется плакать? — спросил он.

— Пожалуй, нет.

Они прошли по всему дому и погасили свет, в спальне разделись, не зажигая огня, в прохладной темноте, и откинули одеяла.

— Как приятно, простыни такие свежие.

— Я устала.

— Мы все устали.

Они легли.

— Одну минуту, — сказала она.

Поднялась и вышла на кухню. Через минуту вернулась.

— Забыла привернуть кран, — сказала она.

Что-то в этом было очень забавное, он невольно засмеялся.

Она тоже посмеялась, — и правда, забавно! Потом они перестали смеяться и лежали рядом в прохладной постели, держась за руки щекой к щеке.

— Спокойной ночи, — сказал он еще через минуту.

— Спокойной ночи.

Изгнанники

The Exiles, 1949 год

Переводчик: Т. Шинкарь

Глаза их горели как раскаленные угли, уста изрыгали пламя, когда, склонившись над котлом, они погружали в него то грязную палку, то свои когтистые костлявые пальцы.

Когда нам вновь сойтись втроем

В дождь, под молнию и гром.⁴

Пьяно раскачиваясь, они плясали на берегу высохшего моря, оскверняя воздух проклятьями, прожигая тьму злобным кошачьим взглядом:

Разом все вокруг котла!

Сыпьте скверну вглубь жерла!

Жарко, жарко, пламя ярко!

⁴ Шекспир, «Макбет» Акт I, сцена 1 (Пер. М.Л. Лозинского).

*Хороша в котле заварка!*⁵

Они остановились, оглядываясь.

— Где магический кристалл? Где иглы?

— Вот они!

— Хорошо, вот хорошо!

— Желтый воск загустел?

— Готов, готов!

— Лейте его в форму! — Все ли получилось как надо? — Они держали в руках восковую фигурку, и мягкий воск прилипал к пальцам, словно желтая патока.

— Теперь иглой его, прямо в сердце!...

— Кристалл, где кристалл? Он там, где гадальные карты. Смахните-ка с него пыль. А теперь глядите в него...

Ведьмы впились глазами в магический кристалл.

— Смотрите, смотрите, смотрите!...

Ракета летела, держа курс на Марс. На ракете один за другим умирали люди.

Командир устало поднял голову.

— Придется дать морфий.

— Но, командир...

— Вы что, не видите, как ему худо? — Командир приподнял шерстяное одеяло. Лежавший под влажной простыней человек пошевелился и застонал. В воздухе запахло жженой серой.

— Я видел... видел! — Умиравший открыл глаза, и взгляд его остановился на иллюминаторе, за которым была космическая бездна, хороводы звезд, где-то бесконечно далеко — планета Земля и совсем близко — огромный красный шар Марса. — Я видел его... огромный упырь с лицом человека... прилип к переднему стеклу... машет крыльями, машет... машет...

— Пульс? — коротко спросил Командир.

Санитар нащупал пульс.

— Сто тридцать.

— Он так долго не выдержит. Дайте ему морфий. Идемте, Смит.

Они проследовали дальше. Казалось, пол был выложен узором из высохших человеческих костей и черепов, застывших в безмолвном крике. Командир шел, стараясь не глядеть под ноги.

— Пирс здесь, не так ли? — сказал он, открывая следующий люк.

Врач в белом халате отошел от распростертого на столе тела.

— Ничего не понимаю.

— Как он умер? Причина смерти?

— Мы не знаем, Командир. Это не сердце, не мозг, не последствия шока. Он просто перестал дышать.

Командир взял врача за запястье, отыскивая пульс. Лихорадочные удары кольнули пальцы словно жало. Лицо Командира оставалось бесстрастным.

— Поберегите себя, доктор. У вас тоже учащенный пульс.

Доктор кивнул головой.

— Пирс жаловался на боль в ногах и запястьях, словно его кололи иголками. Сказал, что тает, будто воск, а потом упал. Я помог ему подняться. Он плакал как дитя. Жаловался, что в сердце у него серебряная игла. А затем он умер. Вот его тело. Если хотите, можем повторить вскрытие. Все органы абсолютно здоровы.

— Невероятно. Должна же быть причина!

Командир подошел к иллюминатору. Он чувствовал, как пахнут ментолом, йодом и медицинским мылом его тщательно ухоженные руки. Белоснежные зубы прополосканы дорогим эликсиром, промытые до блеска уши и розовая кожа лица лоснятся, комбинезон напоминает кусок сверкающей горной соли, начищенные до блеска ботинки похожи на два черных зеркала,

---

⁵ Шекспир, «Макбет» Акт IV, сцена 1 (Пер. М.Л. Лозинского).

от стриженных ежиком волос исходит резкий запах одеколона. Даже дыхание Командира было свежим и чистым, как морозный воздух. На нем не было ни единого пятнышка, ни пылинки. Он напоминал новехонький хирургический инструмент, только что вынутый из автоклава и приготовленный к операции.

И все, кто летел с ним в ракете, были ему под стать. Казалось, в спине у каждого из них — ключик, чтобы заводить их и пускать в действие. Все они были не более как дорогими и затейливыми игрушками, послушными и безотказными.

Командир смотрел, как приближался Марс — он становился все ближе, все огромней.

— Через час посадка на этой проклятой планете. Смит, вам когда-нибудь снились упыри и прочая пакость?

— Снились, сэр. За месяц до старта ракеты из Нью-Йорка. Белые крысы грызли мне шею, сосали кровь. Боялся сказать вам, думал, еще не возьмете с собой.

— Ну ладно, — вздохнул Командир — Я тоже видел сон. Первый за все пятьдесят лет жизни. Он приснился мне за несколько недель до отлета. А потом снился каждую ночь. Будто я белый волк, которого обложили на снежном холме. Меня подстрелили, в теле застряла серебряная пуля. А потом зарыли в землю и в сердце воткнули кол. — Он кивнул в сторону иллюминатора.

— Вы думаете, Смит, они ждут нас?

— Кто знает, марсиане ли там, сэр.

— Кто же тогда? Они начали запугивать нас уже за два месяца до старта. Сегодня они убили Пирса и Рейнольдса. А вчера ослеп Грэвиль. Почему? Никто не знает. Упыри, иголки, сны, люди, умирающие без всякой причины. В другое время я бы сказал, что это смахивает на колдовство. Но мы живем в 2120 году, Смит. Мы разумные люди. Ничего такого не должно случиться, а вот поди же, случается. Кто бы они ни были, эти существа с их упырями и иголками, но они наверняка постараются прикончить нас всех. — Он резко повернулся — Смит, принесите-ка сюда все книги из моего шкафа. Я хочу, чтобы они были с нами при посадке. На столе высилась груда книг — не менее двухсот.

— Спасибо, Смит. Вы заглядывали когда-нибудь в них? Думаете, я сошел сума? Может быть. У меня было предчувствие. Я выписал их из Исторического музея в последнюю минуту. А все из-за этих проклятых снов. Двенадцать ночей подряд меня кололи, резали на куски, визжащий упырь был распят на операционном столе, что-то мерзкое и смердящее хранилось в черном ящике под полом. Кошмарные, страшные сны. Всем нашим ребятам снились кошмары о колдовстве, оборотнях, вампирах и призраках — всякая чертовщина, о которой они прежде и понятия не имели. Почему? Да все потому, что сто лет назад были уничтожены все книги, где об этом говорилось. Был издан такой закон. Он запретил все эти ужасные книги. То, что вы видите сейчас, Смит, — это последние экземпляры. Их сохранили для истории и запрятали в музейные хранилища.

Смит наклонился, пытаясь прочесть названия на пыльных переплетах.

Эдгар Аллан По «Рассказы», Брэм Стокер «Дракула», Мэри Шелли «Франкенштейн», Генри Джеймс «Поворот винта», Вашингтон Ирвинг «Легенда о Сонной лощине», Натаниель Готорн «Дочь Рапачини», Амброз Бирс «Случай на мосту через Совиный ручей», Льюис Кэрролл «Алиса в Стране чудес», Алджернон Блэквуд «Ивы», Фрэнк Баум «Волшебник Изумрудного города», Г.Ф. Лавкрафт «Зловещая тень над Инсмутом». И еще книги Уолтера де ла Мэра, Уэйкфилда, Гарвея, Уэллса, Эсквита, Хаксли. Эти авторы все запрещены. Их книги сожгли в тот самый год, когда перестали праздновать День Всех Святых и Рождество. Зачем нам эти книги, сэр!

— Не знаю, — вздохнул Командир. — Пока не знаю.

Три ведьмы подняли повыше магический кристалл. В нем, мерцая, светилось лицо Командира. До их слуха донеслось еле слышное «Не знаю. Пока не знаю...»

Ведьмы впились друг в друга взглядом.

— Надо спешить, — сказала первая.

— Пора предупредить тех, что в городе.

— Надо сказать им о книгах. Дело плохо. Все этот идиот Командир виноват.

— Через час они посадят здесь свою ракету.

Три старухи содрогнулись и посмотрели на берег высохшего марсианского моря, где высился Изумрудный город. В самой высокой его светелке маленький человек раздвинул пурпурные занавеси на окне. Он смотрел на пустынный ландшафт, туда, где три старые колдуньи варили свое варево и мяли в руках воск. Дальше были видны другие костры, тысячи костров. Сквозь марсианскую ночь плыли легкий, как крылья ночной бабочки, синий дымок благовоний, черный табачный дым и дым костров из траурных еловых веток, туманы, пахнущие корицей и тленом. Маленький человек сосчитал жарко горящие ведьмины костры. Словно почувствовав на себе взгляд трех ведьм, он обернулся. Край опущенной пурпурной занавески упал, полуприкрыв окно, и от этого показалось, что соседний портал мигнул, словно чей-то желтый глаз.

Эдгар Аллан По смотрел в окно башни, и аромат выпитого вина приятно щекотал его ноздри.

— У друзей Гекаты нынче много дел, — сказал он, вглядываясь в силуэты ведьм далеко внизу.

— Я видел, как сегодня их гонял Шекспир, — произнес голос за его спиной. — Там, на берегу моря, собралась вся его рать, их тысячи. Там же три ведьмы, Оберон, отец Гамлета, Пак — все. Я говорю, тысячи. Море людей.

— Славный Вильям. — По обернулся. Занавеска упала, совсем закрыв окно. Он еще стоял какое-то мгновение, глядя на грубую каменную кладку стен, почерневший деревянный стол, свечу и человека, который сидел у стола и от нечего делать зажигал одну спичку за другой и смотрел, как они, догорев, гаснут. Это был Амброз Бирс. Он что-то насвистывал себе под нос, время от времени тихонько посмеиваясь.

— Настало время предупредить мистера Диккенса, — сказал По. — Мы и так слишком долго медлили. В нашем распоряжении считанные часы. Вы пойдете со мной, Бирс?

Бирс живо взглянул на него.

— Я только что подумал, что будет с нами?

— Если не удастся убить их или хотя бы отпугнуть, то нам придется покинуть планету, разумеется. Переселимся на Юпитер, а если они прилетят и туда, тогда на Сатурн, а если они и туда доберутся, у нас есть Уран, Нептун, на худой конец, Плутон.

— А потом?

Лицо Эдгара По казалось усталым, в глазах, затухая, все еще отражались огни костров, в голосе звучала печальная отрешенность, неуместными сейчас казались выразительные жесты и мягкая темная прядь, упавшая на удивительно белый лоб. Казалось, он поверженный демон, полководец, потерпевший поражение. Задумываясь, он имел обыкновение нервно покусывать темные шелковистые усы, от чего они изрядно пострадали. Он был так мал ростом, что его огромный, белый, словно светящийся лоб, казалось, плыл сам по себе в сумерках комнаты.

— У нас есть одно преимущество — более совершенные средства передвижения, — сказал он. — Кроме того, всегда есть надежда на их атомные войны, гибель государств, возврат средневековья, а следовательно, и суеверий. И тогда в один прекрасный вечер мы вдруг все сможем вернуться на Землю. — Темные глаза Эдгара По задумчиво глядели из-под выпуклого сверкающего лба. Он поднял глаза на потолок. — Итак, они летят сюда, чтобы разрушить и этот мир. Не могут примириться с тем, что существует еще что-то, что они не успели осквернить.

— Разве волчья стая успокоится, если уцелела хоть одна овца? — сказал Бирс. — Будет настоящая схватка. Я усядусь где-нибудь в стороне и буду вести счет. Столько-то землян угодило в чан с кипящей смолой, и столько-то Рукописей, найденных в бутылках, брошено в костер, столько-то землян проткнуты иглами, и столько-то Красных смертей пустилось наутек при виде шприца — ха-ха!

Эдгар По качнулся, слегка захмелевший от выпитого вина и гнева.

— Что мы такого сделали? Ради всего святого, будьте с нами, Бирс. Разве критики и рецензенты были справедливы к нашим книгам? О нет! Они просто схватили их своими стерильными щипцами и бросили в чан, чтобы прокипятить и убить вредоносные микробы. Будь они все прокляты!

— Презабавное положение, — промолвил Бирс.

Отчаянный вопль, раздавшийся за дверью, прервал беседу.

— Мистер По! Мистер Бирс!

— Да-да, мы здесь! — Спустившись несколькими ступеньками вниз, они увидели прислонившегося к стене человека. Он задыхался от волнения.

— Вы слышали? — вскричал он, увидев их. Дрожащей рукой он вцепился в них, будто под ногами у него разверзлась бездна. — Через час они будут здесь! Они везут с собой книги! Ведьмы говорят, что это старые книги! А вы отсиживаетесь в башне в такое время! Почему вы ничего не делаете?

— Мы делаем все возможное, Блэквуд. Вам это в новинку. Идемте с нами, мы направляемся к мистеру Чарльзу Диккенсу.

— Чтобы обсудить нашу участь, нашу печальную участь, — добавил Бирс и подмигнул.

Они спускались по лестнице в гулкую пустоту замка, все ниже и ниже, туда, где паутина, пыль и тлен.

— Не волнуйтесь, — говорил По, и его лоб освещал им путь, словно огромная белая лампа, то вспыхивая, то затухая. — Я дал знать всем, кто там, на берегу мертвого моря. Всем вашим и моим друзьям, Блэквуд, и вашим, Бирс, тоже. Они все там. Все зверье, ведьмы и старики с длинными острыми зубами. Ловушки расставлены, колодцы и маятники ждут. И Красная смерть тоже... — он тихонько засмеялся. — Да, Красная смерть. Мог ли я думать, что настанет время, когда понадобится, чтобы на самом деле была Красная смерть? Но они хотят этого и они это получат!⁶

— Достаточно ли мы сильны? — терзался сомнениями Блэквуд.

— А что такое сила? Во всяком случае, для них это будет неожиданностью. У них нет воображения, у этих чистеньких молодых людей в стерильных комбинезонах и шлемах, напоминающих стеклянные аквариумы. Они исповедуют новую религию, на груди у них на золотых цепочках скальпели, на головах диадемы из микроскопов, в руках сосуды с дымящимися благовониями, но на самом деле это всего лишь бактерицидные автоклавы. Они хотят покончить раз и навсегда со всякой чертовщиной. Имена По, Бирса, Готорна, Блэквуда не должны осквернять их стерильные уста.

Выйдя из замка, они пересекли всю в разводящих равнину — озеро не озеро, а нечто мерцающее и призрачное, как в недобром сне. Воздух был полон каких-то звуков, свиста крыльев, вздохов ветра. Бормотание у костров то умолкало, то вновь звучало, фигуры раскачивались. Мистер По видел, как поблескивали вязальные спицы: они вязали, вязали, вязали. Они сулили боль, страдания и зло восковым фигуркам, изображавшим людей. От кипящего котла пахло чесноком, кайенским перцем, дурманяще благоухал брошенный в огонь шафран.

— Продолжайте, — крикнул им По. — Я еще вернусь. На пустынном берегу моря темные фигуры вытянулись, стали расти и вдруг унеслись в небо как черный дым. В далеких горах на башнях зазвонили колокола, и черное воронье, встревоженное бронзовым звоном, взметнулось и рассыпалось в воздухе как пыль.

С одинокого холма По и Бирс торопливо спустились в долину и тут же очутились на мощенной булыжником улочке. Была холодная, унылая погода, к тому же еще туман, и сновавшие взад и вперед прохожие громко топали ногами, чтобы хоть немного согреться; теплились огоньки свечей в окнах контор и лавок, где висели рождественские индейки. Стайка закутанных с ног до головы мальчишек, прославляя Рождество, пела: «Да пошлет вам радость Бог», и их дыхание белыми облачками плыло в морозном воздухе. Часы на башне то и дело оглушительно били полночь. Детишки выбегали из пекарен, крепко держа в грязных ручонках узелки с кастрюльками и подносами, где дымился семейный рождественский обед.

Остановившись под вывеской «СКРУДЖ, МАРЛИ и ДИККЕНС», По взял в руки дверной молоток с лицом Марли и стукнул им в дверь. Она тут же приоткрылась, и веселые звуки музыки

⁶ Аллюзии на темы рассказов Эдгара По.

едва не заставили пришельцев тут же пуститься в пляс. За спиной человека, воинственно наставившего на непрошенных гостей свою острую бородку и усы, виднелся хлопающий в ладоши мистер Физзиуиг и миссис Физзиуиг — одна сплошная улыбка. Эта пара отплясывала так лихо, что то и дело натыкалась на других; пиликала скрипка, и звенел смех, похожий на звон хрустальной люстры, когда ее легонько тронет ветерок. Огромный стол был уставлен блюдами со свинными окороками, индейками и гусями, украшенными ветками остролиста, со сладкими пирогами, молочными поросятами, гирляндами сосисок, апельсинами и яблоками. За столом сидели Боб Кретчит и Крошка Доррит, Малютка Тим и мистер Феджин собственной персоной, и еще человек, действительно похожий на непроваренный кусок говядины, или лишнюю каплю горчицы, или ломтик сыра, или непрожаренную картофелину, — не кто иной, как сам мистер Марли со своей цепью и прочим; вино лилось рекой, а румяная индейка делала то, что ей и положено, — дымилась во всем своем великолепии.⁷

— Что вам угодно? — спросил мистер Чарльз Диккенс.

— Мы снова пришли просить вас, Чарльз. Нам нужна ваша помощь, — промолвил По.

— Помощь? Какая? Вы надеетесь, что я помогу вам расправиться с этими славными ребятами, что летят сюда на ракете? Напрасно. Я здесь случайно. Мои книги сожгли по ошибке. Я никогда не писал страшных и невероятных историй, как вы, По, или вы, Бирс, или другие. У меня нет ничего общего с вами, ужасные вы люди!

— Вы обладаете даром убеждать, — продолжал уговаривать его По. — Вы могли бы встретить их, рассеять их сомнения, усыпить бдительность, а потом — потом мы бы занялись ими.

Диккенс не сводил взгляда с черного плаща, в котором прятал руки Эдгар По. Улыбнувшись, По вытащил из складок плаща черную кошку.

— А это подарок для одного из них.

— А для остальных?

По, довольный, улыбнулся.

— Преждевременное погребение.

— Вы мрачный человек, По.

— Я напуганный и очень разгневанный человек. Я — бог, так же как и вы, мистер Диккенс, как мы все, и все, что было создано нашей фантазией — наши герои, если хотите, — сейчас не только подвергается опасности, но уже изгнано, запрещено, сожжено, разорвано в клочья, вычеркнуто из памяти. Миры, созданные нами, рушатся и гибнут. Даже боги могут восстать.

— Вот как? — Диккенс нетерпеливо вскинул голову: ему хотелось поскорее вернуться к веселому обществу, музыке и вкусной еде. — Тогда, может быть, вы объясните, почему мы все очутились здесь? Как это могло случиться?

— Война порождает войны, разрушение ведет к разрушению. На Земле во второй половине двадцатого века стали запрещать наши книги. О, какая чудовищная казнь — уничтожить все, что мы создали! Именно это побудило нас вернуться. Откуда? Из царства смерти? Небытия? Я не любитель абстракций. Просто я не знаю. Я только знаю, что наши миры, наши творения зывали о помощи, и мы попытались спасти их. Единственной возможностью спасти их было переждать здесь, на Марсе, какую-нибудь сотню лет, пока на Земле станет неспособно от слишком большого количества ученых с их скептицизмом и недоверием. Но они решили прогнать нас и отсюда, нас и нашу фантазию, алхимиков, ведьм, вампиров и оборотней, которые один за другим отступали, по мере того как наука победно шествовала по Земле, покоряя одну страну за другой. У нас нет иного выхода, кроме бегства. Вы должны помочь нам. Вы умеете убеждать. Вы нам нужны.

— Повторяю еще раз, я ничего общего с вами не имею. Я не одобряю ни вас, По, ни других, — сердито вскричал Диккенс. — Я никогда не выдумывал ведьм, вампиров и прочей чертовщины.

— А ваш святочный рассказ с привидениями? Ваша «Рождественская песнь в прозе»?

— Чепуха! Всего один рассказ. Возможно, я еще что-то написал о привидениях, ну и что из

---

⁷ Упомянуты персонажи и сценки из «Рождественской песни в прозе» и других произведений Чарльза Диккенса.

этого? Мои главные книги совсем не об этом, там нет подобной ерунды!

— По ошибке или нет, но они и вас причислили к нам. Они уничтожили и ваши книги, Диккенс, — миры, созданные вами! Вы должны ненавидеть их!

— Я согласен, что они глупы и невежественны, но что из этого? Прощайте.

— Пусть выйдет хотя бы мистер Марли!

— Нет!

Дверь захлопнулась. Когда По спустился вниз по улице, скользя по обледеневшему бульвару, он услышал звук рожка и увидел подъехавший почтовый дилижанс. Из него со смехом и песнями, покрасневшие и оживленные, выкрикивая рождественские поздравления, высыпали члены Пиквикского клуба и что есть мочи заколотили в дверь. Им открыл жирный парень.

Эдгар По торопливо шагал по берегу мертвого моря. На мгновение он задерживался то у одного, то у другого костра, чтобы отдать распоряжения, проверить, хорошо ли кипит котел, достаточно ли зелья и как начертаны мелом магические пентаграммы. «Хорошо!» — восклицал он и спешил дальше. «Отлично!» — кричал он и бежал дальше. Другие бежали за ним. Вот уже присоединились и мистер Коппард с мистером Мэкенем. Все злобные змеи и разгневанные демоны, огнедышащие драконы и шипящие гадюки, трясущиеся ведьмы, ядовитые колючки, жгучая крапива и колючий терновник — все, что некогда оставило на этом печальном берегу отступившее море фантазии, теперь пенилось, бурлило и гневно шипело.

Мистер Мэкен вдруг остановился. Он опустился на холодный песок и заплакал, как ребенок. Его пытались утешить, но безуспешно.

— Я вдруг подумал... — промолвил он, — я подумал, что будет с нами, когда исчезнут последние экземпляры наших книг. Сердитый ветер пронесся мимо.

— Не смейте говорить об этом!

— Но мы должны! — простонал мистер Мэкен. — Именно сейчас, когда ракета сядет, вы, мистер По, вы, Коппард, вы, Бирс, исчезнете. Как дым, развеянный ветром. Ваши лица начнут таять...

— Смерть, смерть всем нам!

— Мы существуем, пока нас терпят на Земле. Если сегодня будет вынесен окончательный приговор и исчезнут последние экземпляры наших книг, мы погаснем, как гаснет огонь.

Коппард печально размышлял.

— Кто я? В чьей памяти на Земле я еще живу? Где? В африканской хижине? Какой —нибудь отшельник, может быть, читает мои рассказы. Последняя свеча, задуваемая ветром времени и науки. Дрожащий слабый огонек, благодаря которому я еще живу в гордом изгнании. Он или, может быть, мальчишка, вовремя нашедший меня на старом чердаке? О, вчера мне было так худо, так худо. У души ведь тоже есть плоть, как есть она у тела, и плоть моей души ныла, каждая ее частичка. Вчера я был свечой, которая вот-вот погаснет, но вдруг пламя разгорелось с новой силой, потому что ребенок там, на Земле, чихая от пыли, нашел на старом чердаке мою потрепанную, изъеденную временем книгу. И вот я вновь получил короткую отсрочку!

В маленькой хижине на берегу громко хлопнула дверь. Небольшого роста человек, изможденный и исхудавший так, что кожа буквально висела на нем, вышел из хижины и, не обращая ни на кого внимания, сел и уставился на свои сжатые кулаки.

— Вот кого мне жаль, — тихо прошептал Блэквуд. — Посмотрите, конец его близок. Когда-то он был более реален, чем мы, люди. Веками его, всего лишь легенду, наделяли розовой плотью, белоснежной бородой, обряжали в красный бархатный тулуп и черные сапоги. Ему дали сани, оленей, серебряную мишуру и ветку остролиста. Столько веков понадобилось, чтобы создать его. А потом взяли и уничтожили, выбросили, как негодную вещь.

Все молчали.

«Как там на Земле без Рождества? — подумал По — Без жареных каштанов, елочных украшений, хлопушек и свечей... Ничего, только снег, ветер и одинокие люди — реалисты...»

Они смотрели на печального старика с тощей бородкой, в выцветшем красном бархатном кафтане.

— Знаете, как это случилось?

— Нетрудно представить. — Фанатик-психиатр, умничающий социолог, с пеной у рта негодующий педагог, лишённые фантазии родители.

— Прискорбное положение Я не завидую торговцам рождественскими подарками, — заметил, усмехнувшись, Бирс. — В последнее время, как мне помнится, они начинали готовиться к сочельнику за день до праздника Всех Святых. Теперь, если в этом есть ещё смысл, пожалуй, начнут уже с сентября...

Бирс внезапно умолк и с печальным стоном рухнул на землю. Падая, он успел прошептать «Как странно». Окаменев от ужаса, они смотрели, как его тело превращается в сизую золу и обугленные кости; хлопья сажи проплыли в воздухе.

— Бирс! Бирс!

— Его нет.

— Погиб последний экземпляр его книги. Кто-то только что сжег ее на Земле.

— Да хранит его бог. Теперь ничего от него не осталось. Ибо кто мы, как не наши книги, и, если гибнут книги, бесследно исчезаем и мы.

В небе нарастал гул.

Испуганно вскрикнув, они посмотрели вверх. Обжигая небосвод огненными выхлопами, летела ракета. На берегу замелькали огни фонарей, послышался скрип, скрежет, бульканье, запахло колдовским варевом. Полые тыквы-черепа со свечами в пустых глазницах поднялись в холодный чистый воздух. Костлявые пальцы сжались в кулак, и вопль вырвался из сухих уст колдуньи:!

*Чур, корабль, остановись!
Сгинь, корабль воспламенись!
Лопни, тресни, развались!
Плоть сушеная колдуньи!
Шерсть ушана в полнолуние!*

— Настал час нам отправляться в путь, — прошептал Блэквуд. — На Юпитер, Сатурн или Плутон.

— Бежать? — крикнул ветру По. — Никогда!

— Я старый человек, я устал.

По взглянул в лицо старику и понял, что тот говорит правду. Он вскарабкался на огромный валун и обратился к тысячам серых теней, болотных огоньков и желтых глаз, к воющему ветру.

— Яды! Зелье! — крикнул он.

Запахло горьким миндалем, мускусом, тмином, фиалковым корнем и полынью.

Ракета снижалась медленно и неотвратно, с воем и стенаниями проклятого всеми грешника Эдгар По неистовствовал. Он вскинул вверх сжатые кулаки, и оркестр из запахов, ненависти и гнева послушно повиновался. Словно сорванные бурей ветки, в воздухе пронеслись летучие мыши. Негодующие сердца, пущенные как ядра, взрывались в опаленном воздухе кровавым фейерверком. Все ниже и ниже, неумолимо как маятник, опускалась ракета.

С гневными проклятиями По попятился назад, а ракета приближалась, сверля и жадно всасывая воздух. Мертвое море стало колодцем, где, как в западне, они ждали, когда опустится злое машина, подобно сверкающему лезвию топора. Их как будто застигла горная лавина.

— Змеи! — крикнул По.

Многоцветные ленты серпантина взметнулись вверх, навстречу ракете. Но она уже села, взвихрив воздух, опалив его пламенем. И вот она лежит, тяжело отдуваясь, опустив огненный хвост на песок, всего в какой-то миле от них.

— Вперед! — неистово вскричал По. — Наш план изменился. У нас теперь лишь один выход. Вперед! Всем вместе на нее! Раздавим ее, убьем их всех!

Казалось, это был приказ разбушевавшимся волнам изменить свой бег, морю вздыбиться и покинуть веками обжитое ложе, яростным вихрям закружиться над песками, огненным потокам устремиться в высохшие русла, буре, ливню, громам обрушиться на берег; заметались тени и с пронзительным визгом и свистом, скуля, лопоча и стеная, устремились к ракете, которая, выключив двигатели, лежала в лощине, как погашенный факел. Словно опрокинули

закопченный котел — разгневанные люди и рычащее зверье, как потоки раскаленной лавы, потекли по безводным милям морского дна.

— Убьем их! — кричал бегущий По.

Люди вышли из ракеты, держа ружья наготове. Настороженно оглядываясь, они принимались, как ищейки. Пусто. Никого. Они облегченно вздохнули.

Последним вышел Командир. Он коротко отдал приказ собрать хворост, разложить костер. Вспыхнуло пламя. Командир приказал всем стать поближе, в полукруг.

— Перед нами новый мир, — начал он, заставляя себя говорить размеренно и спокойно, хотя то и дело с опаской бросал взгляд через плечо на высохшее море за спиной. — Старый мир остался позади, это начало нового мира. Символическим актом мы сейчас еще раз подтвердим свою преданность науке и прогрессу. — И он коротко кивнул лейтенанту: — Книги!

Пламя заиграло на потускневших заглавиях книг: «Ивы», «Чужой», «Смотри, перед тобой мечтатель», «Доктор Джекил и мистер Хайд», «Волшебник Изумрудного города», «Пеллюсидар», «Страна, которую забыло время», «Сон в летнюю ночь» — и ненавистных имен Мэкена, Эдгара По, Кэбелла, Дансени, Блэквуда, Льюиса Кэрролла — старых имен, забытых, преданных анафеме имен.

— Это новый мир. А теперь мы торжественно покончим с тем, что еще осталось от старого.

И Командир вырвал страницу из книги. Он вырывал их одну за другой и бросал в огонь.

Пронзительный крик!

Люди в испуге отпрянули, и их взоры невольно устремились вверх пламени костра, к неровным осыпающимся берегам пустого моря.

Еще крик, высокий и печальный, — предсмертный вопль издыхающего дракона, яростно бьющегося о прибрежную гальку кита, ибо левиафаново море ушло, чтобы не вернуться никогда.

Словно воздух со свистом ворвался в пустоту, где за мгновение до этого что-то было!

Командир аккуратно расправился с последней книгой.

Воздух больше не дрожал.

Тишина.

Люди, пригнув головы, прислушивались.

— Командир, вы слышите?

— Нет.

— Волна, сэр! Там, на дне этого моря! Мне показалось, я даже видел ее. Огромная черная волна. Катится прямо на нас!

— Вам привиделось.

— Смотрите туда, сэр!

— Что еще там?

— Смотрите, смотрите! Город вдалеке! Зеленый город у озера! Он раскололся надвое, он рушится!

Подавшись вперед, люди напрягли зрение.

Смит стоял среди них. Его била дрожь. Он прижал руку ко лбу, силясь что-то вспомнить.

— Я вспомнил! Да-да, вспомнил. Давно-давно, еще в детстве, я читал книгу... Кажется, это была сказка об изумрудном городе. Я вспомнил! «Волшебник Изумрудного города».

— Изумрудного?

— Да, так назывался город. Я видел его сейчас точно таким, как он описан в книге. Он рухнул.

— Смит!

— Да, сэр.

— Приказываю, немедленно к врачу!

— Слушаюсь, сэр! — Смит коротко отдал честь.

— Всем соблюдать осторожность!

Боязливо ступая, держа ружья наготове, люди отделились от ракеты и ее слепящих прожекторов, чтобы получше разглядеть длинное ложе моря и низкие холмы.

— Как? Здесь никого нет? — разочарованно прошептал Смит. — Ни одной живой души?

Ветер, горестно завывая, бросил горсть песка к его ногам.

То ли ночь, то ли утро

No Particular Night or Morning, 1951 год

Переводчик: Т. Шинкарь

За два часа он выкурил пачку сигарет.

— Как далеко мы в космосе?

— Миллиард миль, не меньше.

— Миллиард миль от чего? — спросил Хичкок.

— Смотри что тебе нужно, — ответил Клеменс, который не выкурил пока ни одной сигареты. — Миллиард миль от дома, можно сказать.

— Так и скажи.

— От дома, Земли, Нью-Йорка, Чикаго. От того места, откуда ты родом.

— Я не помню, откуда я, — ответил Хичкок. — Я даже не верю, что существует Земля. А ты веришь?

— Да, — быстро ответил Клеменс. — Сегодня утром она мне приснилась.

— В космосе нет утра.

— Тогда ночью.

— Здесь всегда ночь, — тихо сказал Хичкок. — О какой конкретной ночи ты говоришь?

— Заткнись, — сказал Клеменс, рассердившись. — Дай досказать.

Хичкок раскурил новую сигарету. Рука его не дрожала, но казалось, что она дрожит где-то внутри, под загорелой кожей, дрожит произвольно, сама по себе — такая маленькая неприметная дрожь в руке и огромная — во всем теле. Двое космонавтов сидели на полу палубы обозрения и смотрели на звезды. Глаза Клеменса блестели, взгляд Хичкока был пуст и не выражал ничего, кроме разве легкого недоумения.

— Я проснулся в 05.00 часов, — промолвил он, и казалось, что он обращается к своей правой руке. — Я услышал, что кричу: «Где я был?» И сам отвечаю: «На Земле». «Что такое Земля?» — удивляюсь я. «Это место, где я родился», — говорю я себе. Но это же ничто, и даже хуже, чем ничто. Я не верю тому, чего не вижу, не слышу и что не могу потрогать руками. Я не вижу Землю, почему я должен верить, что она существует? Не верить куда безопасней.

— Она существует, — улыбнувшись, уверенно сказал Клеменс. — Вон та, светящаяся точка — это и есть Земля.

— Это не Земля, это наше Солнце. Отсюда Землю не видно.

— Я вижу ее. У меня хорошая память.

— Это не одно и то же, глупец, — неожиданно рассердился Хичкок. — Я хочу сказать, видеть можно лишь глазами, со мной всегда так было. Если я в Бостоне, то Нью-Йорк для меня мертв. Но когда я в Нью-Йорке, тогда мертв Бостон. Если я не вижу человека хотя бы один день, для меня он умирает. Но, встретив его вновь на улице, Господи, как я радуюсь его воскрешению и чуть не пляшу от счастья, что снова вижу его. Да, так было со мной раньше. Теперь я более не пляшу, просто смотрю на него. Когда же он уходит, для меня он снова мертв.

Клеменс рассмеялся:

— Просто у тебя мозги работают на самом примитивном уровне. Ты ничего не запоминаешь. У тебя нет воображения. Хичкок, старина. Ты должен научиться многое держать в своей памяти.

— А зачем мне помнить о вещах, которыми я не могу пользоваться? — спросил Хичкок, глядя широко открытыми глазами в космос. — Я — человек практичный. Если я не могу видеть Землю и ходить по ней, что ж, прикажешь мне ходить по памяти о Земле, так что ли? Это больно. Воспоминания как однажды сказал мне отец, колючи как иглы дикобраза. К черту их! Подальше от воспоминаний. Они делают человека несчастным, мешают ему работать, доводят до слез.

— А я вот сейчас шагаю по Земле, — сказал Клеменс, мечтательно прищурившись и выпустив струйку дыма.

— Смотри, ты дразнишь дикобраза. Чуть позднее, днем ты почувствуешь, что потерял аппетит и тебе не хочется съесть свой ленч. Ты будешь удивляться и не понимать почему, —

сказал Хичкок глухим ровным голосом. — А все потому, что ты занозил ноги колючками дикобраза и тебе теперь больно. К черту все это! Если я не могу что-то выпить, попробовать на вкус, что-то ущипнуть, кому-то дать пинка, растянуться и полежать на чем-то, тогда, говорю я себе, забудь об этом. Для Земли я умер, что ж, она тоже умерла для меня. Если сегодня вечером в Нью-Йорке никто не оплакивает меня, к черту Нью-Йорк! В космосе нет времен года: нет зимы и лета, нет весны и осени. Нет здесь какого-то конкретного вечера или утра, а есть только космос и более ничего. А в это мгновение здесь мы с тобой и эта ракета. Но реально существующим я ощущаю только себя. Вот и все.

Клеменс словно и не слушал его.

— А я вот беру монету и бросаю ее в телефон-автомат, — промолвил он с медленной улыбкой, наглядно показывая, как это делает. — И звоню своей подружке в Эванстаун: — Алло, Барбара!

Ракета продолжала свой полет.

Ровно в 13.05 звонок собрал всех на ленч. Команда бесшумно, в подбитых резиной ботинках, мгновенно заняла свои места за столами с мягкой обивкой.

Клеменс вдруг понял, что ему совсем не хочется есть.

— Что я тебе говорил, — тут же заметил это Хичкок. — Вот тебе твои чертовы дикобразы! Забудь о них, как я тебе говорил. Смотри, какой у меня аппетит, — произнес он все это монотонным, неживым голосом, без тени юмора или злорадства. — Следи за мной, — он положил в рот солидный кусок пирога, проверил языком его мягкость, затем перевел взор на остатки пирога на тарелке, тронул его вилкой, нажал и стал мять лимонную начинку, следя, как она брызжет струйками меж зубцов вилки. Затем он ощупал рукой бутылку с молоком и наполнил им стакан, прислушиваясь к звуку льющегося молока. При этом он так пристально смотрел на молоко, словно ждал, что оно побелеет еще больше, и так быстро осушил стакан, что едва ли распробовал вкус молока. Свой ленч он съел в считанные минуты, лихорадочно забрасывая пищу в рот, а съев все, стал поглядывать по сторонам, нельзя ли прихватить еще что-нибудь. Но поблизости все уже было съедено. После этого он снова тупо уставился в иллюминатор, где видел космос и ракету.

— Все это нереально, — вдруг сказал он.

— Что? — спросил Клеменс.

— Звезды. Кто-нибудь хоть раз дотронулся до одной из них? Я вижу их, это верно, но что за радость видеть то, что удалено от тебя на миллион, а то и миллиард миль? Стоит ли думать о том, что так далеко от тебя?

— Зачем ты полетел? — неожиданно спросил Клеменс. Хичкок заглянул в свой досуха пустой стакан и, крепко зажав его в руке, отпустил и снова сжал.

— Не знаю, — он провел языком по краю стакана. — Просто должен был, вот и все. Разве ты всегда знаешь, почему совершаешь те или иные поступки в своей жизни?

— Тебе нравилась идея путешествия в космос? Перемена мест?

— Не знаю. Впрочем, да. Хотя нет. Важна не перемена мест, а важен момент, когда находишься между ними. — Хичкок впервые попытался сосредоточить свой взгляд на чем-то конкретном за иллюминатором, но туманность была столь далекой и неопределенной в своих очертаниях, что его взгляд не мог за что-либо уцепиться, и его лицо и руки выражали предельное напряжение. — Главное — это космос и его необъятность. Мне всегда нравилась его идея: пустота сверху, пустота снизу и еще большая пустота между ними, а в ней я.

— Никогда еще не слышал, чтобы кто-то так говорил о космосе.

— Вот видишь, я это сказал. Надеюсь, ты меня слышал.

Хичкок вынул новую пачку сигарет и закурил, жадно затягиваясь и выпуская клубы дыма.

— Каким было твое детство, Хичкок? — спросил Клеменс.

— Я никогда не был молодым. Тот Хичкок, каким я был, умер. Вот тебе еще один пример колючек памяти. Я не хочу сесть на них голым задом, спасибо. Я всегда считал, что умираешь каждый день и каждый день тебя ждет аккуратный деревянный ящик с твоим номером. Но никогда не надо возвращаться назад, поднимать крышку ящиков и глядеть на себя того, прошлого. Ты умираешь в своей жизни не одну тысячу раз, а это уже горы мертвяков, и каждый

раз ты умираешь по-своему, с другой гримасой на лице, которая раз от раза становится все ужасней. Ведь каждый день — ты другой, себе незнакомый, кого ты уже не понимаешь и не хочешь понимать.

— Таким манером ты отрезаешь себя от своего прошлого.

— Что общего у меня с молодым Хичкоком, какое мне дело до него? Он был круглым дураком, которого вечно отовсюду выгоняли, кем помыкали, кого лишь использовали в своих целях. У молодого Хичкока был никудышный отец, и он был рад смерти своей матери, потому что она была не лучше. Неужели я должен вернуться назад, чтобы поглядеть на то, каким было лицо отца в день его смерти, и позлорадствовать? Он тоже был дураком.

— Мы все — дураки, — промолвил Клеменс, — и всегда ими были. Только мы считаем, что меняемся с каждым днем. Просыпаешься и думаешь: «Нет, сегодня я уже не дурак. Я получил свой урок. Вчера я был дураком, но сегодня утром — нет». А завтра понимаешь, что как был дураком, так им и остался. Мне кажется, что выход здесь один: чтобы выжить и чего-то добиться, надо примириться с тем, что мы несовершенны, и жить по этой мерке.

— Я не хочу вспоминать о несовершенном, — заявил Хичкок. — Я не могу пожалеть руку молодому Хичкоку, понимаешь? Где он сейчас? Ты можешь найти его для меня? Он умер, ну так и черт с ним! Я не строю свое завтра с учетом глупостей, которые наделал вчера.

— Ты все неправильно понял.

— Тогда оставь меня таким, каков я есть. — Хичкок, закончив ленч, продолжал сидеть за столом и глядеть в иллюминатор. Остальные космонавты странно поглядывали на него.

— Метеориты и вправду существуют? — вдруг спросил Хичкок.

— Ты, черт побери, отлично знаешь, что существуют.

— На экране нашего радара — да, такие светящиеся прочерки в космосе. Нет, я не верю ничему, что существует или происходит не в моем присутствии. Иногда, — он кивнул на космонавтов, заканчивающих свою трапезу, — иногда я не верю ни в кого и ни во что, кроме себя. — Он выпрямился. — Тут есть лестница, ведущая на верхний этаж корабля?

— Да.

— Я должен немедленно ее видеть.

— Не надо так нервничать, друг.

— Жди меня здесь, я скоро вернусь. — Хичкок быстро вышел.

Космонавты продолжали медленно дожевывать пищу. Прошло какое-то время, и, наконец, один из них поднял голову от тарелки:

— Как давно он такой? Я имею в виду Хичкока.

— Только сегодня.

— Вчера он тоже был чудной.

— Да, но сегодня с ним намного хуже.

— Кто-нибудь сообщил об этом психиатру?

— Мы думали, что обойдется. Каждый проходит через это, впервые попав в космос. Со мной тоже такое было. Сначала начинаешь философствовать без всякого удержу, а потом трясешься от страха. Покрываешься холодным потом, сомневаешься в родных отце и матери, не веришь, что есть Земля, и в конце концов напиваешься до чертиков. А потом просыпаешься с дурной башкой и все проходит.

— Хичкок ни разу не напивался, — заметил кто-то. — А ему не помешало бы хорошенько напиться.

— Не знаю, как он прошел отборную комиссию?

— А как прошли ее мы? Им нужны люди. Космос отпугивает людей. Большинство боится его до чертиков. Так что в комиссии не особо придираются при отборе и легко признают человека годным.

— Этот при всех скидках не может быть признан годным, — опять сказал кто-то. — Он из тех, кому все нипочем. От него всего можно ждать.

Прошло пять минут. Хичкок не возвращался.

Клеменс, не выдержав, встал и по винтовой лестнице поднялся на полетную палубу. Хичкок был там. Он с нежностью прикоснулся рукой к перегородке.

— Она существует, — говорил он себе.

— Конечно, существует.

— Я боялся, что ее нет. — Хичкок внимательно посмотрел на Клеменса. — И ты жив.

— Жив, и уже немало лет.

— Нет, — возразил Хичкок. — Сейчас, в данную минуту, пока ты здесь, рядом со мной, ты жив. Мгновение назад тебя не было, ты был ничем.

— Для себя я был всем, — не согласился Клеменс.

— Это не имеет значения. Тебя не было со мной, — настаивал Хичкок. — А это главное.

Команда внизу?

— Да.

— Ты можешь это доказать?

— Послушай, Хичкок, тебе лучше показаться доктору Эдвардсу. Мне кажется, ты нуждаешься в его помощи.

— Нет, со мной все в порядке. А кто здесь доктор, кстати? Ты мне можешь доказать, что он на ракете?

— Могу. Все, что нужно сделать, — это позвать его сюда.

— Нет, я имею в виду, что, стоя вот здесь в эту самую минуту, ты никак не можешь доказать мне, что он на ракете. Разве я не прав?

— Конечно, не двигаясь и оставаясь здесь с тобой, я не смогу этого сделать.

— Вот видишь. У тебя нет возможности доказать это с помощью твоих умственных усилий.

А мне нужно именно такое доказательство, чтобы я его почувствовал. Материальные доказательства, за которыми надо сбегать и притащить сюда, мне не нужны. Я хочу, чтобы доказательство можно было держать в уме, потрогать его, почувствовать его запах, ощущать его целиком. Но это невозможно. Чтобы верить в существование вещи, ты должен постоянно иметь ее при себе. Землю в карман не положишь или же человека. А я хочу добиться того, чтобы всегда иметь при себе любую вещь. Чтобы я мог верить в ее существование. Это так обременительно — куда-то идти, брать что-то физически существующее, лишь бы доказать что-то. Я не люблю реальные вещи, потому что их всегда можно забыть где-нибудь или оставить, а потом перестать в них верить.

— Таковы правила игры.

— Я хочу поменять их. Разве плохо было бы подтверждать наличие той или иной вещи или человека простым усилием ума и всегда быть уверенным, что каждая вещь на своем месте? Я всегда бы знал, как выглядит то или другое место, когда меня там нет. Я хотел бы быть в этом уверенным.

— Это невозможно.

— Знаешь, — мечтательно промолвил Хичкок, — первая мысль о том, чтобы попасть в космос, пришла мне лет пять назад. Как раз в это время я потерял работу. Я хотел стать писателем. Да, одним из тех, кто много говорит и мало пишет. Это все народ вспльчивый, раздражительный. Поэтому, когда я потерял свою хорошую работу и ушел из издательского дела, я так и не смог ничего себе найти. Тогда-то все и покатило под гору. А тут еще умерла жена. Как видишь, ничего нет постоянного, ничто не стоит там, где ты его поставил. На материальные вещи нельзя полагаться. Сынишку пришлось отдать на попечение тетке, дела шли все хуже, как вдруг однажды был напечатан рассказ под моим именем, но он не был моим.

— Я что-то не понимаю.

Лицо Хичкока было бледным и покрылось испариной.

— Могу только сказать, что я смотрел на страницу напечатанного рассказа, где под его названием стояло мое имя: «Джозеф Хичкок», и знал, что это не я, а кто-то другой. Не было никакой возможности доказать, действительно доказать, что человек, написавший рассказ, был именно я. Рассказ мне был знаком, я знал, что писал его, но имя на бумаге не означало, что это я, — просто какой-то символ, чье-то имя. И оно было мне чужим. Вот тогда-то я и понял, что даже карьера преуспевающего писателя ничего не будет значить для меня, потому что я не смогу отождествить себя со своим именем. Все будет пыль и тлен. С тех пор я больше не писал. Найдя через несколько дней рассказы в ящике стола, я не был уверен, что они написаны мною, хотя помнил, что сам печатал их на машинке. Всегда мешало это непонятное отсутствие доказательства, этот разрыв между процессом создания и уже созданной вещью. То, что уже

создано, становится мертвым и не может служить доказательством, ибо это уже не действие. Реально лишь действие. А лист бумаги, где оно запечатлено и завершено, как бы уже не существует, оно невидимо. На доказательстве, что было действие, ставится точка. Остается только память о нем, а я не доверяю своей памяти. Могу я доказать, что я написал эти рассказы? Нет, не могу. Может это сделать любой автор? Я имею в виду — сделать действие доказательством. Нет. По сути дела, нет. Если только кто-то не будет присутствовать рядом и видеть, как ты печатаешь. А что, если ты не сочинишь, а пишешь что-то по памяти? Тогда, когда работа сделана, доказательством становится только память. Так я стал везде и во всем искать этот разрыв между действием и его итогом. Я находил эти разрывы во всем. Я стал сомневаться, был ли я женат, есть ли у меня сын, была ли у меня когда-нибудь в жизни работа. Я сомневался, что родился в штате Иллинойс, что мой отец был пьяницей, а для матери я доброго слова не мог найти. Ничего этого я уже не был способен доказать. Конечно, мне могут сказать: «Ты, такой-сякой, сам хорош» и прочее, но разве в этом дело?

— Тебе бы лучше выбросить все это из головы, — назидательно сказал Клеменс.

— Не могу. Эти разрывы, бреши и пространства без конца и края навели меня на мысль о космосе и звездах. Мне захотелось попасть в космос, в это ничто, на металлической, но хрупкой, как яичная скорлупа, ракете, подальше от этих мест с их разрывами и невозможностью доказательств. Я вдруг понял, что счастье я обрету только в космосе. Прилетев на Альдебаран-II, я тут же подпишу контракт на обратный пятилетний полет на Землю, а потом, как челнок, буду летать туда и обратно до конца дней своих.

— Ты говорил об этом с психиатром?

— Чтобы он зацементировал бреши и разрывы, наполнил пропасти памяти шумом и теплой водой, словами и прикосновением рук, и всем прочим. Нет, благодарю покорно. — Хичкок умолк. — Мне становится все хуже, как ты считаешь? Я подумал уже об этом. Сегодня утром, проснувшись, я подумал, что мне стало хуже. А может, лучше? — Он снова умолк и покосился на Клеменса. — Ты здесь? Ты действительно здесь? А ну, докажи.

Клеменс достаточно сильно ударил его по руке.

— Да, — успокоился Хичкок, потирая руку, внимательно осматривая ее и массируя. — Ты был здесь. Всего какую-то долю секунды. А теперь я не знаю, здесь ли ты.

— Скоро увидимся, — бросил на ходу Клеменс и поспешил за врачом.

Зазвонили звонки сигнализации тревоги. Один, второй, третий. Ракета вздрогнула, словно кто-то дал ей основательного пинка. Послышался неприятный сосущий звук, какой издал пылесос. Клеменс услышал крики и втянул в себя разреженный воздух, который со свистом проносился мимо его ушей. Вскоре стало пусто в носу, опустели легкие. Ноги Клеменса споткнулись. Но тут же свист уходящего воздуха прекратился.

— Метеорит! — крикнул кто-то.

— Брешь заделана, — послышался ответ.

Так оно и было. Наружное аварийное устройство «паук» уже сделало свое дело, наложив горячую металлическую заплату на дыру в корпусе ракеты и накрепко приварив ее.

Клеменс слышал чей-то несмолкающий голос, потом крик и побежал по коридору, уже снова наполнявшемуся свежим неразрезанным воздухом. Взглянув на перегородку, он увидел свежую заделанную дыру и обломки метеорита на полу, словно куски сломанной игрушки. В сборе были все: капитан, врач и члены команды. На полу лежал Хичкок. Закрыв глаза, он выкрикивал снова и снова:

— Он пытался убить меня! Он пытался убить меня!

Его подняли и поставили на ноги.

— Это не должно было случиться, — твердил Хичкок. — Такого не должно быть, разве я не прав? Он целился в меня. Почему он это сделал?

— Все в порядке, Хичкок, все в порядке, — успокаивал его капитан.

Доктор в это время перевязывал небольшой порез на руке Хичкока. Тот, подняв голову, встретил взгляд Клеменса.

— Он хотел убить меня, — объяснил он другу.

— Я знаю, — успокоил его Клеменс.

Прошло семнадцать часов. Ракета продолжала полет. Клеменс зашел за перегородку и стал ждать. Теперь лишь капитан и психиатр были с Хичкоком. Он сидел на полу, поджав к груди ноги и крепко обхватив их руками.

— Хичкок! — окликнул его капитан.

Молчание.

— Хичкок, послушайте меня, — попытался в свою очередь психиатр.

Заметив Клеменса, они обратились к нему:

— Вы его друг?

— Да.

— Вы готовы нам помочь?

— Если смогу.

— Это все проклятый метеорит, — буркнул капитан. — Если бы не он, ничего бы с ним не произошло.

— Рано или поздно это произошло бы все равно, — заметил психиатр. — Попробуйте поговорить с ним, — обратился он к Клеменсу.

Клеменс медленно подошел к Хичкоку и, склонившись над ним, легонько потряс его за руку:

— Эй, Хичкок, очнись.

Молчание.

— Это я, Клеменс, — попробовал он снова. — Смотри, я здесь. — Он похлопал Хичкока по руке. Потом стал массировать его застывшую в напряжении шею, спину, склоненную к коленям голову. Он взглянул на психиатра, тот лишь тихонько вздохнул.

Капитан пожал плечами:

— Шоковая терапия, доктор?

Психиатр кивнул:

— Начнем через час.

«Да, — подумал Клеменс, — выведение человека из шокового состояния. Дайте ему порцию джазовой музыки, помашите перед его носом бутылкой со свежей хлорофилловой настойкой или вином из одуванчиков, постелите под ноги ковер из зеленой травы, разбрызгайте в воздухе духи „Шанель“, подстригите ему волосы, обрежьте ногти, приведите ему женщину, кричите и топайте на него ногами, раздавите его и поджарьте на электричестве, заполните все мучающие его разрывы и бреши, но как быть с доказательствами? Способны ли вы все время представлять их ему так, чтобы он в них поверил? Вы не можете занимать внимание ребенка погремушкой или свистком каждую ночь в течение тридцати лет. Когда-то надо остановиться. Но когда вы сделаете это, он снова будет для вас потерян, если, конечно, вы для него вообще существуете».

— Хичкок! — крикнул Клеменс так громко, как только мог, в полном отчаянии, словно сам стоял на краю пропасти. — Это я, твой друг! Эй, очнись!

Клеменс повернулся и вышел при полном молчании остальных.

Двенадцать часов спустя снова раздался сигнал тревоги.

Когда все сбежались и топот ног затих, капитан все объяснил:

— Хичкок, воспользовавшись тем, что остался один, надел скафандр и вышел в космос.

Один.

Клеменс часто моргая, силился увидеть в огромном стекле иллюминатора расплывающиеся пятна звезд и далекую густую темноту космоса.

— Теперь он там, — наконец промолвил он.

— Да. Где-то в миллионе миль от нас. Нам теперь его не найти. Я сразу понял, что он там, когда услышал, что на пульте заработало радио и раздался его голос. Он разговаривал сам с собой.

— Что он говорил?

— Что-то вроде: «Нет никаких теперь ракет. Никаких. И людей тоже. Во всей Вселенной. Да и не было их. Никаких деревьев и прочих растений, и никаких звезд». Вот что он говорил. Потом то же самое начал говорить о своих руках и ногах. Никаких, мол, рук у него нет и не было

никогда. «Никаких ног. Где доказательства, что они у меня были? Да и тело тоже. Ни губ, ни лица, ни головы у меня нет и было. Только космос, только брешь, разрыв...»

Все молча смотрели в иллюминатор на далекие холодные звезды.

«Космос, — думал Клеменс. — Хичкок по-настоящему любил космос. Пустота сверху, пустота снизу и огромная зияющая пустота посередине, а в ней Хичкок, падающий вниз, через это ничто навстречу то ли ночи, то ли утру.»

Кошки-мышки

The Fox and the Forest, 1950 год

Переводчик: Н. Галь

В первый же вечер любовались фейерверком — пожалуй, эта пальба могла бы и напугать, напомнить вспышки не столь безобидные, но уж очень красивое оказалось зрелище — огненные ракеты взмывали в древнее ласковое небо Мексики и рассыпались ослепительно белыми и голубыми звездами. И все было чудесно, в воздухе смешалось дыхание жизни и смерти, запах дождя и пыли, из церкви тянуло ладаном, от эстрады — медью духового оркестра, выведившего протяжную трепетную мелодию «Голубки». Церковные двери распахнуты настежь, и казалось, внутри пылают по стенам гигантские золотые созвездия, упавшие с октябрьских небес: ярко горели и курились тысячи и тысячи свечей. Над площадью, выложенной прохладными каменными плитами, опять и опять вспыхивал фейерверк, раз от разу удивительней, словно пробегали невиданные кометы-канатоходцы, ударялись о глинобитные стены кафе, взлетали на огненных нитях выше колокольни, где мелькали босые мальчишечьи ноги — мальчишки подскакивали, приплясывали и без усталости раскачивали исполинские колокола, и все окрест гудело и звенело. По площади метался огненный бык, преследуя смеющихся взрослых и радостно визжащих детишек.

— Тысяча девятьсот тридцать восьмой, — с улыбкой сказал Уильям Трейвис. — Хороший год.

Они с женой стояли чуть в сторонке, не смешиваясь с крикливой, шумной толпой.

Бык внезапно кинулся прямо на них. Схватившись за руки, низко пригнувшись, они с хохотом побежали прочь мимо церкви и эстрады, среди оглушительной музыки, шума и гама, под огненным дождем, под яркими звездами. Бык промчался мимо — хитроумное сооружение из бамбука, брызжущее пороховыми искрами, его легко нес на плечах быстроногий мексиканец.

— Никогда в жизни так не веселилась! — Сьюзен Трейвис остановилась перевести дух.

— Изумительно, — сказал Уильям.

— Это будет долго-долго, правда?

— Всю ночь.

— Нет, я про наше путешествие.

Уильям сдвинул брови и похлопал себя по нагрудному карману.

— Аккредитивов у меня хватит на всю жизнь. Знай развлекайся. Ни о чем не думай. Им нас не найти.

— Никогда?

— Никогда.

Теперь кто-то, забравшись на гремящую звоном колокольню, пускал огромные шутихи, они шипели и дымили, толпа внизу пугливо шарахалась, шутихи с оглушительным треском рвались под ногами танцующих. Пахло жареными в масле маисовыми лепешками так, что слюнки текли; в переполненных кафе люди, сидя за столиками, поглядывали на улицу, в смуглых руках пенились кружки пива.

Быку пришел конец. Огонь в бамбуковых трубках иссяк, и он испустил дух. Мексиканец снял с плеч легкий каркас. Его тучей облепили мальчишки, каждому хотелось потрогать великолепную голову из папье-маше и самые настоящие рога.

— Пойдем посмотрим быка, — сказал Уильям.

Они проходили мимо входа в кафе, и тут Сьюзен увидела — на них смотрит тот человек, белокожий человек в белоснежном костюме, в голубой рубашке с голубым галстуком, лицо

худощавое, загорелое. Волосы у него прямые, светлые, глаза голубые, и он в упор смотрит на них с Уильямом.

Она бы его и не заметила, если б у его локтя не выстроилась целая батарея бутылок: пузатая бутылка мятного ликера, прозрачная бутылка вермута, графинчик коньяку и еще семь штук разных напитков, и под рукой — десяток неполных рюмок; неотрывно глядя на улицу, он потягивал то из одной рюмки, то из другой, порою жмурился от удовольствия и, смакуя, плотно сжимал тонкие губы. В другой руке у него дымилась гаванская сигара, и рядом на стуле лежали десятка два пачек турецких сигарет, шесть ящиков сигар и несколько флаконов одеколона.

— Билл... — шепнула Сьюзен.

— Спокойно, — сказал муж. — Это не то.

— Я видела его утром на площади.

— Идем, не оглядывайся. Давай осматривать быка. Вот так, теперь спрашивай.

— По-твоему, он Сыщик?

— Они не могли нас выследить!

— А вдруг?

— Отличный бык! — сказал Уильям владельцу сооружения из папье-маше.

— Неужели он гнался за нами по пятам через двести лет?

— Осторожней, ради бога, — сказал Уильям.

Сьюзен пошатнулась. Он крепко сжал ее локоть и повел прочь.

— Держись. — Он улыбнулся: нельзя привлекать внимание. — Сейчас тебе станет лучше. Давай пойдем туда, в кафе, и выпьем у него перед носом, тогда, если он и правда то, что мы думаем, он ничего не заподозрит.

— Нет, не могу.

— Надо. Идем. Вот я и говорю Давиду — что за чепуха! — Последние слова он произнес в полный голос, когда они уже поднимались на веранду кафе.

"Мы здесь, — думала Сьюзен. — Кто мы? Куда идем? Чего боимся? Начнем с самого начала, — говорила она себе, ступая по глинобитному полу. — Только бы не потерять рассудок.

Меня зовут Энн Кристен, моего мужа — Роджер. Мы из две тысячи сто пятьдесят пятого года. Мы жили в страшном мире. Он был точно огромный черный корабль, он покинул берега разума и цивилизации и мчался во тьму, трубя в черный рог, и уносил с собою два миллиарда людей, не спрашивая, хотят они этого или нет, к гибели, за грань суши и моря, в пропасть радиоактивного пламени и безумия".

Они вошли в кафе. Тот человек не сводил с них глаз.

Где — то зазвонил телефон.

Сьюзен вздрогнула. Ей вспомнилось, как звонил телефон в Будущем, через двести лет, в голубое апрельское утро 2155 года, и она сняла трубку.

— Энн, это я, Рене! — раздалось тогда в трубке. — Слыхала?

Про Бюро путешествий во времени слыхала? Можно ехать, куда хочешь — в Рим за двести лет до Рождества Христова, к Наполеону под Ватерлоо, в любой век и в любое место!

— Ты шутишь, Рене.

— И не думаю. Клинтон Смит сегодня утром отправился в Филадельфию, в тысяча семьсот семьдесят шестой. Это Бюро все может. Деньги, конечно, бешеные. Но ты только подумай — увидеть своими глазами пожар Рима! И Кублай-хана, и Моисея, и Красное море! Проверь почту, наверно, и тебе уже прислали рекламу.

Она открыла пневматичку и вынула рекламное объявление на тонком листе фольги:

***РИМ И СЕМЕЙСТВО БОРДЖИА!
БРАТЯ РАЙТ НА «КИТТИ ХОК»!***

Бюро путешествий во времени обеспечит вас костюмами любой эпохи, перенесет в толпу очевидцев убийства Линкольна или Цезаря! Мы обучим вас любому языку, и вы легко освоитесь в какой угодно стране, в каком угодно году. Латынь, греческий, разговорный древнеамериканский — на выбор. Путешествие во времени — лучший отдых!

В трубке все еще жужжал голос Рене:

— Мы с Томом завтра отправляемся в тысяча четыреста девяносто второй. Ему обещали место на корабле Колумба. Изумительно, правда?

— Да, — пробормотала ошеломленная Энн. — А правительство как относится к этому Бюро с Машиной времени?

— Ну, полиция за ними присматривает. А то люди станут удирают от воинской повинности в Прошлое. На время поездки каждый обязан передать властям свой дом и все имущество в залог, что вернется. Не забудь, у нас война.

— Да, конечно, — повторила Энн. — Война.

Она стояла с телефонной трубкой в руках и думала: «Вот он, счастливый случай, о котором мы с мужем говорили и мечтали столько лет! Нам совсем не нравится, как устроен мир в две тысячи сто пятьдесят пятом. Ему опостылело делать бомбы на заводе, мне — разводить в лаборатории смертоносных микробов, мы бы рады бежать от всего этого. Может быть, вот так нам удастся ускользнуть в глубь веков, в дебри прошлых лет, там нас никогда не разыщут, не вернут в этот мир, где жгут наши книги, обыскивают мысли, держат нас в вечном испепеляющем страхе, командуют каждым нашим шагом, орут на нас по радио...»

Они были в Мексике в 1938 году. Сьюзен смотрела на размалеванную стену кафе. Тем, кто хорошо работал на Государство Будущего, разрешалось во время отпуска развлекаться и отдохнуть в Прошлом. И вот они с мужем отправились в 1938 год, сняли комнату в Нью-Йорке, ходили по театрам, полюбовались на зеленую статую Свободы, которая все еще стояла в порту. А на третий день переменили одежду и имена и сбежали в Мексику!

— Конечно, это он, — прошептала Сьюзен, глядя на незнакомца за столиком. — Смотри, сигареты, сигары, бутылки. Они выдают его с головой. Помнишь наш первый вечер в Прошлом?

Месяц назад, перед тем как удрать, они провели свой первый вечер в Нью-Йорке, смаковали странные напитки, наслаждались непривычными яствами, купили уйму духов, перепробовали десятки марок сигарет — ведь в Будущем почти ничего нет, там все пожирает война. И они делали глупость за глупостью, бегали по магазинам, барам, табачным лавчонкам и возвращались к себе в номер в блаженном одурении, еле живые.

И этот незнакомец ведет себя ничуть не умнее, так может поступать только человек из Будущего, за долгие годы стосковавшийся по вину и табаку.

Сьюзен и Уильям сели за столик и спросили вина.

Незнакомец так и сверлил их взглядом: как они одеты, как причесаны, какие на них драгоценности, изучал походку и движения.

— Сиди спокойно, — одними губами шепнул Уильям. — Держись так, будто ты в этом платье и родилась.

— Напрасно мы все это затеяли.

— О Господи, — сказал Уильям, — он идет сюда. Ты молчи, я сам с ним поговорю.

Незнакомец подошел и поклонился. Чуть слышно щелкнули каблук. Сьюзен окаменела. Ох уж это истинно солдатское щелканье, его ни с чем не спутаешь, как и резкий, ненавистный стук в дверь среди ночи.

— Мистер Роджер Кристен, — сказал незнакомец, — вы не подтянули брюки, когда сядились.

Уильям похолодел. Опустил глаза — руки его лежали на коленях, как ни в чем не бывало. У Сьюзен неистово колотилось сердце.

— Вы обознались, — поспешно сказал Уильям. — Моя фамилия не Крислер.

— Кристен, — поправил незнакомец.

— Меня зовут Уильям Трейвис. И я не понимаю, какое вам дело до моих брюк.

— Виноват. — Незнакомец придвинул себе стул. — Скажем так: я вас узнал именно потому, что вы НЕ подтянули брюки. А все подтягивают. Если не подтягивать, они быстро вздуваются на коленях пузырями. Я заехал очень далеко от дома, мистер... Трейвис, и ищу, кто бы составил мне компанию. Моя фамилия Симс.

— Сочувствуем вам, мистер Симс, одному, конечно, скучно, но мы устали. Завтра мы уезжаем в Акапулько.

— Премилое местечко. Я как раз оттуда, разыскивал там друзей. Они где-то поблизости. Я их непременно отыщу... Вашей супруге дурно?

— Спокойной ночи, мистер Симс.

Они пошли к выходу. Уильям крепко держал Сьюзен под руку. Симс крикнул вдогонку:

— Да, вот еще что...

Они не обернулись. Он чуть помедлил и отчетливо, отдельно произнес:

— Год две тысячи сто пятьдесят пятый.

Сьюзен закрыла глаза, земля уходила из-под ног. Как слепая, она вышла на сверкающую огнями площадь.

Они заперлись в номере. И вот они стоят в темноте, и она плачет, и кажется, вот — вот на них обвалятся стены. А вдалеке с треском вспыхивает фейерверк, и с площади доносятся взрывы смеха.

— Такая наглость! — сказал Уильям. — Сидит и дымит сигаретами, черт бы его побрал, хлещет коньяк и оглядывает нас с головы до пят, как скотину. Надо было мне пристукнуть его на месте! — Голос Уильяма дрожал и срывался. — У него даже хватило нахальства сказать свое настоящее имя! Начальник Сыскного бюро. И эта дурацкая история с брюками. Господи, и почему я их не подтянул, когда садился. Для этой эпохи самый обычный жест, все их поддегивают машинально. А я сел не так, как все, и он сразу насторожился: ага, человек не умеет обращаться с брюками! Видно, привык к военной форме или к полувоенной, как полагается в Будущем. Убить меня мало, я же выдал нас с головой!

— Нет, нет, во всем виновата моя походка — эти высокие каблуки... И наши прически, стрижка... видно, что мы только-только от парикмахера. Мы такие неловкие, держимся неестественно, вот и бросаемся в глаза.

Уильям зажег свет.

— Он пока нас испытывает. Он еще не уверен... не совсем уверен. Значит, нельзя просто удрать. Тогда он будет знать наверняка. Мы преспокойно поедем в Акапулько.

— А может, он и так знает, просто забавляется, как кошка с мышью.

— С него станется. Время в его власти. Он может околачиваться здесь сколько душе угодно, а потом доставит нас в Будущее ровно через минуту после того, как мы оттуда отбыли. Он может держать нас в неизвестности много дней и насмехаться над нами.

Сьюзен сидела на постели, вдыхая запах древесного угля и ладана — запах старины, — и утирала слезы.

— Они не поднимут скандала, как по-твоему?

— Не посмеют. Чтобы впихнуть нас в Машину времени и отправить обратно, им нужно застать нас одних.

— Так вот же выход, — сказала Сьюзен. — Не будем оставаться одни, будем всегда на людях. Заведем кучу друзей и знакомых, станем ходить по базарам, останавливаться в лучших отелях и в каждом городе, куда ни приедем, будем обращаться к властям и платить начальнику полиции, чтоб нас охраняли, а потом придумаем, как избавиться от Симса — убьем его, переоденемся по-другому, хотя бы мексиканцами, и скроемся.

В коридоре послышались шаги.

Они погасили свет и молча разделись. Шаги затихли вдали. Где-то хлопнула дверь.

Сьюзен стояла в темноте у окна и смотрела на площадь.

— Значит, вон то здание — церковь?

— Да.

— Я часто думала, какие они были — церкви. Их давным-давно никто не видал. Может, пойдем завтра посмотрим?

— Конечно, пойдем. Ложись-ка.

Они легли, в комнате было темно. И вот зазвонил телефон.

— Слушаю, — сказала Сьюзен.

И голос в трубке произнес:

— Сколько бы мыши ни прятались, кошка все равно их изловит. Сьюзен опустила трубку и, похолодев, вытянулась на постели. За стеной, в году тысяча девятьсот тридцать восьмом, кто-то

играл на гитаре — одну песенку, другую, третью...

Ночью, протянув руку, она едва не коснулась года две тысячи сто пятьдесят пятого. Пальцы ее скользили по холодным волнам времени, словно по рифленому железу, она слышала мерный топот марширующих ног, миллионы оркестров ревели военные марши; перед глазами протянулись тысячи и тысячи сверкающих пробирок с болезнетворными микробами, она брала их в руки одну за другой — с ними она работала на гигантской фабрике Будущего; в пробирках притаились проказа, чума, брюшной тиф, туберкулез; а потом раздался оглушительный взрыв. Рука Сьюзен обуглилась и съежилась, ее отбросило чудовищным толчком, весь мир взлетел на воздух и рухнул, здания рассыпались в прах, люди истекли кровью и застыли. Исполинские вулканы, машины, вихри и лавины — все смолкло, и Сьюзен, всхлипывая, очнулась в постели в Мексике, за много лет до этой страшной минуты...

В конце концов им удалось забыться сном на час, не больше, а ни свет ни заря их разбудили скрежет автомобильных тормозов и гудки. Из-за железной решетки балкона Сьюзен выглянула на улицу — там только что остановились несколько легковых и грузовых машин с каким-то красными надписями, из них с шумом и гамом высыпали восемь человек. Вокруг собралась толпа мексиканцев.

— Que pasa?⁸ — крикнула Сьюзен какому-то мальчонке.

Он покричал ей в ответ. Сьюзен обернулась к мужу:

— Это американцы, они снимают здесь кинофильм.

— Любопытно, — откликнулся Уильям (он стоял под душем). — Давай посмотрим. По-моему, не стоит сегодня уезжать. Попробуем усыпить подозрения Симса. И поглядим, как делают фильмы. Говорят, в старину это было любопытное зрелище. Нам не худо бы немного отвлечься.

Отвлекись попробуй, подумала Сьюзен. При ярком свете солнца она на минуту совсем забыла, что где-то тут, в гостинице, сидит некто и курит несчетное множество сигарет и ждет. Глядя сверху на этих веселых, громогласных американцев, она чуть не закричала:

«Помогите! Спрячьте меня, спасите! Перекрасьте мне глаза и волосы, переоденьте как-нибудь. Помогите же, я — из две тысячи сто пятьдесят пятого года!»

Но нет, не крикнешь. Фирмой путешествий во времени заправляют не дураки. Прежде чем отправить человека в путь, они устанавливают у него в мозгу психическую блокаду. Никому нельзя сказать, где и когда ты на самом деле родился, и никому в Прошлом нельзя открыть что-либо о Будущем. Прошлое нужно охранять от Будущего, Будущее — от Прошлого. Без такой психической блокады ни одного человека не пустили бы свободно странствовать по столетиям. Будущее следует оберегать от каких-либо перемен, которые мог бы вызвать тот, кто путешествует в Прошлом. Как бы страстно Сьюзен этого ни хотела, она все равно не может сказать веселым людям там, на площади, кто она такая и каково ей сейчас.

— Позавтракаем? — предложил Уильям.

Завтрак подавали в огромной столовой. Всем одно и то же: яичницу с ветчиной. Тут было полно туристов. Появились приезжие киношники, их было восемь — шестеро мужчин и две женщины, они пересмеивались, с шумом отодвигали стулья. Сьюзен сидела неподалеку, и ей казалось — рядом с ними тепло и безопасно, она даже не испугалась, когда в столовую, попыхивая турецкой сигаретой, спустился мистер Симс. Он издали кивнул им, и Сьюзен кивнула в ответ и улыбнулась: он ничего им не сделает, ведь здесь эти восемь человек из кино да еще десятка два туристов.

— Тут эти актеры, — сказал Уильям. — Может, я попробую нанять двоих, скажу им, что это для забавы — пускай переоденутся в наше платье и укатят в нашей машине, выберем минуту, когда Симс не сможет видеть их лиц. Он часа три будет гоняться за ними, а мы тем временем сбежим в Мехико-Сити. Там ему нас вовек не отыскать!

— Эй!

К ним наклонился толстяк, от него пахло вином.

---

⁸ Что происходит? (исп.).

— Да это американские туристы! — закричал он. — Ух, как я рад, на мексиканцев мне уже смотреть тошно! — Он крепко пожал им обоим руки. — Идемте позавтракаем все вместе. Злосчастье любит большое общество. Я — Злосчастье, вот мисс Скорбь, а это мистер и миссис Терпеть-не-можем-Мексиду. Все мы ее терпеть не можем. Но мы тут делаем первые наброски для нашего треклятого фильма. Остальные приезжают завтра. Меня зовут Джо Мелтон. Я — режиссер. Ну не паршивая ли страна! На улицах всюду похороны, люди мрут как мухи. Да что же вы? Присоединяйтесь к нам, порадуйте нас!

Сьюзен и Уильям смеялись.

— Неужели я такой забавный? — спросил мистер Мелтон всех вообще и никого в отдельности.

— Просто чудо! — Сьюзен под села к их компании.

Издали свирепо смотрел Симс.

Сьюзен скорчила ему гримасу.

Симс направился к ним между столиками.

— Мистер и миссис Трейвис, — окликнул он еще издали, — мы, кажется, собирались позавтракать втроем.

— Прощу извинить, — сказал Уильям.

— Подсаживайтесь, приятель, — сказал Мелтон. — Кто им друг, тот и мне приятель.

Симс принял приглашение. Актеры говорили все разом, и под общий говор Симс спросил вполголоса:

— Надеюсь, вы хорошо спали?

— А вы?

— Я не привык к пружинным матрацам, — проворчал Симс. — Но кое-чем удается себя вознаградить. Полночи я не спал, перепробовал кучу разных сигарет и всякой еды. Очень странно и увлекательно. Эти старинные грешки позволяют испытать целую гамму новых ощущений.

— Не понимаю, что вы такое говорите, — сказала Сьюзен.

— Все еще разыгрываете комедию, — усмехнулся Симс. — Бесполезно. И в толпе вам тоже не укрыться. Рано или поздно я поймаю вас без свидетелей. Терпения у меня достаточно.

— Послушайте, — вмешался багровый от выпитого Мелтон, — этот малый вам, кажется, докучает?

— Нет, ничего.

— Вы только скажите, я его живо отсюда вышвырну. И Мелтон вновь что-то заорал своим спутникам. А Симс под крики и смех продолжал:

— Итак, о деле. Целый месяц я вас выслеживал, гонялся за вами из города в город, весь вчерашний день потратил, чтоб вывести вас на чистую воду. Я бы попробовал избавить вас от наказания, но для этого вы без шума пойдете со мной и вернетесь к работе над ультраводородной бомбой.

— Надо же, за завтраком — об ученых материях! — заметил Мелтон, краем уха уловив последние слова.

— Подумайте об этом, — невозмутимо продолжал Симс. — Вам все равно не ускользнуть. Если вы меня убьете, вас выследят другие.

— Не понимаю, о чем вы!

— Да бросьте! — обозлился Симс. — Шевельните мозгами. Вы и сами понимаете, мы не можем позволить вам сбежать. Тогда найдутся и еще охотники улизнуть в Прошлое. А нам нужны люди.

— Для ваших войн, — не выдержал Уильям.

— Билл!

— Ничего, Сьюзен. Будем говорить на его языке. Все уже ясно.

— Превосходно, — сказал Симс. — А то ведь какая потрясающая наивность — удрать от своего прямого долга!

— Какой это долг! Кромешный ужас.

— Вздор. Всего лишь война.

— Про что это вы? — поинтересовался Мелтон.

Сьюзен была бы рада все ему рассказать. Но она не могла пойти дальше общих рассуждений. Психическая блокада ничего другого не допускала. Вот и Симс и Уильям сейчас, казалось бы, рассуждали общо и отвлеченно.

— Всего лишь! — говорил Уильям. — Полмира вымирает от бомб, несущих проказу!

— И тем не менее обитатели Будущего на вас в обиде, — возразил Симс. — Вы двое прячетесь, так сказать, на уютном островке в тропиках, а они летят напрямик к черту в зубы. Смерти по вкусу не жизнь, а смерть. Умиравшим приятно, когда они умирают не одни. Все-таки утешение знать, что в пекле и в могиле ты не одинок. Все они обижены на вас обоих, а я — глашатай их обиды.

— Видали такого глашатая обид? — воззвал Мелтон ко всей компании.

— Чем дольше вы заставляете меня ждать, тем хуже для вас. Вы нужны нам для работы над новой бомбой, мистер Трейвис. Вернетесь теперь же — обойдется без пыток. А станете тянуть — мы все равно заставим вас работать над бомбой, а когда кончите, испробуем на вас некоторые сложные и малоприятные новинки. Так-то, сэр.

— Есть предложение, — сказал Уильям. — Я вернусь с вами при условии, что моя жена останется здесь живая и невредимая, подальше от этой войны.

Симс поразмыслил.

— Ладно. Через десять минут ждите меня на площади. Я сяду к вам в машину. Отвезете меня за город, в какое-нибудь глухое местечко. Я позабочусь, чтоб там нас подобрала Машина времени.

— Билл! — Сьюзен стиснула руку мужа.

Он оглянулся.

— Не спорь. Решено. — И прибавил, обращаясь к Симсу. — Еще одно. Минувшей ночью вы могли забраться к нам в номер и утащить нас. Почему вы упустили случай?

— Допустим, я недурно проводил время, — лениво протянул Симс, посасывая очередную сигару. — Такая приятная передышка, южное солнце, экзотика — очень досадно со всем этим расставаться. Жалко отказываться от вина и сигарет. Еще как жалко! Итак, через десять минут на площади. О вашей жене позаботятся, она вольна оставаться здесь, сколько пожелает. Прощайтесь.

Он встал и вышел.

— Скатертью дорога, мистер Болтун! — завопил ему вдогонку Мелтон. Потом обернулся и поглядел на Сьюзен. — Э-э, кто-то плачет! Да разве за завтраком можно плакать? Куда это годится?

Ровно в четверть десятого Сьюзен стояла на балконе их номера и смотрела вниз, на площадь. Там на бронзовой скамье тонкой работы, закинув ногу на ногу, сидел мистер Симс, складка его брюк была безупречна. Он откусил кончик новой сигары и с чувством закурил.

Сьюзен услышала рокот мотора — в дальнем конце мощенной бульжником улицы из гаража выехал Уильям, машина медленно двинулась вниз по склону холма.

Она набирала скорость. Тридцать миль в час, сорок, пятьдесят. Куры на пути кидались врассыпную.

Симс снял белую панаму, отер платком покрасневший лоб, опять надел панаму — и тут он увидал машину.

Она неслась прямо на площадь со скоростью шестьдесят миль в час.

— Уильям! — вскрикнула Сьюзен.

Машина с грохотом налетела на обочину, подскочила и ринулась по плитам тротуара к позеленевшей от времени скамье. Симс выронил сигару, взвизгнул, отчаянно замахал руками. Удар. Симса подбросило, вверх, вверх, потом вниз, вниз и тело нелепым узлом тряпья шмякнулось оземь.

Автомобиль остановился в дальнем конце площади, одно переднее колесо было исковеркано. Сбегался народ.

Сьюзен ушла в комнату, плотно затворив балконные двери.

В полдень они рука об руку спустились по ступеням мэрии, оба бледные, в лице ни

кровинки.

— Adios, senor, — сказал им вслед мэр города — Adios, Seniors⁹.

Они остановились на площади, толпа все еще гладела на лужу крови.

— Тебя вызовут опять? — спросила Сьюзен.

— Нет, мы все выяснили во всех подробностях. Несчастный случай. Машина перестала слушаться. Я даже всплакнул там у них. Бог свидетель, я должен был хоть как-то отвести душу. Просто не мог сдержаться. Нелегко мне было его убить. В жизни никого не хотел убивать.

— Тебя не будут судить?

— Нет, собирались было, но раздумали. Я их убедил. Мне поверили. Это был несчастный случай. И кончено.

— Куда мы поедем? В Мехико-Сити? В Уруапан?

— Машина сейчас в ремонте. Ее починят сегодня к четырем. Тогда вырвемся отсюда.

— А за нами не будет погони? По-твоему, Симс был один?

— Не знаю. Думаю, у нас есть немного форы. Когда они подходили к своей гостинице, оттуда как раз высыпали киношники. Мелтон, хмурия брови, поспешил навстречу.

— Эй, я уже слышал, что стряслось. Вот неприятность! Но теперь все уладилось? Вам бы надо немного развлечься. Мы тут снимаем кое-какие уличные кадры. Хотите поглядеть? Идемте, вам полезно рассеяться.

И они пошли.

Пока устанавливали аппарат, Трейвисы стояли на булыжной мостовой. Сьюзен смотрела вдаль, на сбегавшую с горы дорогу, на шоссе, что вело в сторону Акапулько, к морю, мимо пирамид, и руин, и селений, где лачуги слеплены были из желтой, синей, лиловой глины и повсюду пламенели цветы бугенвиллеи, смотрела и думала: «Мы будем ездить с места на место, держаться всегда большой компанией, всегда на людях — на базаре, в гостинице, будем подкупать полицейских, чтоб ночевали поблизости, и запирались на двойные замки, но главное — всегда будем на людях, никогда больше не останемся наедине, и всегда будет страшно, что первый встречный — это еще один Симс. И никогда мы не будем уверены, что сумели провести Сыщиков, сбили их со следа. А там, впереди, в Будущем, только того и ждут, чтоб поймать нас, вернуть, сжечь бомбами, сгноить чудовищными болезнями, ждет полиция, чтобы командовать, как дрессированными собачонками: „Служи! Перекувырнись! Прыгай через обруч!“ И нам придется всю жизнь удирать от погони, и никогда уже мы не сможем остановиться, передохнуть, спокойно спать по ночам».

Собралась толпа поглазеть, как снимают фильм. А Сьюзен вглядывалась в толпу и в ближние улицы.

— Заметила кого-нибудь подозрительного?

— Нет. Который час?

— Три. Машину, наверно, скоро починят.

Пробные съемки закончились без четверти четыре. Оживленно болтая, все направились к гостинице. Уильям по дороге заглянул в гараж. Вышел он оттуда озабоченный.

— Машина будет готова в шесть.

— Но не позже?

— Нет, не волнуйся.

В вестибюле они огляделись — нет ли еще одиноких путешественников вроде мистера Симса, только-только от парикмахера, таких, что чересчур благоухают одеколоном и курят сигарету за сигаретой, — но тут было пусто. Когда поднимались по лестнице, Мелтон сказал:

— Утомительный выдался денек! Надо бы под занавес опрокинуть стаканчик — согласны? А вы, друзья? Коктейль? Пиво?

— Пожалуй.

Всей оравой ввалились в номер Мелтона, и началась пирушка.

— Следи за временем, — сказал Уильям.

«Время, — подумала Сьюзен. — Если бы у нас было время! Как бы хорошо весь долгий

⁹ До свиданья, сеньор и сеньора (исп.).

летний день сидеть на площади с закрытыми глазами, и улыбаться оттого, что солнце так славно греет лицо и обнаженные руки, и не шевелиться, и ни о чем не думать, ни о чем не тревожиться. Хорошо бы уснуть под щедрым солнцем Мексики и спать сладко, уютно, беззаботно, день за днем...»

Мелтон откупорил бутылку шампанского.

— Ваше здоровье, прекрасная леди! — сказал он Сьюзен, поднимая бокал. — Вы так хороши, что могли бы сниматься в кино. Пожалуй, я даже снял бы вас на пробу.

Сьюзен рассмеялась.

— Нет, я серьезно, — сказал Мелтон. — Вы очаровательны. Пожалуй, я сделаю из вас кинозвезду.

— И возьмете меня в Голливуд?

— Уж конечно, вам нечего торчать в этой проклятой Мексике!

Сьюзен мельком взглянула на Уильяма, он приподнял бровь и кивнул. Это значит переменить место, обстановку, манеру одеваться, может быть, даже имя; и путешествовать в компании, восемь спутников — надежный щит от всякой угрозы из Будущего.

— Звучит очень соблазнительно, — сказала Сьюзен.

Шампанское слегка ударило ей в голову. День проходил незаметно; вокруг болтали, шумели, смеялись. Впервые за много лет Сьюзен чувствовала себя в безопасности, ей было так хорошо, так весело, она была счастлива.

— А для какой картины подойдет моя жена? — спросил Уильям, вновь наполняя бокал.

Мелтон окинул Сьюзен оценивающим взглядом. Остальные перестали смеяться и прислушались.

— Пожалуй, я создал бы повесть, полную напряжения, тревоги и неизвестности, — сказал Мелтон. — Повесть о супружеской чете, вот как вы двое.

— Так.

— Возможно, это будет своего рода повесть о войне, — продолжал режиссер, подняв бокал и разглядывая вино на свет.

Сьюзен и Уильям молча ждали.

— Повесть о муже и жене — они живут в скромном домике, на скромной улице, году, скажем, в две тысячи сто пятьдесят пятом, — говорил Мелтон. — Все это, разумеется, приблизительно. Но в жизнь этих двоих входит грозная война — ультраводородные бомбы, военная цензура, смерть, и вот — в этом вся соль — они удирают в Прошлое, а за ними по пятам следует человек, который кажется им воплощением зла, а на самом деле лишь стремится пробудить в них сознание долга.

Бокал Уильяма со звоном упал на пол.

— Наша чета, — продолжал Мелтон, — ищет убежища в компании киноактеров, к которым они прониклись доверием. Чем больше народу, тем безопаснее, думают они.

Сьюзен без сил поникла на стуле. Все неотрывно смотрели на режиссера. Он отпил еще глоток шампанского.

— Ах, какое вино! Да, так вот, наши супруги, видимо, не понимают, что они необходимы Будущему. Особенно муж, от него зависит создание металла для новой бомбы. Поэтому Сыщики — назовем их хоть так — не жалеют ни сил, ни расходов, лишь бы выследить мужа и жену, захватить их и доставить домой, а для этого нужно застать их одних, без свидетелей, в номере гостиницы. Тут хитрая стратегия. Сыщики действуют либо в одиночку, либо группами по восемь человек. Не так, так эдак, а они своего добьются. Может получится увлекательнейший фильм, правда, Сьюзен? Правда, Билл? — И он допил вино.

Сьюзен сидела как каменная, глядя в одну точку.

— Выпейте еще, — предложил Мелтон.

Уильям выхватил револьвер и выстрелил три раза подряд, один из мужчин упал, остальные кинулись на Уильяма. Сьюзен отчаянно закричала. Чья-то рука зажала ей рот. Револьвер валялся на полу, Уильям отбивался, но его уже держали.

Мелтон стоял на прежнем месте, по его пальцам текла кровь.

— Прошу вас, — сказал он, — не усугубляйте своей вины.

Кто-то забарабанил в дверь.

— Откройте!

— Это управляющий, — сухо сказал Мелтон. Вскинул голову и скомандовал своим: — За дело! Быстро!

— Откройте! Я вызову полицию!

Сьюзен и Уильям переглянулись, посмотрели на дверь...

— Управляющий желает войти, — сказал Мелтон. — Быстрее!

Выдвинули аппарат. Из него вырвался голубоватый свет и залил всю комнату. Он ширился, и спутники Мелтона исчезали один за другим.

— Быстрее!

За миг до того, как исчезнуть, Сьюзен взглянула в окно — там была зеленая лужайка, лиловые, желтые, синие, алые стены, струилась, как река, булыжная мостовая; среди опаленных солнцем холмов ехал крестьянин верхом на ослике; мальчик пил апельсиновый сок, и Сьюзен ощутила вкус душистого напитка; в тени дерева стоял человек с гитарой, и Сьюзен ощутила под пальцами струны; вдали виднелось море — синее, ласковое, — и волны подхватили ее и понесли.

И она исчезла. И муж ее исчез.

Дверь распахнулась. В номер ворвались управляющий и несколько служащих гостиницы.

Комната была пуста.

— Но они только что были тут! Я сам видел, как они пришли, а теперь — никого! — закричал управляющий. — Через окно никто удрать не мог, на окнах железные решетки!

Под вечер пригласили священника, снова открыли комнату, проветрили, и священник окропил все углы святой водой и прочитал молитву.

— А с этим что делать? — спросила горничная.

И показала на стенной шкаф — там теснились 67 бутылок вина: шартрез, коньяк, ликер «Creme de Саsао», абсент, вермут, текилья, а кроме того — 106 пачек турецких сигарет и 198 желтых коробок с отличными гаванскими сигарами, по пятьдесят центов штука...

Пришелец

The Visitor, 1948 год

*Переводчик: Б. Клюева*¹⁰

Саул Уильямс проснулся и с тоской выглянул наружу из своей палатки. Он подумал о том, как далеко от него Земля — миллионы миль. Ну а что тут можно поделать? Когда легкие полны этой «кровоавой ржавчины», когда без конца терзает кашель.

Саул поднялся в тот день в семь часов. Это был высокий, худой, истощенный болезнью человек. Утро на Марсе стояло тихое, ничто не нарушало безмолвие мертвого морского дна, не было даже ветра. Среди пустынного неба сияло холодное солнце.

Саул вымыл лицо и позавтракал.

А после этого ему страшно захотелось вернуться на Землю. Он всеми способами пытался оказаться в Нью-Йорке. Иногда, когда он правильно усаживался и определенным образом складывал руки, ему это удавалось. Он даже почти улавливал запах Нью-Йорка. Но такое получалось редко, большей частью у него ничего не выходило.

В то же утро, позднее, Саул попробовал умереть. Он лег на песок и приказал своему сердцу остановиться. Оно продолжало стучать. Он представил себе, как он спрыгивает со скалы или перерезает себе вены, но сам же рассмеялся — он знал, что ему неостанет мужества на подобный акт.

«Может быть, если я поднатужусь и хорошенько сосредоточусь на этом, я просто засну и не проснусь больше», — предположил он. Он и это попробовал. Через час он проснулся — рот его был полон крови. Он поднялся, выплюнул ее и почувствовал ужасную жалость к себе. Эта кровавая ржавчина заполняет рот и нос, течет из ушей, из-под ногтей, и этой хворобе требуется

¹⁰ Перевод выглядит ужасно. К сожалению, первоисточника в сети нет, некоторые явные ляпы из перевода убраны.

год, чтобы покончить с тобой. Существовало только одно средство против болезни — запихнуть тебя в ракету и отправить в изгнание на Марс. На Земле не знали, как лечить таких больных, а оставить их там значило распространить заразу на других и убить и их. Так он оказался тут, в полном одиночестве, беспрестанно истекая кровью.

Саул присмотрелся. Вдалеке, возле древних городских руин он увидел человека, лежавшего на грязном одеяле.

Когда Саул подошел к нему, человек на одеяле ответил на это слабым движением.

— Привет, Саул, — произнес он.

— Опять утро, — сказал Саул, — Бог мой, как мне одиноко!

— Такова судьба всех нас заржавелых, — возразил человек на одеяле, такой немощный и бледный, что казалось — коснись его, и он рассыплется.

— Как бы я хотел, — сказал Саул, глядя на лежащего перед ним человека, — чтобы ты хотя бы поговорил со мной. Почему интеллектуалы никогда не подхватывают нашу кровавую ржавчину и не прилетают сюда?

— Это явный заговор против тебя, Саул, — сказал человек, закрывая глаза, не в силах держать их открытыми. — Меня когда-то хватало на то, чтобы оставаться интеллектуалом. Теперь даже думать для меня — тяжкий труд.

— Когда бы мы могли хотя бы говорить друг с другом!... — сказал Саул Уильямс.

Его собеседник только безразлично пожал плечами:

— Приходи завтра. Может, у меня хватит сил потолковать с тобой об Аристотеле. Я попытаюсь. Правда, — и он свалился под отжившим свое деревом. Он приоткрыл один глаз. — Вспомни, мы с тобой как-то беседовали об Аристотеле, шесть месяцев назад — хороший был денек тогда.

— Помню, — сказал Саул, не слушая его. Он посмотрел на мертвое море. — Хотел бы я быть таким же немощным, как ты, тогда, наверное, меня не тревожило бы состояние моего интеллекта. Я тогда был бы спокоен.

— Через шесть месяцев тебе станет так же плохо, как мне сейчас, — заметил умирающий. — И тебе будет безразлично все, кроме сна, как можно больше сна. Сон уподобится женщине для тебя. Ты всегда будешь стремиться к ней, потому что она и свежа, и хороша, и верна, и всегда добра к тебе и все в том же роде. Ты будешь пробуждаться с единственным желанием — снова погрузиться в сон. Это чудесная вещь.

Его голос перешел в шепот. И вот он умолк, и жизнь легко отлетела от него.

Саул оставил его.

По берегу мертвого моря, подобно пустым бутылкам, выброшенным волнами, валялись тела спящих людей. Саул видел их всех сразу, там, внизу, на берегу пустого моря. Один, второй, третий — каждый спал в одиночку, большинство из них были в худшем состоянии, чем он, у каждого был небольшой запас еды, каждый был занят только собой, потому что нужда в общении отпадала и только сон прельщал всех.

Поначалу несколько ночей все они собирались возле общих бивачных костров. И говорили об одной только Земле. Ни о чем больше разговоров не было. О самой Земле, о воде, журчащей в речушках маленьких городов, и о том, как вкусен домашний клубничный торт, и о раннем утре в Нью-Йорке, когда, овеваемый соленым ветерком, переправляешься на пароме из Джерси.

«Мне нужна Земля, — думал Саул. — Она мне так нужна, что сил никаких нет. Мне необходимо то, чего я уже никогда не смогу иметь. Больше, чем в пище, сильнее, чем в женщине, сильнее всего на свете я нуждаюсь в Земле. Моя болезнь навсегда отторгает от меня женщин — это совсем не то, что я хочу. Но Земля... да. Она необходима для ума, не для жалкого тела».

В небе полыхнул светом блестящий металл.

Саул посмотрел на небо.

Снова свет от летящего металла.

Спустя минуту ракета приземлилась на дне моря. Открылся люк, из ракеты с багажом в руке вышел человек. Два других в защитных биокостюмах вынесли вслед за ним большие коробки с едой и поставили для него палатку.

Еще мгновение — и ракета снова устремилась в небо. Изгнанник остался стоять в одиночестве.

Саул побежал. Он не бегал вот уже несколько недель, и на него сразу навалилась усталость, но он бежал и кричал:

— Привет! Привет!

Когда Саул подбежал к молодому человеку, тот осмотрел его с ног до головы.

— Привет. Итак, это Марс. Меня зовут Леонард Марк.

— Меня Саул Уильямс.

Они обменялись рукопожатием.

Леонард Марк был очень молод — всего восемнадцать лет; настоящий блондин с розовым, свежим — несмотря на болезнь — лицом и голубыми глазами.

— Как там, в Нью-Йорке? — спросил Саул.

— Вот так, — сказал Леонард Марк и посмотрел на Саула.

Нью-Йорк, весь из камня, пронизанный мартовскими ветрами, возник прямо из пустыни. Электричество неоновыми цветами вспыхнуло вокруг. Желтые такси скользили по тихим улицам ночного города. Подняли мосты, и в полуночных гаванях загудели буксирные суда. Раздвинулись занавесы на сверкающих блестящими сценах мюзик-холлов.

Саул сильно сжал руками голову.

— Продолжайте! Продолжайте! — кричал он. — Что происходит со мной? Что со мной случилось? Я схожу с ума!

В Центральном парке распускались листья, молодые, зеленые. Саул шел по тропе, вдыхая весенний воздух и наслаждаясь запахами.

— Дурачина, остановись! Остановись! — кричал сам себе Саул. Он обеими руками сжимал свой лоб. — Этого не может быть!

— Это есть, — сказал Леонард Марк,

Небоскребы Нью-Йорка растаяли. Вернулся Марс. Саул стоял на пустынном дне мертвого моря, опустошенно глядя на молодого незнакомца.

— Вы... — сказал он, указывая рукой на Леонарда Марка. — Вы сделали это. Вы сделали это вашим разумом.

— Да, — сказал Леонард Марк.

В молчании стояли они друг против друга. Потом, весь дрожа, Саул схватил руку своего коллеги-изгнанника и, без конца пожимая ее, говорил:

— О, как же я рад, что вы здесь! Представить себе не можете, как я рад!

Они пили крепкий черный кофе из жестяных кружек. Наступил полдень. Они проболтали все это теплое утро.

— И откуда у вас эта способность? — спросил Саул, потягивая кофе из своей кружки и не отрывая глаз от юного Леонарда Марка.

— Это одно из моих врожденных качеств, — ответил Марк, разглядывая свой напиток. — В 57 году моя мать оказалась во время взрыва в Лондоне. Через десять месяцев появился на свет я. Не знаю, как назвать эту мою способность. Телепатия или передача мыслей на расстоянии — так, наверное. Я обычно выступал с этим на сцене. Я объехал весь мир. В афишах писали «Леонард Марк, чудо-интеллект!» Я всячески отмежевывался от этого. Многие считали меня шарлатаном. Вы ведь знаете, как публика относится к театральному люду. Один я знал, что мой талант подлинный, но я никому не признавался в этом. Безопаснее было не давать особого хода слухам о нем. О, совсем немногие из моих ближайших друзей знали о моих истинных способностях. А их у меня великое множество, и все они пригодятся нам здесь, на Марсе.

— Черт возьми, до чего же вы напугали меня сначала, — признался Саул, крепко сжимая кружку в руке. — Когда из земли вдруг вырос непонятно каким образом Нью-Йорк, я подумал, что сошел с ума.

— Это один из видов гипноза, который воздействует сразу на все органы чувств — на глаза, уши, нос, рот, кожу. Что бы вам особенно хотелось сделать прямо сейчас?

Саул поставил свою кружку. Он старался сдержать дрожь в руках. Облизнул губы.

— Я хотел бы оказаться в речушке в городе Меллине, штат Иллинойс, где, будучи мальчишкой, я любил купаться. Хотелось бы совсем нагишом поплавать в ней.

— Хорошо, — согласился Леонард Марк и чуть-чуть повернул голову.

Саул с закрытыми глазами упал на песок. Леонард Марк сидел, наблюдая за ним.

Саул лежал на песке. Время от времени его руки начинали двигаться, конвульсивно подергиваться. Его рот оставался все время открытым. Из его то сжимавшейся, то расслаблявшейся глотки вырывались невнятные звуки.

Затем Саул начал производить плавные движения руками — вперед-назад, вперед-назад, — тяжело дышал, повернув голову в одну сторону, медленно взмахивал руками в теплом воздухе, загребая желтый песок под себя, его тело размеренно поворачивалось из стороны в сторону.

Леонард Марк спокойно допил кофе. В процессе питья он не спускал глаз с копошащегося на дне мертвого моря, что-то шепчущего Саула.

— Довольно, — сказал Леонард Марк.

Саул сел, потирая лицо руками.

Спустя немного времени он заговорил с Леонардом Марком.

— Я видел речку. Я бегал по берегу, сбросив с себя все, — рассказывал он, затаив дыхание, и недоверчивая улыбка не сходила с его лица. — И я нырнул в речку и плавал в ней!

— Очень рад, — сказал Леонард Марк.

— Вот! — Саул полез в карман и вытащил свою последнюю плитку шоколада. — Это вам.

— Что это? — спросил Леонард Марк, глядя на вознаграждение. — Шоколад? Какая ерунда! Я делаю это не ради платы. Я это делаю потому, что таким образом приношу вам счастье. Положите вашу шоколадку обратно в карман, пока я не превратил ее в гремучую змею и она не укусила вас.

— Благодарю вас, благодарю вас! — Саул убрал шоколадку. — Вы даже не представляете, какая там замечательная была вода. — Он потянулся за кофейником. — Налить еще?

Разливая кофе, Саул на какое-то мгновение закрыл глаза.

«Я обрел здесь Сократа, — думал он. — Сократа, и Платона, и Ницше, и Шопенгауэра. Этот человек, судя по его разговору, гений. Его талант непостижим! Подумать только — долгие, вольготные дни и прохладные ночи, заполненные нашими с ним беседами. Год обещает быть совсем неплохим. Половина года...»

Он вылил остатки кофе.

— Что-то не так?

— Нет, ничего.

Саул был в смятении, он был потрясен.

"Мы отправимся в Грецию, — мечтал он. — В Афины. А захотим — окажемся в Риме, где будем изучать римских ораторов. Мы остановимся в Парфеноне и в Акрополе. Это не будут просто беседы, — мы, кроме того, побываем в разных местах. Этот человек способен сделать так. Когда мы заговорим о пьесах Расина, он создаст сцену и артистов на ней — и все это для меня. Бог мой, да такого никогда в моей жизни не было! Насколько же лучше оказаться больным здесь, на Марсе, чем здоровым, но без этих возможностей, на Земле! Много ли людей найдется, кто видел бы греческую трагедию, сыгранную в греческом амфитеатре в 31 году до нашей эры?"

А если я совершенно серьезно и спокойно попрошу этого человека представить мне Шопенгауэра, Дарвина, Бергсона и всех прочих крупных мыслителей прошедших веков?... А почему бы нет? Сидеть и беседовать с Ницше лицом к лицу или с самим Платоном!..."

Но существовала одна загвоздка. Саул засомневался.

Остальные. Остальные больные люди, лежавшие на дне мертвого моря. Они уже зашевелились, направляясь к ним. Они видели сверкание ракеты в небе, ее приземление, выгрузку ее пассажира. И вот они шли, медленно, мучительно, чтобы приветствовать вновь прибывшего.

Саул похолодел.

— Марк, — произнес он, — мне кажется, нам лучше скрыться в горах.

— Зачем?

— Вы видите этих людей, приближающихся к нам? Среди них есть сумасшедшие.

— Правда?

— Да.

— Одиночество и вся эта жизнь сделали их такими?

— Да, вот именно. Нам лучше уйти.

— Они совсем не выглядят опасными. Они так медленно передвигаются,

— Они еще вам покажут.

Марк посмотрел на Саула:

— Вы дрожите. Что с вами?

— У нас нет времени на разговоры, — сказал Саул, быстро поднимаясь на ноги. — Пошли.

Неужели вы не понимаете, что будет, если они узнают о вашем таланте? Они станут драться за обладание вами. Они будут убивать друг друга... они убьют вас за право владеть вами.

— О, но ведь я не принадлежу никому, — возразил Леонард Марк. Он взглянул на Саула. — Никому. Даже вам.

Саул вздернул подбородок.

— Я и не думал об этом.

— А сейчас — сейчас вы тоже об этом не подумали? — рассмеялся Марк.

— Некогда нам препираться тут, — заявил Саул, щеки его горели, глаза возбужденно блестели. — Пошли!

— Не хочу. Я останусь сидеть здесь до тех пор, пока эти люди не подойдут к нам. Вы слишком большой собственник. Моя жизнь принадлежит только мне.

Саул почувствовал, как в нем подымается злоба. Лицо его исказилось.

— Вы слышали, что вам сказано!

— Как же быстро вы из друга превратились во врага, — заметил Марк.

Саул набросился на него. Удар был стремительный и точный.

Марк, смеясь, уклонился от него:

— Ничего у вас не получится!

Они стояли в центре Таймс-сквер. Мимо, гудя, проносились с грохотом машины. Небоскребы круто подымались в голубое, прозрачное небо.

— Это обман! — вскричал Саул, потрясенный увиденным. — Ради всего святого, Марк, не надо! Люди уже близко. Они убьют вас!

Марк сидел на тротуаре, радуясь своей шутке.

— Пускай подходят. Я их всех одурачу!

Нью-Йорк отвлек внимание Саула от Марка. Так и было задумано — переключить его внимание на святотатственную прелесть города, от которого он был отлучен столько месяцев. Вместо того чтобы снова напасть на Марка, он только стоял и впивал в себя далекую, но столь родную ему жизнь.

Он закрыл глаза:

— Нет.

И, падая, увлек за собой Марка. В его ушах захлебывались гудки автомобилей. Бешено скрипели тормоза. Он нанес удар Марку в подбородок.

Тишина.

Марк лежал на дне моря.

Взяв на руки потерявшего сознание Марка, Саул тяжело побежал к горам.

Нью — Йорк исчез. Осталось только нескончаемое молчание мертвого моря.

Со всех сторон к нему приближались люди. Со своей бесценной ношей он устремился к горам — он нес в своих руках Нью-Йорк, и зеленые пригороды, и ранние весны, и старых друзей. Один раз он упал, тут же вскочил и, не останавливаясь, продолжал свой бег.

Ночь царила в пещере. Ветер врвался в нее и устремлялся прочь, увлекая за собой пламя костерка, рассеивая золу.

Марк открыл глаза. Он был связан веревками и прислонен к стене пещеры напротив костерка.

Саул, по-кошачьи тревожно поглядывая на вход в пещеру, подложил в костер полено.

— Вы последний дурак. — Саул вздрогнул. — Да-да, — сказал Марк, — вы дурак. Они все равно найдут нас. Даже если им понадобятся для этого все шесть месяцев, они найдут нас. Они видели Нью-Йорк, на расстоянии, как мираж. И в центре него — нас. Надеяться на то, что это их не заинтересовало и что они не последуют за нами, бессмысленно.

— Тогда я с вами двинусь дальше, — глядя на огонь, сказал Саул.

— И они сделают то же.

— Заткнись!

Марк улыбнулся:

— Вы и со своей женой так разговариваете?

— Слышишь?

— О, прекрасный брачный союз — ваша жадность и мой талант. А теперь что бы вы хотели посмотреть? Хотите, я покажу вам кое-что еще из вашего детства?

Саул почувствовал пот у себя на лбу. Он не мог понять, шутит его пленник или нет.

— Да, — ответил он.

— Хорошо, — сказал Марк, — смотрите!

Скалы вдруг полыхнули огнем. Саул задохнулся от паров серы. Серные шахты взрывались вокруг, сотрясая стены пещеры. Вскочив на ноги, Саул закашлялся: обожженный, уничтоженный адским пламенем, он едва мог двигаться.

Ад исчез. Они снова были в пещере.

Марк хохотал.

Саул надвинулся на него.

— Ты... — произнес он, склоняясь над Марком.

— Чего еще вы хотели от меня? — воскликнул Марк. — Вы что, думаете, мне могло понравиться то, что вы утащили меня сюда, связали по рукам и ногам и превратили в невесту-интеллектуалку обезумевшего от одиночества человека?

— Я развяжу вас, если вы обещаете мне не убежать.

— Этого я не могу обещать. Я свободный человек. Я никому не принадлежу.

Саул опустил на колени:

— Но вы должны принадлежать, слышите? Вы должны принадлежать мне. Я не позволю вам уйти от меня!

— Дорогой мой человек, чем больше вы твердите подобные вещи, тем больше мы отдаляемся друг от друга. Имей вы разум и веди вы себя интеллигентно, мы давно были бы друзьями. Я бы с удовольствием доставлял вам ваши маленькие гипнотические радости. Мне, в конце концов, не составляет особого труда вызывать духов. Одна забава. Но вы все испортили. Вы захотели присвоить меня полностью. Вы побоялись, что другие отнимут меня у вас. О, как же вы ошибались. У меня хватит сил сделать их всех счастливыми. Вы могли бы поделиться мной с ними, как коммунальной кухней. Я же, творя добро, принося радости, чувствовал бы себя богом среди своих чад, а вы в ответ приносили бы мне подарки, лакомые кусочки со своего стола.

— Простите, простите меня! — вскричал Саул. — Но я слишком хорошо знаю этих людей.

— А вы, вы разве отличаетесь от них? Едва ли! Выйдите-ка да посмотрите, не идут ли они. Мне показалось, что я слышал какой-то шум.

Саул вскочил. У входа в пещеру он приложил козырьком руки ко лбу, вглядываясь в скрытую в ночи низину перед собой. Шевелились какие-то смутные тени. Может быть, это ветер колебал заросли сорняков? Он задрожал — мелкой, противной дрожью.

— Я ничего не вижу.

Он вернулся в пустую пещеру. Взглянул на костер.

— Марк!

Марк исчез.

Кроме пещеры, забитой галькой, камнями, булыжниками, одиноко потрескивающего костра да воя ветра, ничего больше не было.

Саул стоял, глазам своим не веря и вдруг онемев.

— Марк! Марк! Вернитесь!

Этот человек осторожно, потихоньку освободился от своих пут и, используя свои способности, обманул его, сказав, что слышит приближающихся людей, а сам сбежал — куда?

Пещера была довольно глубокая, но заканчивалась глухой стеной. И Марк не мог проскользнуть мимо него в ночную тьму. Тогда что?

Саул обошел костер.

Он вытащил свой нож и приблизился к большому валуну, стоявшему у стены. С улыбочкой он прислонил нож к валуну. Все так же улыбаясь, он постучал по нему ножом. Потом он

замахнулся ножом с явным намерением вонзить его в валун.

— Стой! — закричал Марк.

Валун исчез. На его месте был Марк. Саул спрятал нож. Щеки его пылали. Глаза горели как у безумного.

— Что, номер не прошел? — прошипел он.

Он наклонился, сцепил свои руки у Марка на горле и стал душить его. Марк ничего не говорил, только неловко изворачивался в тисках сжимавших его горло рук, с иронией глядел на Саула, и взгляд его говорил Саулу то, что он и сам прекрасно знал.

Если ты убьешь меня, говорили глаза Марка, где ты возьмешь воплощение своих мечтаний? Если ты убьешь меня, где окажутся твои любимые потоки и речная форель? Убей меня, убей Платона, убей Аристотеля, убей Эйнштейна — на, убей всех нас! Давай, души меня. Я разрешаю.

Пальцы Саула разжались. Тени вползли в пещеру.

Они оба повернули головы.

Там были люди. Их было пятеро, измученных дорогой, задыхающихся. Они ждали, не вступая в круг света.

— Добрый вечер, — смеясь, приветствовал их Марк. — Входите, входите, джентльмены.

На заре споры и яростные препирания все еще продолжались. Марк сидел среди этих грубиянов, потирал свои запястья, наконец-то снова свободный от своих пут. Он соорудил конференц-зал с панелями из красного дерева и с мраморным столом, за которым все они теперь и сидели, эти смешные, бородатые, дурно пахнущие, потные и жадные мужчины, устремив все взгляды на свое сокровище.

— Есть один способ все уладить, — сказал наконец Марк. — Каждому из вас выделяются определенные часы в определенный день для встречи со мной. Со всеми вами я буду обращаться одинаково. Я буду муниципальной собственностью с правом приходить и уходить куда мне вздумается. Так будет справедливо. Что же касается нашего Саула, он подвергнется испытанию. Когда он докажет, что снова стал цивилизованным человеком, я проведу с ним один-два сеанса. До тех пор у меня не будет ничего общего с этим человеком.

Прибывшие злорадно ухмыльнулись, взирая на Саула.

— Простите меня, — взмолился Саул. — Я не знал, что делаю. Теперь у меня все в порядке.

— Посмотрим, — сказал Марк. — Давайте подождем месячишко, а?

Прибывшие снова злорадно ухмыльнулись.

Саул ничего не сказал. Он сидел, уставившись в пол пещеры.

— Теперь займемся делом, — предложил Марк. — По понедельникам ваш день, Смит.

Смит кивнул.

— По вторникам я буду заниматься с Питером — по часу или что-то около того.

Питер кивнул.

— По средам я займусь с Джонсоном, Холцманом и Джимом — и на этом закончу.

Последние трое переглянулись.

— Остаток недели все должны оставить меня в полном покое, слышите? — потребовал Марк. — Хорошенького понемножку. Если вы не подчинитесь мне, никаких представлений не будет.

— А мы, может, заставим тебя представлять, — заявил Джонсон. Он переглянулся с остальными. — Ишь какой, нас пятеро против него одного. Нам ничего не стоит заставить его делать все, что мы захотим. Если будем действовать заодно, чего только не добьемся.

— Не будьте идиотами, — обратился Марк к другим мужланам.

— Дай договорить, — сказал Джонсон. — Он нам тут толкует, что он будет делать. Почему бы нам не растолковать ему! Нас ведь больше, не так ли? А он еще грозит не дать нам представлений. Ха! Позвольте мне запихнуть ему щепки под ногти, а еще, пожалуй, поджарить на раскаленном напильнике его пальчики, и тогда посмотрим, как он не будет представлять! Почему бы нам не получать представления каждый вечер, хотел бы я знать?

— Не слушайте его! — воскликнул Марк. — Он сумасшедший. Нельзя полагаться на него. Вы же знаете, что он сделает, верно? Он каждого из вас застанет врасплох и поубивает вас всех поодиночке. Да-да, он перебьет всех вас, чтобы остаться ему одному — он и я! Вот он какой!

Слушавшие его прищурились. Сначала на Марка, потом на Джонсона.

— Сейчас, — заметил Марк, — ни один из вас не верит никому другому. Совещание получилось дурацкое. Стоит одному из вас повернуться спиной к остальным, и он будет убит. Я уверен, к концу недели все вы будете мертвы или в преддверии смерти.

Ледяной ветер свистал в зале из красного дерева. Зал потихоньку таял, снова превращаясь в пещеру, Марк устал шутить. Мраморный стол плюхнулся на пол, расплескался мелкими брызгами и испарился.

Люди смотрели друг на друга маленькими, горящими, звериными глазками. Все сказанное было правдой. Они увидели друг друга в предстоящие дни — подлавливающими один другого, убивающими до тех пор, пока в живых не останется последний, счастливчик, чтобы в одиночку наслаждаться интеллектуальным сокровищем, оказавшимся среди них.

Саул встревоженно наблюдал за ними, чувствуя свое полное одиночество. Допустив однажды ошибку, как трудно бывает признать свою вину, вернуться назад, начать все с начала. Они все были не правы. Они пребывали в заблуждении долгое время. Теперь это уже не было заблуждением, это было нечто гораздо худшее.

— Но дела-то ваши совсем плохи, — сказал Марк, — потому что у одного из вас есть пистолет. Все вскочили.

— Ищите! — сказал Марк. — Найдите того, у кого он, или все вы будете трупами!

Это их доконало. Они бросались из стороны в сторону, не зная, кого обыскивать первым. Они орали, хватали друг друга за руки, а Марк с презрением наблюдал за ними.

Джонсон отпрянул назад, ощупывая свою куртку.

— Ладно, — сказал он, — пора кончать со всем этим! Первым ты, Смит!

И он выстрелил Смиту в грудь. Смит упал.

Остальные загалдели и бросились врассыпную. Джонсон прицелился и выстрелил еще два раза.

— Остановитесь! — вскричал Марк. Из скал, из пещеры, из самого воздуха вдруг выплыл Нью-Йорк. Лучи солнца освещали макушки небоскребов. Грохотала наземка. Буксиры сновали по гавани. Зеленая леди с факелом в руке взирала на залив.

— Смотрите же, болваны! — крикнул Марк.

Центральный парк вспыхнул созвездиями весенних цветов. Ветерок овеял их запахом свежескошенной травы.

И в изумлении все остолбенели посреди Нью-Йорка. Джонсон выстрелил еще три раза. Саул подбежал к нему. Он бросился на Джонсона, свалил его на землю, вырвал у него пистолет. Раздался еще один выстрел.

Люди перестали крушить все вокруг себя. Они застыли на месте. Саул лежал на Джонсоне. Сражение закончилось.

Наступило жуткое молчание. Они оглядывались по сторонам.

Нью — Йорк тонул в море. Со всем своим шипением, бормотанием, придыханиями. С воплем рушащегося металла и старины огромные строения наклонились, скукожились, хлынули потоком вниз и исчезли.

Марк стоял среди зданий. Потом аккуратная красная дырочка образовалась у него на груди, и, подобно самим зданиям, он безмолвно рухнул на землю.

Саул лежал, глядя на своих сотоварищей, на тело Марка. Он встал с пистолетом в руке. Джонсон не шелохнулся — он боялся шелохнуться.

Все они одновременно закрыли и тут же открыли глаза, будто надеялись таким образом оживить человека, лежавшего перед ними.

В пещере было холодно. Саул стоял и безучастно смотрел на пистолет в своей руке. Он взял и бросил его далеко в низину и не видел, как он падал.

Они смотрели на труп, будто не верили в случившееся. Саул склонился над ним и дотронулся до мягкой руки.

— Леонард! — тихо позвал он. — Леонард? — он потряс его руку. — Леонард!

Леонард Марк оставался неподвижным. Глаза его были закрыты, он больше не дышал.

Саул поднялся.

— Мы убили его, — сказал он, ни на кого не глядя. Его рот наполнился кровью. —

Единственного, кого мы не хотели убить, мы убили.

Трясущейся рукой он прикрыл свои глаза. Остальные стояли в нерешительности.

— Возьмите лопату, — велел им Саул. — Закопайте его. — Он отвернулся от всех них. — Мне больше нет дела до вас.

Кто-то отправился за лопатой.

Саул настолько ослаб, что едва мог двигаться. Его ноги будто вросли в землю, их корни питали его безысходным одиночеством и страхом, и стужей ночей. Костер почти погас, и теперь только свет двух лун скользил по склонам голубых гор.

До него доносился звук, будто кто-то рядом копал лопатой землю.

— Он нам совсем и не нужен, — произнес кто-то слишком громко.

По-прежнему Саул слышал, как копают лопатой землю. Он тихо подошел к темному дереву и соскользнул по его стволу вниз, на песок и теперь сидел безразлично, тупо сложив руки на коленях. «Спать, — подумал он. — Мы все теперь ляжем спать. У нас есть хотя бы это. Засну и постараюсь хоть во сне увидеть Нью-Йорк и все остальное». Он устало закрыл глаза, кровь наполнила его рот, и нос, и трепещущие веки.

— Как он делал это? — спросил он угасающим голосом. Голова его упала на грудь, — Как он вызывал сюда Нью-Йорк и устраивал нам прогулки по нему? А ну-ка попробую. Думай! Думай о Нью-Йорке! — шептал он, засыпая. — Нью-Йорк, и Центральный парк, и Иллинойс весной, яблони в цвету и зеленая трава.

Ничего у него не получилось. Ничего похожего. Нью-Йорк ушел, и никакими силами он не мог вернуть его обратно. Каждое утро он будет вставать и брести к мертвому морю в поисках его, и во все времена он будет ходить по всему Марсу в поисках его, и никогда он его не отыщет. И наконец ляжет, не в силах больше ходить, и попытается найти Нью-Йорк в своей голове, но не найдет его и там.

Последнее, что он слышал засыпая, был звук поднимающейся и опускающейся лопаты, роющей яму, в которую со страшным скрежетом металла и в золотом тумане, и со своим запахом, и со своим светом, и со своим звучанием рухнул Нью-Йорк и был в ней зарыт.

Всю ту ночь он плакал во сне.

Бетономешалка

The Concrete Mixer, 1949 год

Переводчик: Н. Галь

Под открытым окном, будто осенняя трава на ветру, зашуршали старушечьи голоса:

— Эттил — трус! Эттил — изменник! Славные сыны Марса готовы завоевать Землю, а Эттил отсиживается дома!

— Болтайте, болтайте, старые ведьмы! — крикнул он.

Голоса стали чуть слышными, словно шепот воды в длинных каналах под небом Марса.

— Эттил опозорил своего сына, каково мальчику знать, что его отец — трус! — шушукались сморщенные старые ведьмы с хитрыми глазами. — О стыд, о бесчестье!

В дальнем углу комнаты плакала жена. Будто холодный нескончаемый дождь стучал по черепичной кровле.

— Ох, Эттил, как ты можешь?

Эттил отложил металлическую книгу в золотом проволочном переплете, которая все утро ему напевала, что он пожелает.

— Я ведь уже пытался объяснить, — сказал он. — Вторжение на Землю — глупейшая затея. Она нас погубит.

За окном — гром и треск, рев меди, грохот барабанов, крики, мерный топот ног, шелест знамен, песни. По камню мостовых, вскинув на плечо огнеструйное оружие, маршировали солдаты. Следом бежали дети. Старухи размахивали грязными флажками.

— Я останусь на Марсе и буду читать книгу, — сказал Эттил.

Громкий стук. Тилла отворила дверь. В комнату ворвался Эттилов тесть.

— Что я слышу? Мой зять — предатель?!

— Да, отец.

— Ты не вступаешь в марсианскую армию?

— Нет, отец.

— О чтоб тебя! — Старик побагровел. — Опозоришься навеки. Тебя расстреляют.

— Так стреляйте, — и покончим с этим.

— Слыханное ли дело, марсианину — да не вторгнуться на Землю! Где это слыхано?

— Неслыханное дело, согласен. Небывалый случай.

— Неслыханно, — зашипели ведьмы под окном.

— Хоть бы ты его вразумил, отец! — сказала Тилла.

— Как же, вразумишь навозную кучу! — воскликнул отец, гневно сверкая глазами, и подступил к Эттилу. — День на славу, оркестры играют, женщины плачут, детишки радуются, все как нельзя лучше, шагают доблестные воины, а ты сидишь тут... О стыд!

— О стыд! — всхлипнули голоса в кустах поодаль.

— Вон из моего дома! — вспылил Эттил. — Надоела мне эта дурацкая болтовня! Убирайся ты со своими медалями и барабанами!

Он подтолкнул тестя к выходу, жена взвизгнула, но тут дверь распахнулась на пороге — военный патруль.

— Эттил Врай? — рявкнул голос.

— Да.

— Вы арестованы!

— Прощай, дорогая жена! Иду воевать заодно с этими дураками! — закричал Эттил, когда люди в бронзовых кольчугах поволокли его на улицу.

— Прощай, прощай, — скрываясь вдали, эхом отозвались ведьмы.

Тюремная камера была чистая и опрятная. Без книги Эттилу стало не по себе. Он вцепился обеими руками в решетку и смотрел, как за окном уносятся в ночное небо ракеты. Холодно светили несчетные звезды, каждый раз, как среди них вспыхивала ракета, они будто кидались врасыпную.

— Дураки, — шептал Эттил. — Ах, дураки!

Дверь камеры распахнулась. Вошел человек, вкатил подобие тележки, навалом груженной книгами. Позади выросла фигура Военного наставника.

— Эттил Врай, отвечайте, почему у вас в доме хранились запрещенные земные книги. Все эти «Удивительные истории», «Научные рассказы», «Фантастические повести». Объясните.

И он стиснул руку Эттила повыше кисти. Эттил вырвал руку.

— Если вы намерены меня расстрелять, стреляйте.

Именно из-за этой литературы я и не желаю воевать с Землей. Из-за этих книг ваше вторжение обречено.

— Как так? — Наставник хмуро покосился на пожелтевшие от времени журналы.

— Возьмите книжку, — сказал Эттил. — Любую, на выбор. С тысяча девятьсот двадцать девятого — тридцатого и до тысяча девятьсот пятидесятого года по земному календарю в девяти рассказах из десяти речь шла о том, как марсиане вторглись на Землю.

— Ага!... — Военный наставник улыбнулся и кивнул.

— ...а потом потерпели крах, — докончил Эттил.

— Да это измена! Держать у себя такие книги!

— Называйте, как хотите. Но дайте мне сделать кое-какие выводы. Каждое вторжение неизменно кончалось пшиком по милости какого-нибудь молодого человека по имени Мик, Рик, Джик или Беннон; как правило, он худощавый и стройный, родом ирландец, действует в одиночку и одолевает марсиан.

— И вы смеете в это верить!

— Что земляне и правда на это способны, не верю. Но поймите. Наставник, у них за плечами традиция, поколение за поколением в детстве зачитывалось подобными выдумками. Они просто напичканы книжками о безуспешных нашествиях. У нас, марсиан, таких книг нет и не было, верно?

— Ну-у...

— Не было.

— Пожалуй, что и так.

— Безусловно, так, сами знаете. Мы никогда не сочиняли таких фантастических выдумок.

И вот теперь мы поднялись, мы идем в бой — и погибнем.

— Странная логика. При чем тут старые журналы?

— Боевой дух. В этом вся соль. Земляне знают, что они не могут не победить. Это знание у них в крови. Они не могут не победить. Они отразят любое вторжение, как бы великолепно его ни организовать. Книжки, которых они начитались в юности, придают им неколебимую веру в себя, где нам с ними равняться! Мы, марсиане, не так уж уверены в себе; мы знаем, что можем потерпеть неудачу. Как мы ни бьем в барабаны, как ни трубим в трубы, а дух наш слаб.

— Это измена! Я не желаю слушать! — закричал Военный наставник. — Через десять минут все эти книжонки сожгут, и тебя тоже. Можешь выбирать, Эттил Врай. Либо ты вступишь в Военный легион, либо сгоришь.

— Выбирать из двух смертей? Что ж, лучше сгореть.

— Эй, люди!

Эттила вытолкали во двор. И он увидел, как были преданы огню книги, которые он так любовно собирал. Посреди двора зияла яма в пять футов глубиной, в яму налито горючее. Его подожгли, с ревом взметнулось пламя. Через минуту Эттила втолкнул в яму.

А в конце двора, в тени, одиноким мрачным изваянием застыл его сын, большие желтые глаза полны горечи и страха. Мальчик не протянул руку, не вымолвил ни слова, только смотрел на отца, точно умирающий зверек, бессловесный зверек, что молит о пощаде.

Эттил поглядел на яростное пламя. Грубые руки схватили его, сорвали с него одежду и подтащили к огненной черте, за чертой — смерть. И только тут Эттил проглотил ком, застрявший в горле, и крикнул:

— Стойте!

Лицо Наставника — в рыжих пляшущих отсветах, в дрожащем жарком мареве — придвинулось ближе.

— Чего тебе?

— Я вступаю в Военный легион, — сказал Эттил.

— Хорошо! Отпустите его!

Грубые руки разжались.

Эттил обернулся — сын стоял в дальнем конце двора и ждал. Не улыбался, просто ждал. В небо взметнулась яркая бронзовая ракета — и звезды померкли...

— А теперь пожелаем доблестным воинам счастливого пути, — сказал Наставник.

Загремел оркестр, ветер ласково брызнул слезами дождя на потных, распаренных солдат. Запрыгали ребяташки. Среди пестрой толчеи Эттил увидел жену, она плакала от гордости, рядом, молчаливый и торжественный, стоял сын.

Строевым шагом смеющиеся отважные воины вошли в межпланетный корабль. Легли в сетки, пристегнулись. По всему кораблю в сетках расположились солдаты. Все что — то лениво жевали и ждали. Захлопнулась тяжелая крышка люка. Где-то в клапане засвистел воздух.

— Вперед, к Земле и гибели, — прошептал Эттил.

— Что? — переспросил кто-то.

— Вперед, к славной победе, — скорчив подобающую мину, сказал Эттил.

Ракета рванулась в небо.

«Бездна, — думал Эттил. — Вот мы летим в медном котле через бездны мрака и алые сполохи. Мы летим — наша прославленная ракета запыхает в небе над землянами, и сердца их исполнятся страхом. Ну, а самому тебе каково сейчас, когда ты далек, так страшно далек от дома, от жены, от сына?»

Он пытался понять, почему его бьет дрожь. Словно все внутренности, все самое сокровенное, самое важное в твоём существе, без чего нельзя жить, — все накрепко привязал к родному Марсу, а сам прыгнул прочь на миллионы миль. Сердце все еще на Марсе, там оно бьется и пылает. Мозг все еще на Марсе, там он мыслит, трепещет, как брошенный факел. И

желудок еще там, на Марсе, сонно переваривает последний обед. И легкие еще там, в прохладном, голубом, хмельном воздухе Марса — мягкие, подвижные мехи, что жаждут освобождения. Вот часть тебя, которой так нужен покой.

Ибо теперь ты лишь автомат без винтов и гаек, ты труп, те, у кого над тобою власть, вскрыли тебя и выпотрошили, и все, что было в тебе стоящего, бросили на дно пересохших морей, раскидали по сумрачным холмам. И вот ты — опустошенный, угасший, охладельный, у тебя остались только руки, чтоб нести смерть землянам. Руки — вот и все, что от тебя осталось, подумал он холодно и отрешенно.

Лежишь в сетке, в огромной паутине. Не один, вас много, но другие целы и невредимы, тело и душа у них — одно. А все, что от тебя осталось живого, бродит там, позади, под вечерним ветерком среди пустынных морей. Здесь же, в ракете, только холодный ком глины, в котором уже нет жизни.

— Штурмовые посты, штурмовые посты, к штурму!

— Готов! Готов! Готов!

— Подъем!

— Встать из сеток! Живо!

Этилл повиновался команде. Где-то отдельно, впереди него, двигались его онемевшие руки.

Как быстро все это получилось, думал он. Только год назад на Марс прилетела ракета с Земли. Наши ученые — ведь они наделены потрясающим телепатическим даром — в точности ее скопировали; наши рабочие на своих потрясающих заводах соорудили сотни таких же ракет. С тех пор больше ни один земной корабль не достиг Марса, и однако мы в совершенстве овладели языком людей Земли, мы знаем их культуру, ход их мыслей. И мы дорого заплатим за столь блистательные успехи...

— Орудия к бою!

— Есть!

— Прицел!

— Дистанция в милях?

— Десять тысяч!

— Штурм!

Гудящая тишина. Тишина скрытого в ракете улья. Гудят и жужжат крохотные катушки, бесчисленные приборы, рычаги, вертящиеся колеса. И молча ждут люди. В молчании застыли тела, только пот проступает под мышками, на лбу, под остановившимися выцветшими глазами.

— Внимание! Приготовиться!

Изо всех сил держится Этилл — только бы не потерять рассудок! — и ждет, ждет...

Тишина, тишина, тишина. Ожидание.

Ти-и-и-и-!

— Что это?

— Радио с Земли!

— Дайте настройку!

— Они пробуют с нами связаться, они нас вызывают. Дайте настройку!

И-и-ии-!

— Вот они! Слушайте!

— Вызываем марсианские военные ракеты!

Тишина затаила дыхание, гуденье улья смолкло и отступило, и в ракете над застывшими в ожидании солдатами раздался резкий, отрывистый чужой голос:

— Говорит Земля! Говорит Уильям Соммерс, президент Объединения американских промышленников!

Этилл стиснул рукоятку боевого аппарата, весь подался вперед, зажмурился.

— Добро пожаловать на Землю!

— Что? — закричали в ракете. — Что он сказал?

— Да, да, добро пожаловать на Землю.

— Это обман!

Этилл вздрогнул, открыл глаза и ошалело уставился в потолок, откуда исходил невидимый

голос.

— Добро пожаловать! Зеленая Земля, планета цивилизации и промышленности, приветствует вас! — радушно вещал голос. — Мы вас ждем с распростертыми объятиями, да обратится грозное нашествие в дружественный союз на вечные времена.

— Обман!

— Тс-с, слушайте!

— Много лет назад мы, жители Земли, отказались от войн и уничтожили наши атомные бомбы. И теперь мы не готовы воевать, нам остается лишь приветствовать вас. Наша планета к вашим услугам. Мы просим только о милосердии, наши добрые и милостивые завоеватели.

— Этого не может быть! — прошептал кто-то.

— Уж конечно, это обман!

— Итак, добро пожаловать! — закончил представитель Земли мистер Уильям Соммерс. — Опускайтесь, где вам угодно. Земля к вашим услугам, все мы — братья!

Этилл засмеялся. На него оглянулись, уставились в недоумении.

— Он сошел с ума!

А Этилл все смеялся, пока его не стукнули.

Маленький толстенький человечек посреди раскаленного ракетодрома в Гринтауне, штат Калифорния, выхватил белоснежный платок и отер взмокший лоб. Потом со свежесколоченной дощатой трибуны подслеповато прищурился на пятидесятитысячную толпу, которую сдерживала плотная цепь полицейских. Все взгляды были устремлены в небо.

— Вот они!

Толпа ахнула.

— Нет, это просто чайки!

Ропот разочарования.

— Я начинаю думать, что напрасно мы не объявили им войну, — прошептал толстяк мэр. — Тогда можно было бы разойтись по домам.

— Ш-ш! — остановила его жена.

— Вот они! — загудела толпа.

Из солнечных лучей возникли марсианские ракеты.

— Все готовы? — мэр беспокойно огляделся.

— Да, сэр, — сказала мисс Калифорния 1965 года.

— Да, — сказала и мисс Америка 1940 года (она примчалась сюда в последнюю минуту, чтобы заменить мисс Америку 1966-го — та, как на грех, слегла).

— Ясно, готовы, сэр! — подхватил мистер Крупнейший грейпфрут из долины Сан — Фернандо за 1956 год.

— Оркестр готов?

Оркестранты вскинули трубы, точно ружья на изготовку.

— Так точно!

Ракеты приземлились.

— Давайте!

Оркестр грянул марш «Я иду к тебе, Калифорния» и сыграл его десять раз подряд.

С двенадцати до часу дня мэр говорил речь, простирая руки к безмолвным, недоверчивым ракетам.

В час пятнадцать герметические люки ракет открылись.

Оркестр трижды сыграл «О штат золотой!».

Этилл и еще полсотни марсиан с оружием наготове спрыгнули наземь.

Мэр выбежал вперед, в руках у него были ключи от Земли.

Оркестр заиграл «Приходит в город Санта-Клаус», и певческая капелла, нарочно для этого случая доставленная с Лонг Бич, запела на этот мотив новые слова о том, как «приходят в город марсиане».

Видя, что все вокруг безоружны, марсиане поуспокоились, но огнестрелы не убрали.

С часу тридцати до двух пятнадцати мэр повторял свою речь специально для марсиан.

В два тридцать мисс Америка 1940 вызвалась перецеловать всех марсиан, если только они

станут в ряд.

В два часа тридцать минут и десять секунд оркестр заиграл «Здравствуйте, здравствуйте, как поживаете», чтобы замять неловкость, возникшую по вине мисс Америки.

В два тридцать пять мистер Крупнейший грейпфрут преподнес в дар марсианам двухтонный грузовик с плодами своих садов.

В два тридцать семь мэр роздал всем марсианам бесплатные билеты в театры «Элита» и «Маджестик», при этом он произнес речь, которая длилась до начала четвертого.

Заиграл оркестр, и пятьдесят тысяч человек запели «Все они славные парни».

В четыре часа торжество закончилось.

Эттил уселся в тени ракеты, с ним были двое его товарищей.

— Так вот она, Земля!

— А я считаю, всю эту дрянь надо перебить, — заявил один марсианин. — Не верю я землянам. Что-то они замышляют. Ну, с чего они так уж нам радуются? — Он поднял картонную коробку, в ней что-то шуршало. — Что это они мне сунули? Говорят, образчик. — Он прочел надпись на этикетке: — «БЛЕСК. Новейшая Мыльная Стружка».

Вокруг сновала толпа, земляне и марсиане вперемешку, точно на карнавале. Стоял немолчный говор, радушные хозяева пробовали на ощупь обшивку ракет, засыпали гостей вопросами.

Эттил словно окоченел. Его пуще прежнего била дрожь.

— Неужели вы не чувствуете? — шепнул он. — Тут таится что-то недоброе, противоестественное. Нам не миновать беды. Все это неспроста. Какое-то ужасное вероломство. Я знаю, они готовят нам худое.

— А я говорю, их надо-перебить-всех до единого!

— Как же убивать тех, кто называет себя другом и приятелем? — спросил второй марсианин.

Эттил покачал головой.

— Они не притворяются. И все-таки у меня такое чувство, будто нас бросили в чан с кислотой и мы растворяемся, превращаемся в ничто. Мне страшно. — Он нацелил мозг на толпу, силясь нащупать ее настроение. — Да, они и вправду к нам расположены, у них это называется «на дружеской ноге». Это огромное сборище самых обыкновенных людей, они равно благосклонны, что к собакам и кошкам, что к марсианам. И все же... все же...

Оркестр сыграл «Выкатим бочонок». Компания «Пиво Хейгенбека» (город Фресно, штат Калифорния) угощала всех даровым пивом.

Марсиан начало тошнить.

Их неудержимо рвало. Даровое угощение фонтанами извергалось обратно.

Даваясь и отплевываясь, Эттил сидел в тени платана.

— Это заговор... гнусный заговор... — стонал он и судорожно хватался за живот.

— Что вы такое съели? — над ним стоял Военный наставник.

— Что-то непонятное, — простонал Эттил. — У них это называется кукурузные хлопья.

— А еще?

— Еще какой-то ломоть мяса с булкой, и пил какую-то желтую жидкость из бочки со льдом, и ел какую-то рыбу, и штуку, которую они называют пирожное, — вздохнул Эттил, веки его вздрагивали.

Со всех сторон раздавались стоны завоевателей-марсиан.

— Перебить подлых предателей! — слабым голосом выкрикнул кто-то.

— Спокойнее, — остановил Наставник — Это просто гостеприимство. Они переусердствовали. Вставайте, воины. Идем в город. Надо разместить повсюду небольшие гарнизоны, так будет вернее. Остальные ракеты приземляются в других городах. Пора браться за дело.

Солдаты кое-как поднялись на ноги и растерянно хлопали глазами.

— Вперед шагом... марш!

Раз, два, три, четыре! Раз, два, три, четыре!

Городок, весь белый, дремал, окутанный мерцающим зноем. Все раскалилось — столбы,

бетон, металл, полотняные навесы, крыши, толь — все дышало жаром.

Мерный шаг марсиан гулко отдавался на улицах.

— Осторожней! — вполголоса предупредил Наставник.

Они проходили мимо салона красоты.

Внутри украдкой хихикнули.

— Смотрите!

Из окна выглянула медно-рыжая голова и тотчас скрылась, будто кукла в театре марионеток. Блеснул в замочной скважине голубой глаз.

— Заговор, — шептал Эттил. — Так и знайте, это заговор!

В жарком воздухе тянуло духами из вентиляторов, что бешено кружились в пещерах, где под электрическими колпаками, точно какие-то морские дива, сидели женщины — волосы их закручивались неистовыми вихрями или вздымались, будто горные вершины; глаза то пронизывали, то стекленели, смотрели и тупо и хитро; накрашенные рты алели как неоновые трубки. Крутились вентиляторы, запах духов истекал в неподвижный знойный воздух, вползал в зеленые кроны деревьев, исподтишка окутывал изумленных марсиан.

Нервы Эттила не выдержали.

— Ради всего святого! — вдруг закричал он. — Скорее по ракетам — и домой! Эти ужасные твари нас погубят! Вы на них только посмотрите! Видите, видите? Эти женщины в стылых пещерах, в искусственных скалах — злобные подводные чудища!

— Молчать!

Только посмотрите на них, думал Эттил. Ноги как колонны, и платья над ними шевелятся, будто холодные зеленые жабры.

Он снова закричал.

— Эй, кто-нибудь, заткните ему глотку!

— Они накинута на нас, забросают коробками шоколада и модными журналами, их жирно намазанные, ярко-красные рты оглушат нас визгом! Они затопят нас потоками пошлости, все наши чувства притупятся и заглохнут. Смотрите, их терзают непонятные электрические машины, а они что-то жужжат, и напевают, и бормочут! Неужели вы осмелитесь войти к ним в пещеры?

— А почему бы и нет? — раздали голоса.

— Да они изжарят вас, потравят, как кислотой, вы сами себя не узнаете! Вас раздавят, сотрут в порошок, каждый обратится в мужа — и только, в существо, которое работает и приносит домой деньги, чтоб они могли тут сидеть и пожирать свой мерзкий шоколад. Неужели вы надеетесь их обуздать?

— Конечно, черт побери!

Издали долетел голос — высокий, пронзительный женский голос:

— Поглядите на того, посередке — правда, красавчик?

— А марсиане в общем-то ничего. Право слово, мужчины как мужчины, — томно протянул другой голос.

— Эй вы! Ау! Марсиане! Э-эй!

Эттил с воплем кинулся бежать...

Он сидел в парке, его трясло. Он перебирал в памяти все, что видел. Поднимал глаза к темному ночному небу — как далеко он от дома, как одинок и заброшен! Даже и сейчас, сидя в тишине под деревьями, он издали видел: марсианские воины ходят по улицам с земными женщинами, скрываются в маленьких храмах развлечений, — там, в призрачном полумраке, они следят за белыми видениями, скользящими по серым экранам, и прислушиваются к странным и страшным звукам, а рядом сидят маленькие женщины в кудряшках и жуют вязкие комки резины, а под ногами валяются еще комки, уже окаменевшие, и на них навеки остались отпечатки острых женских зубов. Пещера ветров — кинематограф.

— Привет!

Он в ужасе вскинул голову.

Рядом на скамью опустилась женщина, она лениво жевала резинку.

— Не убегай, — сказала она. — Я не кусаюсь.

— Ох! — вырвалось у Эттила.

— Сходим в кино? — предложила женщина.

— Нет.

— Да ну, пойдем, — сказала она. — Все пошли.

— Нет, — повторил Эттил. — Разве вам тут, на Земле, больше нечего делать?

— А чего тебе еще? — она подозрительно его оглядела, голубые глаза округлились. — Что же мне, по-твоему, сидеть дома носом в книжку? Ха-ха! Выдумает тоже!

Эттил изумленно смотрел на нее, спросил не сразу:

— А все-таки чем вы еще занимаетесь?

— Катаемся в автомобилях. У тебя автомобиль есть? Непременно заведи себе новый большой «подлер-шесть» с откидным верхом. Шикарная машина! Уж будь уверен, у кого есть «подлер-шесть», тот любую девчонку подцепит! — и она подмигнула Эттилу. — У тебя-то денег куча, раз ты с Марса, это уж точно. Была бы охота, можешь завести себе «подлер-шесть» — и кати, куда вздумается, это уж точно.

— Куда, в кино?

— А чем плохо?

— Нет-нет, ничего...

— Да вы что, мистер? Рассуждаете прямо как коммунист! — сказала женщина. — Нет, сэр, такие разговорчики никто терпеть не станет, черт возьми. Наше общество очень даже мило устроено. Мы люди покладистые, позволили марсианам нас завоевать, даже пальцем не шевельнули — верно?

— Вот этого я никак не пойму. Почему вы нас так приняли?

— По доброте душевной, мистер, вот почему! Так и запомни, по доброте душевной!

И она пошла искать себе другого кавалера.

Эттил собрался с духом — надо написать жене; разложил бумагу на коленях и старательно вывел: "Дорогая Тилла!... Но тут его снова прервали. — Чуть не под носом застучали в бубен, пришлось поднять голову — перед ним стояла тщедушная старушонка с детски круглым, но увядшим и сморщенным личиком.

— Брат мой! — закричала она, глядя на Эттила горящими глазами. — Обрел ли ты спасение?

Эттил вскочил, уронил перо.

— Что? Опасность?

— Ужасная опасность! — завопила старуха, затрясла бубном и возвела очи горе. — Ты нуждаешься в спасении, брат мой, ты на краю гибели!

— Кажется, вы правы, — дрожа согласился Эттил.

— Мы уже многих нынче спасли. Я сама принесла спасение троим марсианам. Мило, не правда ли? — она широко улыбнулась.

— Пожалуй, что так.

Она впилась в Эттила пронзительным взглядом. Наклонилась к нему и таинственно зашептала:

— Брат мой, был ли ты окрещен?

— Не знаю, — ответил он тоже шепотом.

— Не знаешь?! — крикнула она и высоко вскинула бубен.

— Это вроде расстрела, да? — спросил Эттил.

— Брат мой, ты погряз во зле и грехе, — сказала старушонка. — Не тебя осуждаю, ты вырос во мраке невежества. Я уж вижу, ваши марсианские школы ужасны, вас совсем не учат истине. Вас развращают ложью. Брат, если хочешь быть счастливым, дай совершить над тобой обряд крещения.

— И тогда я буду счастлив даже здесь, в этом мире? — спросил Эттил.

— Не требуй сразу многого, — возразила она. — Здесь довольствуйся малым, ибо есть другой, лучший мир, и там всех нас ждет награда.

— Тот мир я знаю, — сказал Эттил.

— Там покой, — продолжала она.

— Да.

— И тишина.

— Да.

— Там реки текут молоком и медом.

— Да, пожалуй, — согласился Эттил.

— И все смеются и ликуют.

— Я это как сейчас вижу, — сказал Эттил.

— Тот мир лучше нашего.

— Куда лучше, — подтвердил он. — Да, Марс — великая планета.

Старушонка так и вскинулась, чуть не ударила его бубном по лицу.

— Вы что, мистер, насмехаетесь надо мной?

— Да нет же! — Эттил смутился и растерялся. — Я думал, вы это про...

— Уж, конечно, не про ваш мерзкий Марс! Вот таким, как вы, и суждено вечно кипеть в котле, вы покроетесь язвами, вам уготованы адские муки...

— Да, признаться, Земля — место малоприятное. Вы очень верно ее описываете.

— Опять вы надо мной насмехаетесь, мистер! — разъярилась старушонка.

— Нет-нет, прошу прощения. Это я по невежеству.

— Ладно, — сказала она. — Ты язычник, а язычники все невоспитанные. На, держи бумажку. Приходи завтра вечером по этому адресу и будешь окрещен и обретешь счастье. Мы громко распоеваем, без усталости шагаем, и если хочешь слышать всю нашу медь, все трубы и флейты и кларнеты, ты к нам придешь, придешь?

— Постараюсь, — неуверенно сказал Эттил.

И она зашагала прочь, колотя на ходу в бубен и распоевая во все горло: «Счастье мое вечно со мной!» Ошеломленный Эттил снова взялся за письмо. "Дорогая Тилла! Подумай только, по своей *naivete*¹¹ я воображал, будто земляне встретят нас бомбами и пушками. Ничего подобного! Я жестоко ошибался. Тут нет никакого Рика, Мика, Джика, Беннона, никаких таких молодцов, которые в одиночку спасают всю планету. Вовсе нет.

Тут только и есть что белобрысые розовые роботы с телами из резины; они вполне реальные и все-таки чуточку неправдоподобны, живые — и все-таки говорят и действуют как автоматы, и весь свой век проводят в пещерах. У них немислимые, необъятные *derrieres*¹². Глаза неподвижные, застывшие, ведь они только и делают, что смотрят кино. И никакой мускулатуры, развиты лишь мышцы челюстей, ведь они непрестанно жуют резинку.

Таковы не отдельные люди, дорогая моя Тилла, такова вся земная цивилизация, и мы брошены в нее, как горсть семян в громадную бетономешалку. От нас ничего не останется. Нас сокрушит не их оружие, но их радушие. Нас погубит не ракета, но автомобиль..."

Отчаянный вопль. Треск, грохот. И тишина. Эттил вскочил. За оградой парка на улице столкнулись две машины. В одной было полно марсиан, в другой — землян. Эттил вернулся к письму.

"Милая, милая Тилла, вот тебе кое-какие цифры, если позволишь. Здесь, на американском континенте, каждый год погибают сорок пять тысяч человек — превращаются в кровавый студень в своих жестянках-автомобилях. Красный студень, а в нем белые кости, точно нечаянные мысли — смешные и страшные мысли замирают, застывают в желе. Автомобили сплюсциваются в этикие аккуратненькие консервные банки, а внутри все перемешалось и все тихо.

Везде на дорогах кровавое месиво, и на нем жужжат огромные навозные мухи. Внезапный толчок, остановка — и лица обращаются в карнавальные маски. Есть тут у них такой праздник — карнавал в день всех святых. Видимо, в этот день они поклоняются автомобилю или, во всяком случае, тому, что несет смерть.

Выглянешь из окна, а там лежат двое, соединились в тесном объятии, еще минуту назад они не знали друг друга, а теперь оба мертвы. Я предчувствую, наша армия будет перемолота, отравлена, всякие колдуньи и жевательная резинка заманят воинов в капканы кинотеатров и

¹¹ Простоте душевной (фр.).

¹² Зады (фр.).

погубят. Завтра же, пока не поздно, попытаюсь сбежать домой, на Марс.

Тилла моя, где-то на Земле есть некий Человек, и у него Рычаг, довольно ему нажать на рычаг — и он спасет эту планету. Но человек этот сейчас не у дел. Заветный рычаг покрывается пылью. А сам он играет в карты.

Женщины этой зловещей планеты утопили нас в потоках пошлой чувствительности и неуместного кокетства, они предаются отчаянному веселью, потому что скоро здешние парфюмеры переварят их в котле на мыло. Спокойной ночи, Тилла моя. Пожелай мне удачи, быть может, я погибну при попытке к бегству. Поцелуй за меня сына".

Эттил Врай сложил письмо, немые слезы кипели в груди. Не забыть бы отправить письмо с почтовой ракетой.

Он вышел из парка. Что остается делать? Бежать? Но как? Вернуться попозже вечером на стоянку, забраться одному в ракету и улететь? Возможно ли это? Он покачал головой. Ничего не поймешь, совсем запутался.

Ясно одно, если остаться на Земле, тобой живо завладеют бесчисленные вещи, которые жужжат, фыркают, шипят, обдают дымом и зловонием. Пройдет полгода — и у тебя заведется огромная, хорошо прирученная язва, кровяное давление астрономических масштабов и совсем ослепнешь, и каждую ночь будут душить долгие, мучительные кошмары, и никак из них не вырвешься. Нет, ни за что!

Мимо с бешеной скоростью несутся в своих механических гробах земляне — лица застывшие, взгляд дикий. Не сегодня-завтра они наверняка изобретут автомобиль, у которого будет шесть серебряных ручек!

— Эй, вы!

Взвыла сирена. У обочины остановилась огромная, точно катафалк, зловещая черная машина. Из нее высунулся человек.

— Марсианин?

— Да.

— Вас-то мне и надо. Влезайте, да поживей! Вам крупно повезло. Влезайте! Свезу вас в отличное местечко, там и потолкуем. Ну же, не стойте столбом!

Ошеломленный Эттил покорно открыл дверцу и сел в машину.

Покатили.

— Что будете пить, Э Вэ? Коктейль? Официант, два манхеттена! Спокойно, Э Вэ. Я угощаю. Я и наша студия. Нечего вам хвататься за кошелек. Рад познакомиться, Э Вэ. Меня зовут Эр Эр Ван Пленк. Может, слышали про такого? Нет? Ну, все равно, руку, приятель.

Он зачем-то помял Эттилу руку и сразу ее выпустил. Они сидели в темной пещере, играла музыка, плавно скользили официанты. Им принесли два бокала. Все произошло так внезапно. И вот Ван Пленк, скрестив руки на груди, разглядывает свою марсианскую находку.

— Итак, Э Вэ, вы мне нужны. У меня есть идея — бл-а-городнейшая, лучше не придумаешь! Даже не знаю, как это меня осенило. Сижу сегодня дома, и вдруг — бац! — вот это, думаю, будет фильм! ВТОРЖЕНИЕ МАРСИАН НА ЗЕМЛЮ. А что для этого нужно? Нужен консультант. Ну, сел я в машину, отыскал вас — и вся недолга. Выпьем! За ваше здоровье и за наш успех. Хоп!

— Но... — возразил было Эттил.

— Знаю, знаю, ясно, не задаром. Чего-чего, а денег у нас прорва. И еще у меня при себе книжечка, а в ней золотые листочки, могу ссудить.

— Мне не очень нравятся ваши земные растения и...

— Э, да вы шутник. Так вот, слушайте, как мне мыслится сценарий. — В азарте он наклонился к Эттилу. — Сперва шикарные кадры: на Марсе разгораются страсти, огромное сборище, марсиане кричат, бьют в барабаны. В глубине — громадные серебряные города...

— Но у нас на Марсе города совсем не такие...

— Тут нужно красочное зрелище, сынок. Красочное. Папаше Эр Эру лучше знать. Словом, все марсиане пляшут вокруг костра.

— Мы не пляшем вокруг костров...

— В этом фильме придется вам разжечь костры и плясать, — объявил Ван Пленк и даже зажмурился, гордый своей непогрешимостью. Покивал головой и мечтательно продолжал: —

Затем понадобится марсианка, высокая златокудрая красавица.

— На Марсе женщины смуглые, с темными волосами и...

— Послушай, Э Вэ, я не понимаю, как мы с тобой поладим. Кстати, сынок, надо бы тебе сменить имя. Как бишь тебя зовут?

— Эттил.

— Какое-то бабье имя. Подберем получше. Ты у меня будешь Джо. Так вот, Джо. Я уже сказал, придется нашим марсианкам стать беленькими, понятно? Потому что потому. А то папочка расстроится. Ну, что скажешь?

— Я думал...

— И еще нам нужна такая сцена, чтоб зрители рыдали — в марсианский корабль угодил метеорит или еще что, словом, катастрофа, но тут прекрасная марсианка спасает всю ораву от верной смерти. Сногшибательная выйдет сценка. Знаешь, Джо, это очень удачно, что я тебя нашел. Для тебя это дельце выгодное, можешь мне поверить.

Эттил перегнулся к нему через столик и крепко сжал его руку.

— Одну минуту. Мне надо вас кое о чем спросить.

— Валяй, Джо, не смущайся.

— Почему вы все так любезны с нами? Мы вторглись на вашу планету, а вы... вы все принимаете нас, точно родных детей после долгой разлуки. Почему?

— Ну и чудачки же вы там, на Марсе! Сразу видно, святая простота. Ты вот что сообрази, Мак. Мы тут люди маленькие, верно?

И он помахал загорелой ручкой в изумрудных перстнях.

— Мы люди самые заурядные, верно? Так вот мы, земляне, этим гордимся. Наш век — век Заурядного Человека, Билл, и мы гордимся, что мы — мелкая сошка. У нас на Земле, друг Билли, все жители сплошь сарояны. Да, да. Этакое огромное семейство благодушных сароянов, и все нежно любят друг дружку. Мы вас, марсиан, отлично понимаем, почему вы вторглись на Землю. Ясное дело, вам одиноко на вашем маленьком холодном Марсе и завидно, что у нас такие города...

— Наша цивилизация гораздо старше вашей...

— Уж пожалуйста, Джо, не перебивай, не расстраивай меня. Дай я выскажу свою теорию, а потом говори хоть до завтра. Так вот, вам там было скучно и одиноко, и вы прилетели к нам повидать наши города и наших женщин — и милости просим, добро пожаловать, ведь вы наши братья, вы тоже самые заурядные люди.

А кстати, Роско, тут есть еще одна мелочь: на этом вашем вторжении можно и подзаработать. Вот, скажем, я задумал фильм — он нам даст миллиард чистой прибыли, это уж будь покоен. Через неделю мы пустим в продажу куклу-марсианку по тридцать монет штука. Это тоже, считай, еще миллионы дохода. И у меня есть контракт, выпущу какую-нибудь марсианскую игру, она пойдет по пять монет. Да мало ли чего еще можно напридумывать.

— Вот оно что, — сказал Эттил и отодвинулся.

— Ну и, разумеется, это отличный новый рынок.

Мы вас завалим товарами, только хватайте, и средства для удаления волос дадим, и жевательную резинку, и ваксу — прорву всего.

— Постойте. Еще один вопрос.

— Валяй.

— Как ваше имя? Что это означает — Эр Эр?

— Ричард Роберт.

Эттил поглядел в потолок.

— А может быть, иногда случайно кто-нибудь зовет, вас... м-м... Рик?

— Угадал, приятель. Ясно, Рик, как же еще.

Эттил перевел дух и захохотал, и никак не мог остановиться. Ткнул в собеседника пальцем.

— Так вы — Рик? Рик! Стало быть, вы и есть Рик!

— А что тут смешного, сынок? Объясни папочке!

— Вы не поймете... вспомнилась одна история... — Эттил хохотал до слез, задыхался от смеха, судорожно стучал кулаком по столу. — Так вы Рик! Ох, забавно! Ну, совсем не похожи. Ни тебе огромных бицепсов, ни волевого подбородка, ни ружья. Только туго набитый кошелек,

кольцо с изумрудом да толстое брюхо!

— Эй, полегче на поворотах. Мак. Может, я и не Аполлон, но...

— Вашу руку, Рик! Давно мечтал познакомиться. Вы — тот самый человек, который завоюет Марс, ведь у вас есть машинки для коктейля, и супинаторы, и фишки для покера, и хлыстики для верховой езды, и кожаные сапоги, и клетчатые кепи, и ром.

— Я только скромный предприниматель, — сказал Ван Пленк и потупил глазки. — Я делаю свой бизнес и получаю толику барыша. Но я уже говорил, Джек, я давно подумывал: надо поставлять на Марс игрушки дядюшки Уиггили и комиксы Дика Трейси, там все будет в новинку! Огромный рынок сбыта! Ведь у вас и не слыхивали о политических карикатурах, так? Так! Словом, мы вас засыплем всякой всячиной. Наши товары будут нарасхват. Марсиане их просто с руками оторвут, малыш, верно говорю! Еще бы — духи, платья из Парижа, модные комбинезоны — чуешь? И первоклассная обувь.

— Мы ходим босиком.

— Что я слышу? — воззвал Р. Р. Ван Пленк к небесам. — На Марсе живет одна неотесанная деревенщина? Вот что, Джо, уж это наша забота. Мы всех застыдим, перестанут шлепать босиком. А тогда и сапожный крем пригодится!

— А-а...

Ван Пленк хлопнул Эттила по плечу.

— Стало быть, заметано? Ты — технический директор моего фильма, идет? Для начала получаешь двести долларов в неделю, а там дойдет и до пяти сотен. Что скажешь?

— Меня тошнит, — сказал Эттил. От выпитого коктейля он весь посинел.

— Э, прошу прощенья. Я не знал, что тебя так разберет. Выйдем-ка на воздух.

На свежем воздухе Эттилу стало полегче.

— Так вот почему Земля нас так встретила? — спросил он и покачнулся.

— Ясно, сынок. У нас на Земле только дай случай честно заработать, ради доллара всякий расстарается. Покупатель всегда прав. Ты на меня не обижайся. Вот моя карточка. Завтра в девять утра приезжай в Голливуд на студию. Тебе покажут твой кабинет. Я приеду в одиннадцать, тогда потолкуем. Ровно в девять, смотри не опаздывай. У нас порядок строгий.

— А почему?

— Чудак ты, Галлахер! Но ты мне нравишься. Спокойной ночи. Счастливого вторжения!

Автомобиль отъехал.

Эттил поглядел ему вслед, поморгал растерянно. Потом потер лоб ладонью и побрел к стоянке марсиан.

— Как же теперь быть? — вслух спросил он себя.

Ракеты безмолвно поблескивали в лунном свете. Издали, из города доносился гул, там буйно веселились. В походном лазарете хлопотали врачи: с одним молодым марсианином случился тяжелый нервный припадок: судя по воплям больного, он чересчур всего наглядился, чересчур много выпил, слишком много наслушался песен из красно-желтых ящичков в разных местах, где люди пьют, и за ним без конца гонялась от столика к столику женщина, огромная, как слониха. Опять и опять он бормотал:

— Дышать нечем... заманили, раздавили...

Понемногу всхлипывания затихли. Эттил вышел из густой тени и направился к кораблям, надо было пересечь широкую дорогу. Вдалеке вповалку валялись пьяные часовые. Он прислушался. Из огромного города долетали музыка, автомобильные гудки, вой сирен. А ему чудились еще и другие звуки: приглушенно урчат машинки в барах, готовят солодовый напиток, от которого воины обростут жирком, станут ленивыми и беспамятными; в пещерах кинотеатров вкрадчивые голоса убаюкивают марсиан, нагоняют крепкий-крепкий сон — от него никогда уже не очнешься, не отрезвеешь до конца дней.

Пройдет год — и сколько марсиан умрет от цирроза печени, от камней в почках, от высокого кровяного давления, сколько покончат с собой?

Эттил стоял посреди пустынной дороги. За два квартала из-за угла вывернулась машина и понеслась прямо на него.

Перед ним выбор: остаться на Земле, поступить на службу в киностудию, числиться консультантом, являться по утрам минута в минуту и начать понемногу поддакивать шефу — да,

мол, конечно, бывала на Марсе жестокая резня: да, наши женщины высокие и белокурые; да, у нас есть разные племена и у каждого свои пляски и жертвоприношения, да, да, да. А можно сейчас же пойти и залезть в ракету и одному вернуться на Марс.

— А что будет через год? — сказал он вслух.

На Марсе откроют Ночной Клуб Голубого канала. И Казино Древнего города. Да, в самом сердце марсианского Древнего города устроят игорный притон! И во всех старинных городах пойдут кружить и перемигиваться неоновые огни реклам, и шумные компании затеют веселье на могилах предков, — да, не миновать.

Но час еще не пробил. Через несколько дней он будет дома. Тилла и сын ждут его, и можно напоследок еще несколько лет пожить тихо и мирно — дышать свежим ветром, сидеть с женой на берегу канала и читать милые книги, порой пригубить тонкого легкого вина, мирно побеседовать — то недолгое время, что еще остается им, пока не свалится с неба неоновое безумие.

А потом, быть может, они с Тиллой найдут убежище в синих горах, будут скрываться там еще год-другой, пока и туда не нагрянут туристы и не начнут щелкать затворами фотоаппаратов и восторгаться — ах, какой дивный вид!

Он уже точно знал, что скажет Тилле:

— Война ужасна, но мир подчас куда страшнее.

Он стоял посреди широкой пустынной дороги. Обернулся — и без малейшего удивления увидел: прямо на него мчится машина, а в ней полно орущих подростков. Мальчишки и девчонки лет по шестнадцати, не больше, гонят открытую машину так, что ее мотает и кидает из стороны в сторону. Указывают на него пальцами, истошно вопят. Мотор ревет все громче. Скорость — шестьдесят миль в час.

Этиль кинулся бежать. Машина настигала.

Да, да, устало подумал он. Как странно, как печально... и рев, грохот... точь-в — точь бетономешалка.

Корпорация «Марионетки»

Marionettes, INC 1949 год

Переводчик: Д. Смушкович

Двое медленно шли вдоль по улице и спокойно беседовали. Обоим было лет по тридцать пять, и для десяти часов вечера оба были примечательно трезвы.

— Но почему в такую рань? — спросил Смит.

— Потому, — ответил Брэйлинг.

— В кои-то веки выбрался, и уже в десять — домой.

— Наверное, нервы пошаливают.

— Странно, как тебе это вообще удалось. Я тебя десять лет пытаюсь вытащить посидеть со стаканчиком. А стоило тебе вырваться, и ты настаиваешь, что должен вернуться в такую рань.

— Боюсь спугнуть удачу, — отозвался Брэйлинг.

— Что ты сделал — подсыпал жене снотворного в кофе?

— Нет, это было бы непорядочно. Сам скоро увидишь. Они свернули за угол.

— По правде говоря, Брэйлинг... не хотел бы я этого касаться, но ты с ней натерпелся. Можешь не признаваться, но твой брак был сплошным кошмаром, верно?

— Я бы не сказал.

— Выплыло ведь, как она заставила тебя жениться. Помнишь, в 1979 году, когда ты собирался в Рио...

— Милый Рио. Собирался, да так и не съездил.

— Помнишь, как она порвала на себе одежду, растрепала волосы и пригрозила вызвать полицию, если ты не женишься?

— Она всегда была нервной, Смит, пойми.

— Это просто подлость. Ты не любил ее. Хоть это ты ей сказал?

— Припоминаю, что даже настаивал.

— И все-таки женился.

— Мне приходилось думать о своем бизнесе и о матери с отцом. Такой скандал их убил бы.

— И так уже десять лет.

— Да, — произнес Брэйлинг; взгляд его серых глаз был тверд. — Но я думаю, все еще переменится. Думаю, мои ожидания сбудутся. Взгляни. Он продемонстрировал длинный синий билет.

— Да это же билет до Рио на четверг!

— Да. Наконец-то я поеду.

— Но это же просто замечательно! Ты-то заслужил! А она не станет возражать? Скандалить? Брэйлинг нервно улыбнулся.

— Она не узнает, что я уехал. Я вернусь через месяц, и никто ничего не проведает, кроме тебя.

— Вот бы и мне с тобой, — вздохнул Смит.

— Бедняга Смит. Твоя семейная жизнь тоже не сахар, верно?

— Пожалуй, ведь у моей жены все с перебором. Я хочу сказать, когда ты женат уже десять лет, как-то не ждешь, чтобы твоя жена торчала у тебя на коленях каждый вечер битых два часа, по десять раз на дню звонила тебе на работу и лепетала, как девочка. Я все думаю — может, она умственно отстала?

— Ты, Смит, никогда не отличался воображением. Вот и мой дом. Ну как, хочешь узнать мой секрет? Как мне удалось вырваться сегодня.

— А ты и правда скажешь?

— Посмотри наверх, — сказал Брэйлинг. Оба уставились в темноту. В окне прямо над ними, на втором этаже, появилась тень. Человек лет тридцати пяти с висками, тронутыми сединой, грустными серыми глазами и реденькими усиками глянул на них с высоты.

— Да это же ты! — воскликнул Смит.

— Ш-ш-ш, не так громко. — Брэйлинг помахал рукой. Человек в окне понимающе кивнул и исчез.

— Наверное, я спятил, — пожаловался Смит.

— погоди минутку. Они ждали. Входная дверь дома распахнулась, и высокий худой джентльмен с усиками и печальными глазами вышел им навстречу.

— Привет, Брэйлинг, — сказал он.

— Привет, Брэйлинг, — ответил Брэйлинг. Никакой разницы. Смит уставился на них.

— Это твой брат-близнец? А я и не знал...

— Нет, нет, — тихо произнес Брэйлинг. — Наклонись. Приложи ухо к груди Брэйлинга-два. Смит поколебался, потом, нагнувшись, припал к покорно подставленной груди двойника. Тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик.

— Да нет! Быть не может!

— Может.

— Дай еще послушать. Тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик. Смит отступил и растерянно захлопал глазами. Он протянул руку и коснулся теплых щек и ладоней двойника.

— Откуда он у тебя?

— Правда, он великолепно сработан?

— Невероятно. Откуда?

— Дай этому человеку твою карточку, Брэйлинг-два. Брэйлинг-два жестом фокусника извлек белую карточку.

КОРПОРАЦИЯ «МАРИОНЕТКИ»

Сделайте копию самого себя или своих друзей! Новые гуманоидные пластиковые модели образца 1990 года, гарантия от всех видов физического износа. Цены от 7600 долларов; 15000 долларов — наша модель «люкс».

— Нет, — сказал Смит.

— Да, — сказал Брэйлинг.

— Естественно, — сказал Брэйлинг-два.

— Как долго это продолжается?

— Уже месяц. Я держу его в погребе, в ящике для инструментов. Моя жена никогда вниз не спускается, а единственный ключ от замка к этому ящику — у меня. Сегодня вечером я сказал, что хотел бы выйти купить сигару. Я спустился в погреб, вынул из ящика Брэйлинг-два и отправил его составить компанию моей жене, пока сам я провожу время в твоём обществе, Смит.

— Чудесно! Он даже пахнет, как ты. «Бонд-стрит» и «Мелакринос».

— Назови меня буквоедом, но, по-моему, это в высшей степени порядочно. В конце концов, больше всего на свете моя жена жаждет обладать мной. Эта марионетка — я до кончиков ногтей. Я был дома весь вечер. Я пробуду дома весь следующий месяц. А тем временем после десяти лет ожидания некий джентльмен побывает в Рио. Когда я вернусь из Рио, Брэйлинг-два отправится обратно в ящик. Смит поразмышлял минуту-другую.

— А он продержится месяц без подзарядки? — спросил он наконец.

— Хоть шесть месяцев, если нужда возникнет. И он сконструирован так, чтобы полностью соответствовать — есть, спать, потеть — все естественно, как само естество. Ты ведь позаботишься о моей жене, Брэйлинг-два?

— У тебя премилая жена, — кивнул Брэйлинг-два. — Я к ней весьма привязался. Смита начала пробирать дрожь.

— А как долго работает корпорация «Марионетки»?

— Втайне — вот уже два года.

— А вдруг... ну, если есть возможность... — Смит с мольбой ухватил приятеля за рукав. — Ты мне подскажешь, где я мог бы обзавестись роботом... ну, марионеткой для себя? Адресом не поделишься?

— Держи. Смит взял карточку и повертел в руке.

— Спасибо, — выпалил он. — Ты и не знаешь, что это для меня значит. Хоть немного отдыха. Хоть один вечер за месяц. Моя жена так меня обожает, что и часа без меня прожить не может. Я и сам ее нежно люблю, но... помнишь стихи: «Любовь улетает — достаточно руки разжать, любовь умирает, коль в путах ее удержать»? Вот я и хочу немного ослабить хватку.

— Ты счастливчик, тебя жена хоть любит. Моя проблема — ненависть. С этим справиться потруднее.

— О, Нетти любит меня безумно. Моя задача — приспособить ее любовь к себе.

— Удачи тебе, Смит. Заходи ко мне, пока я буду в Рио. Моей жене покажется странным, если ты вдруг перестанешь заглядывать. И обращайся с Брэйлингом-два совсем как со мной.

— Правильно! Прощай. И — спасибо! Смит с улыбкой на устах зашагал по улице. Брэйлинг и Брэйлинг-два повернулись и вошли в дом. В городском автобусе Смит насвистывал тихонько и вертел в пальцах белую карточку.

Клиенты обязуются хранить полную секретность, поскольку до легализации Конгрессом продукции корпорации «Марионетки» ее использование уголовно наказуемо.

— Ну-ну, — пробормотал Смит.

Клиенты обязаны предоставить гипсовый слепок своего тела и точный цветовой индекс глаз, губ, волос, кожи и т. д. Срок моделирования — два месяца.

Не так уж долго, подумал Смит. Через два месяца мои ребра придут в себя после сокрушающих объятий. Через два месяца моя вечно стискиваемая рука перестанет болеть. Через два месяца заживут вечные ссадины на нижней губе. Не то чтобы я хотел быть неблагодарным... Он перевернул карточку.

За два года своего существования корпорация «Марионетки» принесла счастье многим благодарным клиентам. Наш девиз — «Никаких веревочек». Адрес: 43 Саут Уэсли Драйв.

Автобус подъехал к остановке; Смит вышел. Подымаясь по лестнице, он тихо напевал себе под нос. «У нас с Нетти, — бормотал он про себя, — пятнадцать тысяч долларов на общем банковском счету. Я просто сниму восемь тысяч — скажем, на деловые расходы. Марионетка наверняка окупится, и даже с лихвой. А Нетти незачем знать». Смит открыл дверь и мигом очутился в спальне. Там была Нетти — огромная, бледная, погруженная в благостный сон.

— Милая Нетти. — При виде ее безмятежного лица в полумраке угрызения совести едва не сглодали его. — Стоило б тебе проснуться, и ты бы сокрушила меня поцелуями и воркованием. Право же, ты заставляешь меня почувствовать себя преступником. Ты всегда была такой хорошей, любящей женой. Иной раз мне даже не верится, что ты вышла за меня, а не за этого Бада Чэпмена, который когда-то так тебе нравился. Похоже, за последний месяц твоя страсть ко мне стала еще более безумной. Слезы навернулись ему на глаза. Внезапно Смит захотелось поцеловать жену, признаться в любви, разорвать карточку, забыть обо всем. Но стоило ему потянуться к ней, как в руку вернулась боль, а ребра затрещали и заныли. Он остановился, отвернулся; в глазах его застыла мука. Он вышел в холл и в темноте пересек комнаты. В библиотеке он открыл ящик стола и извлек чековую книжку.

— Взять восемь тысяч, и все, — произнес Смит. — И дело с концом... — Он замер. — Минуточку! Он судорожно перелистывал страницы.

— Это еще что такое? — воскликнул он. — Десяти тысяч не хватает! — Он так и подскочил. — Осталось только пять тысяч! Что она сотворила? Что Нетти с ними сотворила? Опять тряпки, шляпки, духи! Или нет — я знаю! Она купила тот домик над Гудзоном, о котором в минувшем месяце прожужжала мне все уши, и хоть бы словом обмолвилась! Смит ринулся в спальню, пылая праведным гневом. Да что она себе думала, когда швырялась так их деньгами? Он склонился над кроватью.

— Нетти! — рявкнул он. — Нетти, проснись! Она не шелохнулась.

— Что ты сотворила с моими деньгами? — взвыл он. Она беспокойно пошевелилась. Свет из окна румянил ее прекрасные щеки. Что-то было в ней такое... Его сердце яростно заколотилось. В горле пересохло. Он затрепетал. Ноги его подкосились. Он рухнул на колени.

— Нетти, Нетти! — возопил он. — Что ты сделала с моими деньгами?! А потом пришла жуткая мысль. Потом ужас и одиночество поглотили его. Потом — боль и разочарование. Ибо, сам того не желая, он нагибался все ниже и ниже, пока его горячее ухо не прижалось крепко и плотно к ее округлой розовой груди.

— Нетти! Тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик.

Пока Смит уходил по ночной улице, Брэйлинг и Брэйлинг-два закрыли за собой входную дверь.

— Я рад, что он тоже будет счастлив, — заметил Брэйлинг.

— Да, — рассеянно отозвался Брэйлинг-два.

— Тебя ящик дожидается, Б-два. — Брэйлинг вел второго за локоть вниз по лестнице в погреб.

— Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить, — сказал Брэйлинг-два, когда они ступили на цементный пол. — Этот погреб. Он мне не нравится. Мне не нравится в ящике.

— Я постараюсь придумать что-нибудь поудобнее.

— Марионетки должны двигаться, а не лежать. Как бы тебе понравилось почти все время проводить в ящике?

— Ну...

— Никак бы не понравилось. Я функционирую. Меня невозможно отключить. Я тоже живой, и у меня есть чувства.

— Осталось всего несколько дней. Я уеду в Рио, и тебе не придется жить в ящике. Ты сможешь жить наверху. Брэйлинг-два раздраженно махнул рукой.

— А когда ты хорошенько отдохнешь и вернешься, я снова отправлюсь в ящик.

— Продавцы марионеток не предупредили меня, что мне попался образец с норовом, — заметил Брэйлинг.

— Они о нас многого не знают, — сообщил Брэйлинг-два. — Ведь мы — новинка. И мы чувствительны. Мне даже думать противно, что ты уедешь, и будешь смеяться, и полеживать на солнышке в Рио, а мы тут торчи в этой холодине.

— Но я мечтал об этой поездке всю жизнь, — тихо вымолвил Брэйлинг. Он прикрыл глаза и увидел море, и горы, и желтый песок. Воображаемый шум волн отлично успокаивал его. Солнце замечательно грело его обнаженные плечи. Вино было восхитительным.

— Я никогда не попаду в Рио, — возразил второй. — Об этом ты подумал?

— Нет, я...

— И вот еще что. Твоя жена...

— А что — моя жена? — переспросил Брэйлинг, начиная бочком пробираться к двери.

— Я к ней весьма привязался.

— Я рад, что тебе нравится твоя работа, — Брэйлинг нервно облизнул губы.

— Боюсь, ты все же не понимаешь. Я... я полагаю, что я люблю ее. Брэйлинг сделал еще шаг и замер.

— Ты что?!

— Я все думал и думал, — продолжал Брэйлинг-два, — как хорошо в Рио, а мне туда ни за что не попасть. И еще я подумал, что мы с твоей женой... мы могли бы быть вполне счастливы.

— К-как м-мило... — Самой небрежной походкой, на какую он только был способен, Брэйлинг направился к двери погреба. — Ты не подождешь меня минуточку? Мне нужно позвонить.

— Куда? — нахмурился Брэйлинг-два.

— Неважно.

— В корпорацию «Марионетки»? Чтобы они приехали и забрали меня?

— Нет, нет — у меня такого и в мыслях не было! — Брэйлинг попытался рвануться к двери. Железные пальцы сомкнулись на его запястьях.

— Руки прочь!

— Нет.

— Это тебя моя жена подучила?

— Нет.

— Она догадалась? Она говорила с тобой? Она знает? Это ее рук дело? — Он пронзительно закричал. Чужая ладонь зажала его рот.

— Ты так и не узнаешь, верно? — вежливо улыбнулся Брэйлинг-два. — Так и не узнаешь.

— Она наверняка догадалась, она наверняка тебя подучила! — брыкался Брэйлинг.

— Я собираюсь поместить тебя в ящик, — сообщил Брэйлинг-два, — закрыть его и ключ потерять. А потом я куплю еще один билет до Рио, для твоей жены.

— Нет, нет, погоди. Постой же. Не сходи с ума. Давай все обсудим!

— Прощай, Брэйлинг. Брэйлинг окаменел.

— Что значит — прощай?

Десять минут спустя миссис Брэйлинг проснулась. Она приложила руку к щеке — только что кто-то ее поцеловал. Она вздрогнула и подняла глаза.

— Но... но ты никогда этого не делал, — пробормотала она.

— А мы посмотрим, как это можно исправить, — пообещал некто.

Город

The City, 1951 год

Переводчик: А. Оганян

Город ждал двадцать тысяч лет.

Планета двигалась по своему космическому пути, полевые цветы распускались и облетали, а город ждал. Реки планеты выходили из берегов, мелели и пересыхали, а город ждал. Ветры, некогда молодые и буйные, захирели, остепенились; облака в небесах, исстрадавшиеся, разодранные в клочья, истерзанные, обрели покой иплыли в праздной белизне. А город ждал.

Город ждал, всеми своими окнами и чёрными обсидиановыми стенами, и небоскрёбами, и башнями без флагов, и нехоженными, незамусоренными улицами, и незахвачанными дверными ручками. Город ждал, а тем временем планета описывала в космосе дугу, следуя своей орбите

вокруг сине-белого солнца. И времена года сменяли друг друга, и сменяли друг друга мороз и палящий зной, а потом опять наступали холода и опять зеленели поля и желтели летние лужайки.

Это произошло в летний полдень, в середине двадцатитысячного года — город дождался.

В небе появилась ракета.

Ракета полетела высоко-высоко, развернулась, подлетела ближе и приземлилась на глинистом пустыре в пятидесяти ярдах от обсидиановой стены.

Послышались шаги ног, обутых в ботинки, ступающих по худосочной траве, и голоса людей из ракеты, обращённые к людям снаружи.

— Готовы?

— Всё в порядке, ребята. Будьте начеку! Идём в город. Енсен, вы и Хачисон пойдёте впереди, в охране. Смотрите в оба.

Город отворил потайные ноздри в своих чёрных стенах и прочную вентиляционную шахту, запрятанную глубоко в теле города. Мощные потоки воздуха хлынули вниз по трубам, сквозь густые фильтры, задерживающие пыль, к тончайшим нежным спиралькам и паутинкам, излучающим серебристое свечение. Снова и снова нагнетается и всасывается воздух, снова и снова вместе с тёплым ветром город вдыхает запахи с пустыря.

«Пахнет огнём, упавшим метеоритом, раскалённым металлом. Из другого мира прибыл космический корабль. Пахнет медью, жжёной пылью, серой и ракетной гарью».

Информация, отпечатанная на перфоленте, пошла, передаваемая жёлтыми зубчатыми колёсиками, от одной машины к другой.

Щёлк — щёлк-щёлк-щёлк.

Затикал подобно метроному вычислитель. Пять, шесть, семь, восемь, девять. Девять человек! Застрекотало печатающее устройство и мгновенно отстучало это известие на ленте, которая скользнула вниз и исчезла.

Щёлк — щёлк-щёлк-щёлк.

Город ждал, когда же послышатся мягкие шаги их каучуковых подошв.

Великанские ноздри города снова расправились.

Запах масла. Шагавшие люди распространяли по городу слабые запахи. Они попадали в гигантский Нос и там будили воспоминания о молоке, о сыре, о мороженом, о сливочном масле, об испарениях молочной индустрии.

Щёлк — щёлк.

— Ребята, будьте наготове!

— Джонс, не делай глупостей, достань свой пистолет!

— Город мёртвый, чего бояться.

— Как знать.

От лающей речи ожили Уши. Столько веков они прислушивались к жалобным вздохам ветра, слышали, как опадает с деревьев листва, как из-под снега по весне потихоньку пробивается трава. И вот Уши, освежив смазку, принялись натягивать барабанные перепонки, туго-натуго, чтобы суметь расслышать тончайшие оттенки биения сердец пришельцев, неуловимые, как трепыхание мотылька. Уши напрягли слух. Нос накачивал полные камеры запахов.

От страха люди вспотели. Под мышками у них намокли островки пота, взмокли ладони, сжимавшие оружие.

Город потягивал своим Носом этот запах, пробуя, словно знаток, дегустирующий старинное вино.

Щёлк — щёлк-щёлк-щёлк.

Параллельно друг другу с катушек скользнули ленты с данными. Пот: хлориды — столько-то процентов; сульфаты — столько-то: азот мочевины, азот аммиачный... *Выводы:* креатинин, сахар, молочная кислота, *так-так-так!*

Звякнули и выскочили окончательные результаты.

Нос зашипел, выдавливая из себя отработанный воздух. Уши продолжали вслушиваться.

— Капитан, по-моему, нужно возвращаться к ракете.

— Приказы отдаю я, мистер Смит!

— Да, сэр.

- Эй, там, впереди! Видите что-нибудь?
- Ничего, сэр. Похоже, этот город опустел очень давно!
- Что теперь скажете, Смит? Опасаться нечего.

— Не нравится мне тут. Не знаю, почему. Вам знакомо это чувство, когда вы приходите куда-нибудь, и вам начинает мерещиться, что вы тут уже побывали? Слишком уж этот город кажется знакомым.

— Бросьте. Эта планетная система находится в миллиардах миль от Земли. Мы никак не могли побывать здесь раньше. Наша ракета единственная из всех, которая может летать со световой скоростью.

— И всё же я никак не могу отделаться от этой мысли. Надо уносить отсюда ноги.

Звук шагов оборвался. В неподвижном воздухе слышно было лишь дыхание Смита.

Ухо уловило его и приступило к действиям. Закрутились роторы и валы, сквозь клапаны и трубки заструились, мерцая жидкости по каналцам. Сперва формула, затем готовый продукт стали появляться один за другим. Через какие-то минуты по сигналу Носа и Ушей из широких пор в стенах на прищельцев стал изливаться пахучий пар.

— Запах. Слышите *запах*? А-ах! Зелёная травка. Вы когда-нибудь вдыхали запах приятнее? Клянусь, я готов стоять тут хоть до скончания века, лишь бы дышать этим воздухом!

Над стоящими людьми витал невидимый хлорофилл.

— А-ах!

Шаги возобновились.

— Ну, Смит, в этом-то *что* плохого? Вперёд, вперёд!

На миллиардную долю секунды Ухо и Нос позволили себе расслабиться.

Контригра удалась. Пешки продвигались дальше.

Теперь из дымки показались затуманенные глаза Города.

— Капитан! Окна!

— Что такое?

— Окна домов, вон там! Они двигались, я видел!

— А я нет.

— Они поворачивались и меняли цвет, с тёмного на светлый.

— С виду обычные квадратные окна.

Размытые предметы стали видны резче. В машинных расщелинах города крутились смазанные оси, противовесы окунались в поддоны с зелёным маслом. Оконные рамы выгнулись. Окна засияли.

Внизу, по улице, шагали двое из охранения. За ними на безопасном расстоянии шли ещё семеро. На них была одета белая форма, лица порозовели так, словно их отхлестали по щекам, глаза голубые. Ходят прямо, на задних ногах, в руках держат оружие из металла. Ноги обуты. Пола они мужского. У них есть глаза, уши, рты, носы.

По окнам пробежала дрожь. Они истончились. Незаметно расширились, словно бесчисленные зрачки.

— Говорю же вам, капитан, что-то неладное с окнами!

— Ерунда!

— Я возвращаюсь, сэр.

— Что?

— Я возвращаюсь к ракете.

— Мистер Смит!

— Я не собираюсь попадать в западню!

— Что, пустого города испугались?

Остальные натянуто улыбнулись.

— Смейтесь, смейтесь!

Улица была выложена булыжником. Каждый камень размером три дюйма в ширину и шесть в длину. Улица осела, но совсем незаметно для глаза. Улица взвешивала прищельцев.

В машинном бункере красная стрелка коснулась отметки: 178 фунтов... 210, 154, 201, 198... Каждый был взвешен, вес каждого записан, и запись уползла с катушки в густую темноту.

Теперь уже город окончательно пробудился!

Вентилиционные шахты вдыхали и выдыхали воздух, смешанный с табачным духом изо рта пришельцев, с запахом зелёного мыла, который шёл от рук. Глазное яблоко и то источало едва уловимый запах. Город подмечал всё это. Сводная информация отсылалась дальше, чтобы там к ней прибавились новые данные. Хрустальные окна поблёскивали, Ухо всё туже натягивало свои барабанные перепонки... город всеми органами чувств, как невидимый снегопад, навалился на пришельцев, подсчитывая их вдохи и выдохи, глухие удары сердец, город вслушивался, всматривался, пробовал на вкус.

Улицы служили городу языком. И там, где проходили люди, вкус их ступней улавливался сквозь поры в камнях, а затем проверялся на лакмусовом индикаторе. Дотошно собранные сведения о химическом составе влились в нарастающий поток информации. Оставалось дожидаться, когда среди крутящихся колёс и шуршащих спиц будет выдан окончательный результат.

Шаги. Кто-то бежит.

— Вернитесь! Смит!

— Подите к чёрту!

— Хватай его, ребята!

Шум погони.

И — последнее. Город послушал, посмотрел, попробовал на язык, прощупал, взвесил и подвёл итог. Осталось решить последнюю задачу.

На поверхности улицы распахнулась ловушка.

Бегущий капитан незаметно для других исчез.

Он был подвешен за ноги. Горло ему перерезала бритва. Вторая бритва полоснула по груди, его скелет был вмиг очищен от всех внутренностей. В потайной камере под улицей капитан умер, распластаный на столе. Хрустальные микроскопы, уставившись, смотрели на красные переплетения мышц, бесплотные пальцы тыкали в сердце, которое всё ещё сокращалось. Лоскутья его раскроенной кожи были приколоты к столу, а тем временем чьи-то руки переключали части его тела так и сяк, казалось, некий любознательный шахматист стремительно передвигает по доске красные фигуры.

Наверху, на улице, бежали люди. Они гнались за Смитом и что-то кричали ему вдогонку. Смит что-то кричал в ответ, а внизу, в таинственной комнате разливалась по капсулам кровь, встряхивалась, вертелась на центрифуге, намазывалась на предметные стёклышки и вновь отправлялась под микроскопы. Производились подсчёты, измерялись температуры. Сердце было разрезано на семнадцать долек, печень и почки — тщательно пополам. В черепе было просверлено отверстие и через него высосаны мозги, нервы были выдернуты, как провода из испорченного распределительного щита, мускулы проверялись на упругость. А в это время в электрическом чреве города Мозг подвёл наконец под всем черту. И грандиозной работе всех машин мгновенно был дан отбой.

Итак.

Это — люди. Они прибыли из далёкого мира, с *определённой* планеты, у них определённым образом устроены глаза, уши, характерная походка, они носят оружие, думают, дерутся, у них по-особенному устроено сердце и все прочие органы. Всё соответствует древним записям.

Наверху люди гнались за Смитом.

Смит бежал к ракете.

Итак.

Они — наши враги. Это их мы ждали двадцать тысяч лет, чтобы увидеться с ними снова. Это их мы ждали, чтобы отомстить. Всё сходится. Они прилетели с планеты Земля. Двадцать тысяч лет назад они объявили войну Таоллану, они держали нас в рабстве, калечили и уничтожили страшной болезнью. Потом, после того как разграбили и растащили нашу планету, они удрали в другую галактику, чтобы самим спастись от этой болезни. Они забыли и о той войне, и о том времени, они забыли и о нас. Но мы их не забыли. Они — наши враги. Известно достоверно. Наше ожидание кончилось.

— Смит, вернись!

А теперь, к делу! На красном столе, где лежало распростёртое и выпотрошенное тело

капитана, чьи-то руки вновь приступили к игре. Во влажное лоно вложены внутренности из меди, латуни, серебра, алюминия, каучука и шёлка; паучки выткали золотую паутинку, которая вживляется в кожу; вложено сердце, а в черепную коробку помещён платиновый мозг, который гудит и сыплет крохотными голубыми искорками, провода тянутся к рукам и ногам. Через минуту тело прочно зашито, швы на разрезах, у горла, на голове замазаны, заживлены заново.

Капитан сел и вытянул руки.

— Стоять!

На улице снова возник капитан, поднял пистолет и выстрелил.

Смит упал с пулей в сердце.

Все обернулись.

— Глупец! Города боится!

Они смотрели на тело Смита, лежавшее у их ног.

Они смотрели на капитана, кто широко раскрытыми глазами, кто прищурившись.

— Слушайте, — сказал капитан, — я должен вам кое-что сообщить.

Теперь город, который их взвесил, попробовал на вкус и обнюхал, который пустил в ход все свои средства, за исключением одного, последнего, приготовился пустить в ход и его — дар речи. Он говорил не враждебным языком массивных стен и башен, и не от имени каменной громады бульжных мостовых и крепостей, наштигованных машинами, а тихим голосом одного-единственного человека.

— Я больше не капитан, — сказал он, — и не человек.

Люди отпрянули.

— Я — город, — произнёс он и заулыбался. — Я ждал двести веков, — сказал он. — Я ждал, пока вернутся сыновья сыновей других сыновей.

— Капитан, сэр!

— Я ещё не всё сказал. Кто создал меня? Город. Меня создали те, кто погиб. Древний народ, который жил здесь когда-то. Народ, который земляне бросили издыхать от страшной неизлечимой болезни, похожей на проказу. И древний народ, мечтая о том дне, когда земляне снова явятся сюда, построил этот город, и нарёк его городом Возмездия, на планете Тьмы, на берегах Векового Моря, близ Мёртвых гор. Как поэтично! Этот город был задуман как весы, как лакмусовая бумажка, как антенна для проверки всех космических странников будущего. За двадцать тысяч лет здесь побывали всего две ракеты. Одна — с далёкой галактики Эннт. Обитателей корабля проверили, взвесили, решили, что они не подходят по параметрам и выпустили из города живыми и невредимыми, так же, как и пришельцев со второго корабля. Но сегодня наконец пожаловали вы! Отмщение будет полным. Вот уже двести веков, как тот народ мёртв, но он оставил после себя этот город, чтобы вам был оказан в нём радушный приём.

— Капитан, сэр, вам нездоровится. Может вам вернуться на корабль?

Город содрогнулся.

Мостовые разверзлись, и люди с воплями провалились вниз. Падая, они увидели мелькнувшие сверкающие лезвия, летящие им навстречу.

Спустя некоторое время кто-то позвал:

— Смит?

— Здесь!

— Енесен?

— Здесь!

— Джон, Хачисон, Спрингер?

— Здесь, здесь, здесь.

Они выстроились у люка ракеты.

— Немедленно возвращаемся на Землю.

— Есть, сэр!

Разрезы на шеях были незаметны, как незаметны были и латунные сердца, серебрянные внутренности и тонюсенькие золотые проволочки вместо нервов. Из голов доносилось едва слышное электрическое гудение.

— Это мы в два счёта!

Девять человек суетились, загружая ракету золотистыми бомбами, начинёнными

микробами заразной болезни.

— Их нужно сбросить на Землю.

— Будет исполнено, сэр!

Люк захлопнулся. Ракета взмыла в небеса. Рокот её двигателей удалялся, город лежал, раскинувшись на летних пустошах. Его зрение притупилось. Перестал напрягаться слух. Закрылись огромные вентиляционные шахты его Ноздрей, улицы больше ничего не взвешивали, не подытоживали, потайные машины нашли отдохновение в масляных ваннах. Ракета растворилась в небе.

Понемногу, растягивая удовольствие, город наслаждался роскошью умирания.

Урочный час

Zero Hour, 1947 год

Переводчик: Н. Галь

Ох, и весело будет! Вот это игра! Сто лет такого не было! Детишки с криком носятся взад и вперед по лужайкам, то схватятся за руки, то бегают кругами, влезают на деревья, хохочут. В небе пролетают ракеты, по улицам скользят проворные машины, но детвора поглощена игрой. Такая потеха, такой восторг, столько визга и суеты!

Мышка вбежала в дом, чумазая и вся в поту. Для семи лет она горластая и крепкая, и на редкость твердый характер. Миссис Моррис оглянуться не успела, а дочь уже с грохотом выдвигает ящики и сыплет в мешок кастрюльки и разную утварь.

— О господи, Мышка, что это творится?

— Мы играем! Очень интересно! — запыхавшись, вся красная, отозвалась Мышка.

— Посиди минутку, передохни, — посоветовала мать.

— Не, я не устала. Мам, можно, я все это возьму?

— Только не продырявь кастрюли, — сказала миссис Моррис.

— Спасибо, спасибо! — закричала Мышка и ракетой метнулась прочь.

— А что у вас за игра? — крикнула мать ей вслед.

— Вторжение! — на бегу бросила Мышка.

Хлопнула дверь.

По всей улице дети тащили из дому ножи, вилки, консервные ножи, а то и кочергу или кусок старой трубы.

Любопытно, что волнение и суматоха охватили только младших. Старшие, начиная лет с десяти, смотрели на все это свысока и уходили гулять подальше или с достоинством играли в прятки и с мелюзгой не связывались.

Тем временем отцы и матери разъезжали в сверкающих хромированных машинах. В дома приходили мастера — починить вакуумный лифт, наладить подмигивающий телевизор или задуривший продуктопровод. Взрослые мимоходом поглядывали на озабоченное молодое поколение, завидовали неумной энергии разыгравшихся малышей, снисходительно улыбались их буйным забавам и сами, пожалуй, не прочь бы позабавиться с детишками, да только солидному человеку такое не пристало...

— Эту, эту и еще эту, — командовала Мышка, и ребята выкладывали перед ней разнокалиберные ложки, штопоры и отвертки. — Это давай сюда, а это туда. Не так! Вот неумеха! Так. Теперь не мешайся, я придумаю эту штуку, — она прикусила кончик языка и озабоченно наморщила лоб. — Вот так. Понятно?

— Ага-а! — завопили ребята.

Подбежал двенадцатилетний Джозеф Коннорс.

— Уходи! — без обиняков заявила Мышка.

— Я хочу с вами играть, — сказал Джозеф.

— Нельзя! — отрезала она.

— Почему?

— Ты будешь дразниться.

— Честное слово, не буду.

— Нет уж. Знаем мы тебя. Уходи, а то поколотим.

Подкатил на мотороликах еще один двенадцатилетний.

— Эй, Джо! Брось ты эту мелюзгу. Пошли!

Джозефу явно не хотелось уходить, он повторил не без грусти:

— А я хочу с вами.

— Ты старый, — возразила Мышка.

— Не такой уж я старый, — рассудительно сказал Джо.

— Только будешь смеяться и испортишь все вторжение.

Мальчик на мотороликах громко, презрительно фыркнул:

— Пошли, Джо! Ну их! Все еще в сказки играют!

Джозеф поплелся прочь. И пока не завернул за угол, все оглядывался.

А Мышка опять захлопотала. При помощи своего разномастного инструмента она соорудила непонятный аппарат. Сунула другой девочке тетрадку и карандаш, и та под ее диктовку прилежно выводила какие-то каракули. Жарко грело солнце, голоса девочек то звенели, то затихали.

А вокруг гудел город. Вдоль улиц мирно зеленели деревья. Только ветер не признавал тишины и покоя и все метался по городу, по полям, по всей стране. В тысяче других городов были такие же деревья, и дети, и улицы, и деловые люди в тихих солидных кабинетах что-то говорили в диктофон или следили за экранами телевизоров. Синее небо серебряными иглами прошивали ракеты. Везде и во всем ощущалось спокойное довольство и уверенность, люди привыкли к миру и не сомневались: их больше не ждет никакая беда. Ведь на всей земле люди дружны и едины. Все народы в равной мере владеют надежным оружием. Давно уже достигнуто идеальное равновесие сил. Человечество больше не знает ни предателей, ни несчастных, ни недовольных, а потому не тревожится о завтрашнем дне. И сейчас полмира купается в солнечных лучах, и дремлет, пригревшись, листва деревьев.

Миссис Моррис выглянула из окна второго этажа.

Дети. Она поглядела на них и покачала головой. Что ж, они с аппетитом поужинают, сладко уснут и в понедельник пойдут в школу. Крепкие, здоровые, и слава богу. Она прислушалась.

Подле розового куста Мышка что-то озабоченно говорит... а кому? Там никого нет.

Странный народ дети. Другая кроха — как бишь ее? Да, Энн — она усердно выводит каракули в тетрадке. Мышка что-то спрашивает у розового куста, а потом диктует подружке ответ.

— Треугольник, — говорит Мышка.

— А что это тре...гольник? — с запинкой спрашивает Энн.

— Неважно, — отвечает Мышка.

— А как оно пишется?

— Тэ...рэ...е... — начинает объяснять Мышка, но у нее не хватает терпения. — А, да пиши как хочешь! — и диктует дальше: — Перекладина.

— Я еще не дописала тре...гольник.

— Скорей, копуха! — кричит Мышка.

Мать высовывается из окна.

— ...у-голь-ник, — диктует она растерявшейся Энн.

— Ой, спасибо, миссис Моррис! — говорит Энн.

— Вот это правильное слово, — смеется миссис Моррис и возвращается к своим заботам: надо включить электромагнитную щетку, чтоб вытянуло пыль в прихожей.

А в знойном воздухе колышутся детские голоса.

— Перекладина, — говорит Энн.

Затишье.

— Четыре, девять, семь. А, потом бэ, потом фэ, — деловито диктует издали Мышка. — Потом вилка, и веревочка, и, шеста... шесту... шестиугольник!

За обедом Мышка залпом осушила стакан молока и метнулась к двери. Миссис Моррис хлопнула ладонью по столу.

— Сядь сию минуту, — велела она дочери. — Сейчас будет суп.

Она нажала красную кнопку автомата, и через десять секунд в резиновом приемнике мягко стукнуло. Миссис Моррис открыла дверцу, вынула запечатанную банку с двумя алюминиевыми ручками, мигом вскрыла ее и налила горячий суп в чашку.

Мышка ерзала на стуле.

— Скорей, мам! Тут вопрос жизни и смерти, а ты...

— В твои годы я была такая же. Всегда вопрос жизни и смерти. Я знаю.

Мышка торопливо глотала суп.

— Ешь помедленнее, — сказала мать.

— Не могу, меня Бур ждет.

— Кто это Бур? Странное имя.

— Ты его не знаешь, — сказала Мышка.

— Разве в нашем квартале поселился новый мальчик?

— Еще какой новый, — сказала Мышка, принимаясь за вторую порцию.

— Который же это — Бур? Покажи его мне.

— Он там, — уклончиво ответила Мышка. — Ты будешь смеяться. Все только дразнятся да смеются. Фу, пропасть!

— Что же, этот Бур такой застенчивый?

— Да. Нет. Как сказать. Ох, мам, я побегу, а то у нас никакого вторжения не получится.

— А кто куда вторгается?

— Марсиане на Землю. Нет, они не совсем марсиане. Они... ну не знаю. Вон оттуда, — она ткнула ложкой куда-то вверх.

— И отсюда. — Миссис Моррис легонько тронула разгоряченный дочкин лоб.

Мышка возмутилась:

— Смеешься! Ты рада убить и Бура, и всех!

— Нет-нет, я никого не хотела обидеть. Так этот Бур — марсианин?

— Нет. Он... ну не знаю. С Юпитера, что ли, или с Сатурна, или с Венеры. В общем, ему трудно пришлось.

— Могу себе представить! — Мать прикрыла рот ладонью, пряча улыбку.

— Они никак не могли придумать, как бы им напасть на Землю.

— Мы неприступны, — с напускной серьезностью подтвердила мать.

— Вот и Бур так говорит. Это самое слово, мам: не...при...

— О-о, какой умный мальчик. Какие взрослые слова знает.

— Ну и вот, мам, они все не могли придумать, как на нас напасть. Бур говорит... он говорит, чтобы хорошо воевать, надо найти новый способ заставить людей врасплох. Тогда непременно победишь. И еще он говорит, надо найти помощников в лагере врага.

— Пятую колонну, — сказала мать.

— Ага. Так Бур говорит. А они все не могли придумать, как заставить Землю врасплох и как найти помощников.

— Неудивительно. Мы ведь очень сильны, — засмеялась мать, убирая со стола.

Мышка сидела и так смотрела на стол, будто видела на нем все, о чем рассказывала.

— А потом в один прекрасный день, — продолжала она театральным шепотом, — они подумали о детях!

— Вот как! — восхитилась миссис Моррис.

— Да, и они подумали: взрослые вечно заняты, они не заглядывают под розовые кусты и не шарят в траве.

— Разве что когда собирают грибы или улиток.

— И потом, он говорил что-то такое про мери-мери.

— Мери-мери?

— Ме-ре-ния.

— Измерения?

— Ага! Их четыре штуки! И еще про детей до девяти лет и про воображение. Он очень занятно разговаривает.

Миссис Моррис устала от дочкиной болтовни.

— Да, наверно, это занятно. Но твой Бур тебя заждался. Уже поздно, а надо еще умыться

перед сном. Так что, если хочешь поспеть с вашим вторжением, беги скорей.

— Ну-у, еще мыться! — проворчала Мышка.

— Обязательно! И почему это дети боятся воды? Во все времена все дети не любили мыть уши.

— Бур говорит, мне больше не надо будет мыться, — сказала Мышка.

— Ах, вот как?

— Он всем ребятам так сказал. Никакого мытья. И не надо рано ложиться спать, и в субботу можно по телевизору смотреть целых две программы!

— Ну, пускай мистер Бур не болтает лишнего. Вот я пойду поговорю с его матерью и...

Мышка пошла к двери.

— И еще есть такие мальчишки, Пит Бритз и Дейл Джеррик, мы с ними ругаемся. Они уже большие. И они дразнятся. Они еще хуже родителей. Даже не верят в Бура. Воображали такие, задаются, что уже большие. Могли бы быть поумнее. Сами недавно были маленькие. Я их ненавижу хуже всех. Мы их первым делом убьем.

— А нас с папой после?

— Бур говорит: вы опасные. Знаешь почему? Потому что вы не верите в марсиан! А они позволят нам править всем миром. Ну не нам одним, ребятам из соседнего квартала — тоже. Я, наверно, буду королевой.

Она отворила дверь.

— Мам!

— Да?

— Что такое лог-ги-ка?

— Логика? Понимаешь, детка, это когда человек умеет разобраться, что верно, а что неверно.

— Бур и про это сказал. А что такое впе-ча-тли-тель-ный? — Мышке понадобилась целая минута, чтобы выговорить такое длиннущее слово.

— А это... — мать опустила глаза и тихонько засмеялась. — Это значит ребенок.

— Спасибо за обед! — Мышка выбежала вон, потом на миг снова заглянула в кухню. — Мам, я уж постараюсь, чтоб тебе было не очень больно, правда-правда!

— И на том спасибо, — сказала мать. Хлопнула дверь.

В четыре часа загудел вызов видеофона. Миссис Моррис нажала кнопку, экран осветился.

— Здравствуй, Элен! — сказала она.

— Здравствуй, Мэри. Как дела в Нью-Йорке?

— Отлично. А в Скрэнтоне? У тебя усталое лицо.

— У тебя тоже. Сама знаешь, дети. Путаются под ногами.

Миссис Моррис вздохнула.

— Вот и Мышка тоже. У них тут свехвторжение.

Элен рассмеялась:

— У вас тоже малыши в это играют?

— Ох, да. А завтра все помешаются на головоломках и на моторизованных «классах». Неужели мы тоже году в сорок восьмом были такие несносные?

— Еще хуже. Играли в японцев и нацистов. Не знаю, как мои родители меня терпели. Ужасным была сорванцом.

— Родители привыкают все пропускать мимо ушей.

Короткое молчание.

— Что случилось, Мэри?

Миссис Моррис прикрыла глаза, медленно, задумчиво провела языком по губам. Вопрос Элен заставил ее вздрогнуть.

— А? Нет, ничего. Просто я как раз об этом и думала. Насчет того, как пропускаешь мимо ушей. Неважно. О чем, бишь, мы говорили?

— Мой Тим прямо влюбился в какого-то мальчишку... его, кажется, зовут Бур.

— Наверно, у них такой новый пароль. Моя Мышка тоже увлеклась этим Буром.

— Вот не думала, что это и до Нью-Йорка докатилось. Видно, друг от дружки слышат и

повторяют. Какая-то эпидемия. Я тут разговаривала с Джозефиной, она говорит, ее детишки тоже помешались на новой игре, а она ведь в Бостоне. Всю страну охватило.

В кухню вбежала Мышка выпить воды. Миссис Моррис обернулась:

— Ну, как дела?

— Почти все готово, — ответила Мышка.

— Прекрасно! А это что такое?

— Бумеранг. Смотри!

Это было что-то вроде шарика на пружинке. Мышка бросила шарик, пружинка растянулась до отказа... и шарик исчез.

— Видала? — сказала Мышка. — Хоп! — Она согнула палец крючком, шарик вновь очутился у нее в руке, и она защелкнула пружинку.

— Ну-ка, еще раз, — попросила мать.

— Не могу. В пять часов вторжение. Пока! — И Мышка вышла, пощелкивая игрушкой.

С экрана видеофона засмеялась Элен.

— Мой Тим сегодня утром тоже притащил такую штучку, я хотела посмотреть, как она действует, а Тим ни за что не хотел показать, тогда я попробовала сама, но ничего не получилось.

— Ты не впе-ча-тли-тель-ная, — сказала Мэри Моррис.

— Что?

— Так, ничего. Я подумала о другом. Тебе что-то было нужно, Элен?

— Да, я хотела спросить, как ты делаешь то печенье, черное с белым...

Лениво текло время. Близился вечер. Солнце опускалось в безоблачном небе. По зеленым лужайкам потянулись длинные тени. А ребячьи крики и смех все не утихали. Одна девочка вдруг с плачем побежала прочь. Миссис Моррис вышла на крыльцо.

— Кто это плакал, Мышка? Не Пегги-Энн?

Мышка что-то делала во дворе, подле розового куста.

— Угу, — ответила она, не разгибаясь. — Пегги-Энн трусиха. Мы с ней больше не водимся. Она уж очень большая. Наверно, она вдруг выросла.

— И поэтому заплакала? Чепуха. Отвечай мне как полагается, не то сейчас же пойдешь домой!

Мышка круто обернулась, испуганная и злая.

— Да не могу я сейчас! Скоро уже время. Ты прости, я больше не буду.

— Ты что же, ударила Пегги-Энн?

— Нет, честное слово! Вот спроси ее! Это из-за того, что... ну просто она трусиха, задрожала — хвост поджала.

Кольцо ребятни теснее сдвинулось вокруг Мышки; озабоченно хмурясь, она что-то делала с разнокалиберными ложками и четырехугольным сооружением из труб и молотков.

— Вот сюда и еще сюда, — бормотала она.

— У тебя что-то не ладится? — спросила миссис Моррис.

— Бур застрял. На полдороге. Нам бы только его вытащить, тогда будет легче. За ним и другие пролезут.

— Может, я вам помогу?

— Нет, спасибо. Я сама.

— Ну хорошо. Через полчаса мыться, я тебя позову. Устала я на вас смотреть.

Миссис Моррис ушла в дом, села в кресло и отпила глоток пива из неполного стакана. Электрическое кресло начало массировать ей спину. Дети, дети... У них и любовь, и ненависть — все перемешано. Сейчас ребенок тебя любит, а через минуту ненавидит. Станный народ дети. Забывают ли они, прощают ли в конце концов шлепки, и подзатыльники, и резкие слова, когда им велишь — делай то, не делай этого? Как знать... А если ничего нельзя ни забыть, ни простить тем, у кого над тобой власть — большим, непонятливым и непреклонным?

Время шло. За окнами воцарила странная, напряженная тишина, словно вся улица чего-то ждала.

Пять часов. Где-то в доме тихонько, мелодично запели часы: «Ровно пять, ровно пять, надо время не терять!» — и умолкли.

Урочный час. Час вторжения.

Миссис Моррис засмеялась про себя.

На дорожке зашуршали шины. Приехал муж. Мэри улыбнулась. Мистер Моррис вышел из машины, захлопнул дверцу и окликнул Мышку, все еще поглощенную своей работой. Мышка и ухом не повела. Он засмеялся, постоял минуту, глядя на детей. Потом поднялся на крыльцо.

— Добрый вечер, родная.

— Добрый вечер, Генри.

Она выпрямилась в кресле и прислушалась. Дети молчат, все тихо. Слишком тихо.

Муж выколотил трубку и набил заново.

Ж — ж-жж.

— Что это? — спросил Генри.

— Не знаю.

Она вскочила, поглядела расширенными глазами. Хотела что-то сказать — и не сказала. Смешно. Нервы расходились.

— Дети ничего плохого не натворят? — промолвила она. — Там нет опасных игрушек?

— Да нет, у них только трубы и молотки. А что?

— Никаких электрических приборов?

— Ничего такого, — сказал Генри. — Я смотрел.

Мэри прошла в кухню. Жужжанье продолжалось.

— Все-таки ты им лучше скажи, чтоб кончали. Уже шестой час. Скажи им... — Она прищурилась. — Скажи, пускай отложат вторжение на завтра.

Она засмеялась не очень естественным смехом.

Жужжанье стало громче.

— Что они там затеяли? Пойду, в самом деле, погляжу.

Взрыв!

Глухо ухнуло, дом шатнуло. И в других дворах, на других улицах гроыхнули взрывы.

У Мэри Моррис вырвался отчаянный вопль.

— Наверху! — бессмысленно закричала она, не думая, не рассуждая.

Быть может, она что-то заметила краем глаза; быть может, ощутила незнакомый запах или уловила незнакомый звук. Некогда спорить с Генри, убеждать его. Пускай думает, что она сошла с ума. Да, пускай! С воплем она кинулась вверх по лестнице. Не понимая, о чем она, муж бросился следом.

— На чердаке! — кричала она. — Там, там!

Жалкий предлог, но как еще заставишь его скорей подняться на чердак. Скорей, успеть... о боже!

Во дворе — новый взрыв. И восторженный визг, как будто для ребят устроили невиданный фейерверк.

— Это не на чердаке! — крикнул Генри. — Это во дворе!

— Нет, нет! — задыхаясь, еле живая, она пыталась открыть дверь. — Сейчас увидишь! Скорей! Сейчас увидишь!

Наконец они ввалились на чердак. Мэри захлопнула дверь, повернула ключ в замке, вытащила его и закинула в дальний угол, в кучу всякого хлама. И как в бреду, захлебываясь, стала выкладывать все подряд. Неудержимо. Наружу рвались неосознанные подозрения и страхи, что весь день тайно копились в душе и перебрали в ней, как вино. Все мелкие разоблачения, открытия и догадки, которые тревожили ее с самого утра и которые она так здраво, трезво и рассудительно критиковала и отвергала. Теперь все это взорвалось и потрясло ее.

— Ну вот, ну вот, — всхлипывая, она прислонилась к двери. — Тут мы в безопасности до вечера. Может, потом потихоньку выберемся. Может, нам удастся бежать!

Теперь взорвался Генри, но по другой причине:

— Ты что, рехнулась? Какого черта ты закинула ключ? Знаешь, милая моя!...

— Да, да, пускай рехнулась, если тебе легче так думать, только оставайся здесь!

— Хотел бы я знать, как теперь отсюда выбраться!

— Тише. Они услышат. О господи, они нас найдут...

Где-то близко голос Мышки. Генри умолк на полуслове. Все вдруг зажужжало, зашипело,

поднялся визг, смех. Внизу упорно, настойчиво гудел сигнал видеофона — громкий, тревожный. «Может, это Элен меня вызывает, — подумала Мэри. — Может, она хочет мне сказать... то самое, чего я жду?»

В доме раздались шаги. Гулкие, тяжелые.

— Кто там топает? — гневно говорит Генри. — Кто смел вломиться в мой дом?

Тяжелые шаги. Двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят пар ног. Пятьдесят непрошенных гостей в доме. Что-то гудит. Хихикают дети.

— Сюда! — кричит внизу Мышка.

— Кто там? — в ярости гремит Генри. — Кто там ходит?

— Тс-с. Ох, нет, нет, нет, — умоляет жена, цепляясь за него. — Молчи, молчи. Может быть, они еще уйдут.

— Мам! — зовет Мышка. — Пап!

Молчание.

— Вы где?

Тяжелые шаги, тяжелые, тяжелые, страшно тяжелые. Вверх по лестнице. Это Мышка их ведет.

— Мам? — Неуверенное молчание. — Пап? — Ожидание, тишина.

Гуденье. Шаги по лестнице, ведущей на чердак. Впереди всех — легкие, Мышкины.

На чердаке отец и мать молча прижались друг к другу, их бьет дрожь. Электрическое гуденье, странный холодный свет, вдруг просквозивший в щели под дверью, незнакомый острый запах, какой-то чужой, нетерпеливый голос Мышки — все это, непонятно почему, проняло наконец и Генри Морриса. Он стоит рядом с женой в тишине, во мраке, его трясет.

— Мам! Пап!

Шаги. Новое негромкое гуденье. Замок плавится. Дверь настезь. Мышка заглядывает внутрь чердака, за нею маячат огромные синие тени.

— Чур-чура, яшла! — говорит Мышка.

Ракета

The Rocket, 1950 год

Переводчик: Н. Галь

Ночь за ночью Фиорелло Бодони просыпался и слушал, как со свистом взлетают в черное небо ракеты. Уверясь, что его добрая жена спит, он тихонько поднимался и на цыпочках выходил за дверь. Хоть несколько минут подышать ночной свежестью, ведь в этом домишке на берегу реки никогда не выветривается запах вчерашней стряпни. Хоть ненадолго сердце безмолвно воспарит в небо вслед за ракетами.

Вот и сегодня ночью он стоит чуть не нагишом в темноте и следит, как взлетают ввысь огненные фонтаны. Это уносятся в дальний путь неистовые ракеты — на Марс, на Сатурн и Венеру!

— Ну и ну, Бодони.

Он вздрогнул.

На самом берегу безмолвно струящейся реки, на корзине из-под молочных бутылок, сидел старик и тоже следил за взлетающими в полуночной тиши ракетами.

— А, это ты, Браманте!

— И ты каждую ночь так выходишь, Бодони?

— Надо же воздухом подышать.

— Вон как? Ну, а я предпочитаю поглядеть на ракеты, — сказал Браманте. — Я был еще мальчишкой, когда они появились. Восемьдесят лет прошло, а я так ни разу и не летал.

— А я когда-нибудь полечу, — сказал Бодони.

— Дурак! — крикнул Браманте. — Никогда ты не полетишь. Одни богачи делают что хотят. — Он покачал седой головой. — Помню, когда я был молод, на всех перекрестках кричали огненные буквы: МИР БУДУЩЕГО — РОСКОШЬ, КОМФОРТ, НОВЕЙШИЕ ДОСТИЖЕНИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ — ДЛЯ ВСЕХ! Как же! Восемьдесят лет прошло. Вот оно, будущее. Мы,

что ли, летаем в ракетах? Держи карман! Мы живем в хижинах, как жили наши предки.

— Может быть, мои сыновья... — начал Бодони.

— Ни сыновья, ни внуки, — оборвал старик. — Вот богачам, тем все можно — и мечтать, и в ракетах летать.

Бодони помолчал.

— Послушай, старина, — нерешительно заговорил он. — У меня отложены три тысячи долларов. Шесть лет копил. Для своей мастерской, на новый инструмент. А теперь, вот уже целый месяц, не сплю по ночам. Слушаю ракеты. И думаю. И нынче ночью решился окончательно. Кто-нибудь из моих полетит на Марс! — Темные глаза его блеснули.

— Болван! — отрезал Браманте. — Как ты будешь выбирать? Кому лететь? Сам полетишь — жена обидится, как это ты побывал в небесах, немножко поближе к Господу Богу. Потом ты станешь годами рассказывать ей, какое замечательное это было путешествие, и думаешь, она не изойдет злостью?

— Нет, нет!

— Нет, да! А твои ребята? Они на всю жизнь запомнят, что папа летал на Марс, а они торчали тут как пришитые. Веселенькую задачку задашь ты своим сыновьям. До самой смерти они будут думать о ракетах. По ночам глаз не сомкнут. Изведутся с тоски по этим самым ракетам. Вот как ты сейчас. До того, что если не полететь разок, так хоть в петлю. Лучше ты им это в голову не вбивай, верно тебе говорю. Пускай примирятся с бедностью и не ищут ничего другого. Их дело — мастерская да железный лом, а на звезды им глазеть нечего.

— Но...

— А допустим, полетит твоя жена? И ты будешь знать, что она всего повидала, а ты нет — что тогда? Молиться на нее, что ли? А тебе захочется утопить ее в нашей речке. Нет уж, Бодони, купи ты себе лучше новый резальный станок, без него тебе и впрямь не обойтись, да пусти свои мечты под нож, изрежь на куски и истолки в порошок.

Старик умолк и уставился неподвижным взглядом на реку — в глубине мелькали отражения проносящихся по небу ракет.

— Спокойной ночи, — сказал Бодони.

— Приятных снов, — отозвался старик.

Из блестящего тостера выскочил ломоть поджаренного хлеба, и Бодони чуть не вскрикнул. Всю ночь он не сомкнул глаз. Беспокойно спали дети, рядом возвышалось большое сонное тело жены, а он все ворочался и всматривался в пустоту. Да, Браманте прав. Лучше эти деньги вложить в дело. Стоило ли их откладывать, если из всей семьи может полететь только один, а остальные станут терзаться завистью и разочарованием?

— Ешь свой хлеб, Фиорелло, — сказала Мария, жена.

— У меня в глотке пересохло, — ответил Бодони.

В комнату вбежали дети — трое сыновей вырывали друг у друга игрушечную ракету, в руках у обеих девочек были куклы, изображающие жителей Марса, Венеры и Нептуна — зеленые истуканчики, у каждого по три желтых глаза и по двенадцать пальцев на руках.

— Я видел ракету, она пошла на Венеру! — кричал Паоло.

— Она взлетела и как зашипит: ууу-шшш! — вторил Антонелло.

— Тише вы! — прикрикнул Бодони, зажав ладонями уши.

Дети с недоумением посмотрели на отца. Он не часто повышал голос. Бодони поднялся.

— Слушайте все, — сказал он. — У меня есть деньги, хватит на билет до Марса для кого-нибудь одного.

Дети восторженно завопили.

— Вы поняли? — сказал он. — Лететь может только один из нас. Так кто полетит?

— Я, я, я! — наперебой кричали дети.

— Ты, — сказала Мария.

— Нет, ты, — сказал Бодони.

И все замолчали. Дети собирались с мыслями.

— Пускай летит Лоренцо, он самый старший.

— Пускай летит Мириамна, она девочка!

— Подумай, сколько ты всего повидаешь, — сказала мужу Мария. Но глаза ее смотрели как-то странно, и голос дрожал. — Метеориты, как стаи рыбешек. Небо без конца и края. Луна. Пускай летит тот, кто потом все толком расскажет. А ты хорошо умеешь говорить.

— Чепуха. Ты тоже умеешь.

Всех била дрожь.

— Ну, так, — горестно сказал Бодони. Взял веник и отломил несколько прутиков разной длины. — Выигрывает короткий. — Он выставил стиснутый кулак. — Тяните.

Каждый по очереди сосредоточенно тащил прутик.

— Длинный.

— Длинный.

Следующий.

— Длинный.

Вот и все дети. В комнате стало очень тихо.

Оставались два прутика. У Бодони защемило сердце.

— Теперь ты, Мария, — прошептал он.

Она вытянула прутик.

— Короткий, — сказала она.

— Ну вот, — вздохнул Лоренцо и с грустью, и с облегчением. — Мама полетит на Марс.

Бодони силился улыбнуться.

— Поздравляю! Сегодня же куплю тебе билет.

— Обожди, Фиорелло.

— На той неделе и полетишь, — пробормотал он.

Дети смотрели на мать — у всех крупные прямые носы, и все губы улыбаются, а глаза печальные. Медленно она протянула прутик мужу.

— Не могу я лететь.

— Да почему?!

— Я должна думать о будущем малыше.

— Что-о?

Мария отвела глаза.

— В моем положении путешествовать не годится.

Он сжал ее локоть.

— Это правда?

— Начните сначала. Тяните еще раз.

— Почему же ты мне раньше ничего не говорила? — недоверчиво сказал Бодони.

— Да как-то к слову не пришлось.

— Ох, Мария, Мария, — прошептал он и погладил ее по щеке. Потом обернулся к детям: — Тяните еще раз. И тотчас Паоло вытащил короткий прутик.

— Я полечу на Марс! — Он запрыгал от радости. — Вот спасибо, папа!

Другие дети бочком, бочком отошли в сторону.

— Счастливчик ты, Паоло!

Улыбка сбежала с лица мальчика, он испытующе посмотрел на мать с отцом, на братьев и сестер.

— Мне правда можно лететь? — неуверенно спросил он.

— Правда.

— А когда я вернусь, вы будете меня любить?

— Конечно.

Драгоценный короткий прутик лежал у Паоло на раскрытой ладони, рука его дрожала, он внимательно поглядел на прутик и покачал головой. И отшвырнул прутик.

— Совсем забыл. Начинаются занятия. Мне нельзя пропускать школу. Тяните еще раз.

Но никто больше не хотел тянуть жребий. Все приуныли.

— Никто не полетит, — сказал Лоренцо.

— Это самое лучшее, — сказала Мария.

— Браманте прав, — сказал Бодони.

После завтрака, который не доставил ему никакого удовольствия, Фиорелло пошел в мастерскую и принялся за работу: разбирался в старом хламе и ломе, резал металл, отбирал куски, не разъеденные ржавчиной, плавил их и отливал в чушки, из которых можно будет сделать что-нибудь толковое. Инструмент совсем развалился; двадцать лет бьешься как рыба об лед, чтобы выдержать конкуренцию, и ежечасно тебе грозит нищета. Прескверное выдалось утро.

Среди дня во двор вошел человек и окликнул хозяина, который хлопотал у старого резального станка.

— Эй, Бодони! У меня есть для тебя кое-какой металл.

— Что именно, мистер Мэтьюз? — рассеянно спросил Бодони.

— Ракета. Ты что? Разве тебе ее не надо?

— Надо, надо! — Фиорелло схватил посетителя за рукав и, растерявшись, осекся.

— Понятно, она не настоящая, — сказал Мэтьюз. — Ты же знаешь, как это делается. Когда проектируют ракету, сперва изготавливают модель из алюминия в натуральную величину. Если ты расплавишь алюминий, кое-какой барыш тебе очистится. Уступлю за две тысячи.

Рука Бодони бессильно опустилась.

— Нет у меня таких денег.

— Жаль. Я хотел тебе помочь. В последний раз, когда мы разговаривали, ты жаловался, что все перебивают у тебя лом. Вот я и подумал — шепну тебе по секрету. Ну что ж...

— Мне позарез нужен новый инструмент. Я скопил на него деньги.

— Понятно.

— Если я куплю вашу ракету, мне даже не в чем будет ее расплавить. Моя печь для алюминия на той неделе прогорела...

— Ясно.

— Если я и куплю эту ракету, я ничего не смогу с ней сделать.

— Понимаю.

Бодони мигнул и зажмурился. Потом открыл глаза и посмотрел на Мэтьюза.

— Но я распоследний дурак. Я возьму свои деньги из банка и отдам вам.

— Так ведь если ты не сможешь расплавить алюминий.

— Привозите вашу ракету, — сказал Бодони.

— Ладно, раз тебе так хочется. Сегодня вечером?

— Чего лучше, — сказал Бодони. — Да, сегодня вечером мне ракета будет очень кстати.

Светила луна. Ракета высилась во дворе среди металлического лома — большая, белая. Она вобрала в себя белое сияние луны и голубой свет звезд. Бодони смотрел на нее с нежностью. Ему хотелось погладить ее, приласкать, прижаться к ней щекой, поведать ей свои самые заветные желания и мечты.

Он смотрел на нее, закинув голову.

— Ты моя, — сказал он. — Пускай ты никогда не извергнешь пламя и не сдвинешься с места, пускай будешь пятьдесят лет торчать тут и ржаветь, а все-таки ты моя.

От ракеты веяло временем и далью. Это было все равно что войти внутрь часового механизма. Каждая мелочь отделана и закончена с ювелирной тщательностью. Эту ракету можно бы носить на цепочке, как брелок.

— Пожалуй, сегодня я в ней и переночую, — взволнованно прошептал Бодони.

Он уселся в кресло пилота.

Тронул рычаг.

Стал то ли напевать, то ли гудеть с закрытым ртом, с закрытыми глазами.

Гудение становилось все громче, громче, все тоньше и выше, все странней и неистовей, оно ликовало, нарастало, наполняя дрожью все тело, оно заставило Бодони податься вперед, окутало его и весь воздушный корабль каким-то оглушительным безмолвием, в котором только и слышался визг металла, а руки Бодони перелетали с рычага на рычаг, плотно сомкнутые веки вздрагивали, а звук все нарастал — и вот уже обратился в пламя, в мощь, в небывалую силу, которая поднимает его, и несет, и грозит разорвать на части. Бодони чуть не задохнулся. Он гудел и гудел не переставая, остановиться было невозможно — еще, еще, он крепче зажмурил глаза, сердце колотится, вот-вот выскочит.

— Старт! — пронзительно кричит он.

Толчок! Громовой рев!

— Луна! — кричит он. — Метеориты! — кричит он, не видя, изо всех сил зажмурив глаза.

Неслышимый головокружительный полет в багровом пляшущем зареве.

— Марс, о Господи, Марс! Марс!

Задышавшись, он без сил откатнулся на спинку кресла. Трясущиеся руки сползли с рычагов управления, голова запрокинулась. Долго он сидел так, медленно и тяжело дыша, реже, спокойнее стучало сердце.

Медленно, медленно он открыл глаза.

Перед ним был все тот же двор.

С минуту он сидел не шевелясь. Неотрывно смотрел на груды лома. Потом подскочил, яростно ударил по рычагам.

— Старт, черт вас подери!

Ракета не отозвалась.

— Я ж тебя!

Он вылез наружу, его обдало ночной прохладой; спеша и спотыкаясь, он запустил на полную мощность мотор грозной резальной машины и двинулся с нею на ракету. Ловко ворочая тяжелый резак, задрал его вверх, в лунное небо. Трясущиеся руки уже готовы были обрушить всю тяжесть на эту нахальную, лживую подделку, искромсать, растащить на части дурацкую выдумку, за которую он заплатил так дорого, а она не желает работать, не желает повиноваться!

— Я тебя проучу! — заорал он.

Но рука его застыла в воздухе.

Лунный свет омывал серебристое тело ракеты. А поодаль, за ракетой, светились окна его дома. Там слушали радио, до него доносилась далекая музыка. Полчаса он сидел и думал, глядя на ракету и на огни своего дома, и глаза его то раскрывались во всю ширь, то становились как щелчки. Потом он оставил резак и пошел прочь и на ходу засмеялся, а подойдя к черному крыльцу, перевел дух и окликнул жену:

— Мария! Собирайся, Мария! Мы летим на Марс!

— Ой!

— Ух ты!

— Даже не верится!

— Вот увидишь, увидишь!

Дети топтались во дворе на ветру под сверкающей ракетой, еще не решаясь до нее дотронуться. Они только кричали, перебивая друг друга.

Мария смотрела на мужа.

— Что ты сделал? — спросила она. — Потратил все наши деньги? Эта штука никогда не полетит.

— Полетит, — сказал он, не сводя глаз с ракеты.

— Межпланетные корабли стоят миллионы. Откуда у тебя миллионы?

— Она полетит, — упрямо повторил Бодони. — А теперь идите все домой. Мне надо позвонить по телефону, и у меня много работы. Завтра мы летим! Только никому ни слова, понятно! Это наш секрет.

Спотыкаясь и оглядываясь, дети пошли прочь. Скоро в окнах дома появились их тревожные, разгоряченные рожицы.

А Мария не двинулась с места.

— Ты нас разорил, — сказала она. — Ухлопать все деньги на это... на такое! Надо было купить инструмент, а ты...

— Погоди, увидишь, — сказал Фиорелло.

Она молча повернулась и ушла.

— Господи, помоги, — прошептал он и взялся за работу.

За полночь приходили грузовые машины, привозили все новые ящики и тюки; Бодони, не переставая улыбаться, выкладывал еще и еще деньги. С паяльной лампой и полосками металла в

руках он опять и опять набрасывался на ракету, что-то приделывал, что-то отрезал, колдовал над нею огнем, наносил ей тайные оскорбления. Он запихал в ее пустой машинный отсек девять старых-престарых автомобильных моторов. Потом запаял отсек наглухо, чтобы никто не мог подсмотреть, что он там натворил.

На рассвете он вошел в кухню.

— Мария, — сказал он, — теперь можно и позавтракать.

Она не стала с ним разговаривать.

Солнце уже заходило, когда он позвал детей:

— Идите сюда! Все готово!

Дом безмолвствовал.

— Я заперла их в чулане, — сказала Мария.

— Это еще зачем? — рассердился Бодони.

— Твоя ракета разорвется и убьет тебя, — сказала она. — Какую уж там ракету можно купить за две тысячи долларов? Ясно, что распоследнюю дрянь.

— Послушай, Мария...

— Она взорвется. Да тебе с ней и не совладать, какой ты пилот!

— А все-таки на этой ракете я полечу. Я ее уже приспособил.

— Ты сошел с ума.

— Где ключ от чулана?

— У меня.

Он протянул руку:

— Дай сюда.

Мария отдала ему ключ.

— Ты их погубишь.

— Не бойся.

— Погубишь. У меня предчувствие.

Он стоял и смотрел на нее.

— А ты не полетишь с нами?

— Я останусь здесь, — сказала Мария.

— Тогда ты все увидишь и поймешь, — сказал он с улыбкой. И отпер чулан. — Выходите, ребята. Пойдем со мной.

— До свиданья, мама! До свиданья!

Она стояла у кухонного окна, очень прямая, плотно сжав губы, и смотрела им вслед.

У входного люка отец остановился.

— Дети, — сказал он, — мы летим на неделю. После этого вам надо в школу, а меня ждет работа. — Он каждому по очереди поглядел в глаза, крепко сжал маленькие руки. — Слушайте внимательно. Эта ракета очень старая, она годится только еще на один раз. Больше ей уже не взлететь. Это будет единственное путешествие за всю вашу жизнь. Так что глядите в оба!

— Хорошо, папа.

— Слушайте, старайтесь ничего не пропустить. Старайтесь все заметить и почувствовать. И на запах, и на ощупь. Смотрите. Запоминайте. Когда вернетесь, вам до конца жизни будет о чем порассказать.

— Хорошо, папа.

Корабль был тих, как сломанные часы. Герметическая дверь тамбура со свистом закрылась за ними. Бодони уложил детей, точно маленькие мумии, в подвесные койки и пристегнул широкими ремнями.

— Готовы?

— Готовы! — откликнулись все.

— Старт!

Он щелкнул десятком переключателей. Ракета с громом подпрыгнула. Дети завизжали, их подбрасывало и раскачивало.

— Смотрите, вот Луна!

Луна призраком скользнула мимо. Фейерверком проносились метеориты. Время уплывало змеящейся стружкой газа. Дети кричали от восторга. Несколько часов спустя он помог им

выбраться из гамаков, и они прилипли носами к иллюминаторам и смотрели во все глаза.

— Вот, вот Земля!

— А вот Марс!

Кружили по циферблату стрелки часов, за кормой ракеты розовели и таяли лепестки огня; у детей уже слипались глаза. И наконец, точно опьяневшие бабочки, они снова улеглись в коконах подвесных коек.

— Вот так-то, — шепнул отец.

Он на цыпочках вышел из рубки и долго в страхе стоял у выходного люка. Потом нажал кнопку.

Дверца люка распахнулась. Он ступил за порог. В пустоту? Во тьму, пронизанную метеоритами, озаренную факелом раскаленного газа? В необозримые пространства, в стремительно уносящиеся дали? Нет. Бодони улыбнулся.

Дрожа и сотрясаясь, ракета стояла посреди двора, заваленного металлическим хламом.

Здесь ничего не изменилось — все те же ржавые ворота и на них висячий замок, тот же тихий домик на берегу реки, и в кухне светится окошко, и река течет все к тому же далекому морю. А на самой середине двора дрожит и урчит ракета и ткет волшебный сон. Содрогается, и рычит, и укачивает спеленатых детей, точно мух в упругой паутине.

В окне кухни — Мария.

Он помахал ей рукой и улыбнулся.

Отсюда не разглядеть, ответила она или нет. Кажется, чуть-чуть махнула рукой. И чуть-чуть улыбнулась.

Солнце встает.

Бодони поспешно вернулся в ракету. Тишина. Ребята еще спят. Он вздохнул с облегчением. Лег в гамак, пристегнулся ремнями, закрыл глаза и мысленно помолится: только бы еще шесть дней ничто не нарушало иллюзию. Пусть проносятся мимо бескрайние пространства, пусть всплывут под нашим кораблем багровый Марс и его спутники, пусть не будет ни единого изъяна в цветных фильмах. Пусть все происходит в трех измерениях, только бы не подвели хитро скрытые зеркала и экраны, что создают этот блистательный обман. Только бы должный срок прошел и ничего не случилось.

Он проснулся.

Неподалеку в пустоте плыла багровая планета Марс.

— Папа! — Дети старались вырваться из гамаков. Бодони посмотрел в иллюминатор — багровый Марс был великолепен, без единого изъяна. Какое счастье!

На закате седьмого дня ракета перестала дрожать и затихла.

— Вот мы и дома, — сказал Бодони.

Люк распахнулся, и они пошли через захламленный двор оживленные, сияющие.

— Я вам нажарила яичницы с ветчиной, — сказала Мария с порога кухни.

— Мама, мама, ну почему ты с нами не полетела! Ты бы увидела Марс, мама, и метеориты, и все-все.

— Да, — сказала Мария.

Когда настало время спать, дети окружили Бодони.

— Спасибо, папа! Спасибо!

— Не за что.

— Мы всегда-всегда будем про это помнить, папа. Никогда не забудем!

Поздно ночью Бодони открыл глаза. Он почувствовал, что жена, лежа рядом, внимательно смотрит на него. Долго, очень долго она не шевелилась, потом вдруг стала целовать его лоб и щеки.

— Что с тобой? — вскрикнул он.

— Ты — самый лучший отец на свете, — прошептала Мария.

— Что это ты вдруг?

— Теперь я вижу, — сказала она. — Теперь я понимаю. Не выпуская его руки, она откинулась на подушку и закрыла глаза.

— Это было очень приятно — так полетать? — спросила она.

- Очень.
- А может быть, может быть, когда-нибудь ночью ты и со мной слетаешь хоть недалеко?
- Ну, недалеко — пожалуй, — сказал он.
- Спасибо. Спокойной ночи.
- Спокойной ночи, — сказал Фиорелло Бодони.

Эпилог

Epilogue, 1951 год

Переводчик Б. Клюева

Наступила полночь. Луна поднялась высоко в небе. Человек в картинках лежал не двигаясь. Я уже видел все, что можно было увидеть. Все истории были рассказаны — с ними покончено навсегда.

Но на спине Человека в картинках оставалось пустое место, где смешались различные цвета и формы. Пока я смотрел на них, смутные очертания начали растягиваться, разные формы потихоньку набегали одна на другую, потом еще и еще. И в конце концов там появилось лицо, лицо, которое пристально смотрело на меня с разукрашенной плоти, лицо со знакомым мне носом и ртом, со знакомыми глазами.

Оно было подернуто густой дымкой. Но того, что я увидел, было вполне достаточно, чтобы заставить меня подпрыгнуть. Освещенный луной, я застыл на месте в страхе, что дуновение ветра или движение звезд разбудят чудовищную галерею, лежавшую у моих ног. Но он продолжал спокойно спать.

На его спине было изображение самого Человека в картинках. Он держал меня за горло и душил. Я не стал дожидаться того, чтобы картина прояснилась, сделалась четкой и определенной.

В лунном свете я помчался по дороге. Я не оглядывался. Маленький городишко, темный и спящий, находился у меня впереди. Я знал об этом и о том, что задолго до рассвета я доберусь до города...